

ФГБОУ ВПО «ТАГАНРОГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени А.П. ЧЕХОВА»

На правах рукописи

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРВОНЫЙ

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА
КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.05 — романские языки

Диссертация
на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор А.В. Алферов

Таганрог
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА.....	22
1.1. Категория субъекта в антропоцентрической парадигме	22
1.2. Семиотико-функциональный метод исследования языковой категории субъекта	33
1.3. Индексальные и номинативные поля категории субъекта	50
1.4. Категории субъекта и субъективности в языке	59
<i>1.4.1. Одушевлённость-неодушевлённость .....</i>	<i>59</i>
<i>1.4.2. Интенциональность / экстенциональность .....</i>	<i>62</i>
<i>1.4.3. Полифонический субъект высказывания как основная единица смыслового анализа .....</i>	<i>67</i>
<i>1.4.4. Субъект в объекте и объект в субъекте .....</i>	<i>75</i>
<i>1.4.5. Определенность/неопределенность .....</i>	<i>87</i>
ВЫВОДЫ	91
ГЛАВА II. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	98
2.1. Категория семантико-синтаксического субъекта	98
2.2. Редукция семантического субъекта как проявление функциональной динамики в языке.....	111
<i>2.2.1. Причины редукции семантического субъекта.....</i>	<i>111</i>
<i>2.2.2. Лексико-грамматическая парадигма форм редукции семантического субъекта .....</i>	<i>120</i>
2.3. Роль предикативного центра в определении функционально- семантического поля субъекта	134
ВЫВОДЫ	140

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СРЕДСТВ РЕДУКЦИИ СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	145
3.1. Выражение реального деятеля дейктическими местоимениями в повествовательном предложении	147
3.1.1. <i>Выражение редуцируемого семантического субъекта местоимением “on” .....</i>	147
3.1.2. <i>Выражение редуцируемого семантического субъекта местоимением “quelqu’un” .....</i>	151
3.1.3. <i>Выражение редуцируемого семантического субъекта местоимением “ça” .....</i>	153
3.1.4. <i>Редукция семантического субъекта местоимением “qui” .....</i>	158
3.2. Редукция субъекта в вопросительных структурах французского языка	161
3.2.1. <i>Выражение субъекта местоимением “qui” в интеррогативах .....</i>	161
3.2.2. <i>Редукция субъекта местоимением “qui” в вопросительных предложениях, выполняющих вторичную функцию .....</i>	168
3.3. Редукция субъекта и актуальное членение предложения и текста.....	175
ВЫВОДЫ	179
ГЛАВА IV. ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА.....	182
4.1. Устранение семантического субъекта в повествовательном предложении.....	187
4.1.1. <i>Имплицитность семантического субъекта в безличных конструкциях .....</i>	187
4.1.2. <i>Элиминация семантического субъекта в пассивных конструкциях .....</i>	192

4.1.3. Латентность семантического субъекта в возвратно-пассивных конструкциях	209
4.1.4. Невыраженность семантического субъекта в возвратно-каузативных конструкциях	211
4.1.5. Имплицитность семантического субъекта в конструкциях, образованных глаголами-конверсивами типа “reervoir”	214
4.2. Устранение семантического субъекта посредством номинализации	217
4.2.1. Субъектная номинализация	220
4.2.2. Латентность семантического субъекта в структурах с объектной номинализацией	226
4.2.3. Элиминация семантического субъекта из конструкций, образованных безличным оборотом <i>il y a + N</i>	230
4.2.4. Невыраженность семантического субъекта в номинативном предложении	232
4.2.5. Имплицитность семантического субъекта в полипропозициональном предложении	234
4.3. Элиминация субъекта в императивных конструкциях.....	237
4.4. Метонимическое выражение семантического субъекта	239
4.4.1. Орудия.	240
4.4.2. Оружие.....	241
4.4.3. Процесс и средства передвижения.	241
4.4.4. Место работы и жительства.	242
4.4.5. Соматизмы.	243
5.1. Субъективность / объективность в семантической структуре фразеологизма	251
5.2. Редукция субъекта в семантической структуре фразеологизма ..	254
5.3. Личный, неопределенно-личный, обобщенно-личный субъект. ..	255

5.4. Фразеологические средства выражения категории «языковой субъект»: человек и его симулякры	260
ВЫВОДЫ	273
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
БИБЛИОГРАФИЯ	280
ПРИЛОЖЕНИЕ I. МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ	328
ПРИЛОЖЕНИЕ II. СУБЪЕКТИВНЫЙ ДИСКУРС С МАРКЕРАМИ СУБЪЕКТА (СУБЪЕКТНЫМИ РЕПРЕЗЕНТАТИВАМИ) РАЗНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.....	350

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено анализу системно-семиотических и функциональных свойств категории «языковой субъект», объединяющей функциональный класс разноуровневых средств и типологическую парадигму субъектных репрезентативов (СР), которые отражают когнитивные и интеракционные процессы функционирования разных типов субъекта в коммуникативной среде.

Субъект представляет собой наиболее актуальное для изучения явление и не столько потому, что относится к семантико-прагматическому ядру языковой системы, а сколько потому, что в проблеме полифункциональности субъекта проявляются лингвистические проблемы центра и периферии, децентрализации, перехода от системно-структурного имманентного подхода к антропоцентрической парадигме исследования языка.

Важно подчеркнуть двойственный характер категории «языковой субъект»: с одной стороны, она онтологически соотносится с индивидуальным субъектом, а с другой, – олицетворяет весь социум в социальном субъекте. Кроме того, она соотносится с полиморфным субъектом плана выражения. Если «язык социален, а речь – индивидуальна» (Ф. Соссюр), то категория объединяет как статику, так и динамику форм выражения такого двойного субъекта.

Фундаментальным свойством языкового субъекта является его трансцендентный характер: претерпевая различные трансформации в плане выражения, он, видоизменяясь, постоянно присутствует в плане содержания в виде той или иной ментальной репрезентации.

Одной из постоянных трансформаций субъекта языка-речи является редукция морфосинтаксического субъекта из плана выражения («безличные предложения»). Причины этого явления связаны прежде всего с речевой интенцией говорящего: в зависимости от контекста и ситуации в дискурсе

нередко наблюдается невыраженность (устранение) формального субъекта, в случае, когда в плане содержания его замещает обобщенное представление. Обобщенное представление субъекта (ОПС) является по сути дела его частичным субститутом, восполняющим информационную лакуну, которая возникает вследствие удаления из поверхностной структуры высказывания определенной части информации относительно производителя действия.

Академик В.В. Виноградов термином «устранение лица» определял те случаи, когда говорящий обозначает лишь одно действие, не заботясь о действующем субъекте. Устранение лица он рассматривал как элемент в градации выражения субъекта *с разной степенью определенности*. В.В. Виноградов на материале русского языка рассматривал значение лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы (первого лица) через семантически более растяжимые формы второго и третьего лица, далее через неопределенно-личное значение к устранению лица и безличности [Виноградов 1947, 462].

Однако устранение субъекта действия осуществляется не только на лексико-морфологическом уровне выражения категории лица, но и синтаксическими способами, при которых реальный деятель «понижается в ранге», теряя центральную позицию в актантных синтаксических схемах (например, пассив в его многовариантных проявлениях) [Копров 2000; Ломов 1994; Сильницкий 1981].

Продолжая и расширяя данную концепцию, мы выдвигаем **гипотезу о полисемиотической сущности субъекта**, процесс выражения которого затрагивает не только системно-структурные уровни языка, но прежде всего функционально-прагматические механизмы *интенционального кодирования* и *инференциально-интерпретационного* механизма *декодирования* языковой информации, что превращает категорию «языковой субъект» в полиморфную лексико-грамматическую категорию на уровне плана выражения.

Объектом исследования в этом случае становится полиморфная *категория субъекта* (КС) в динамике, в виде различных формальных реализаций субъектности как в системе «язык-речь», так и в области взаимодействия формы и субстанции в преломлении к когнитивно-лингвистическим процессам формирования категории субъекта. Категория субъекта объединяет категории личности и определенности, коррелирующие с оппозициями «одушевленность / неодушевленность», «личность / безличность» и др., и включает их как субкатегории, образующие функционально-семиотическое поле *суперкатегориии* (Ю.С. Степанов) языкового субъекта.

Предметом исследования становится механизм трансформации языкового субъекта в рамках определенного когнитивно-семиотического поля категории языкового субъекта, понимаемого как результат когнитивной и языковой деятельности в процессе построения того или иного уровня дискурса (словосочетания, высказывания, текста).

Трансформации и, в частности, «устранение» субъекта представляют собой важное коммуникативное явление, которое возникает в разных коммуникативных ситуациях и реализует различные коммуникативные намерения говорящего, осуществляется разнообразными языковыми, речевыми и паравербальными (интонация, жест и.т.п.) средствами. Многие из этих средств были предметом специальных исследований. При этом, как правило, научный и практический интерес представляет изучение средств трансформации субъекта в виде функционально-семантического поля, разноуровневые элементы которого связаны ассоциативно-логическими инференциями.

Так, в теории психосистематики Г. Гийома рассматривается неопределенно-личная форма как безграничное расширение семантики конкретного лица. «Устранение» происходит лексическим путем, т.е. путем выражения **реального деятеля** местоимениями с расплывчатой семантикой

[Guillaume 1973; Moignet 1974]. Объяснение процесса “размывания” формы выражения субъекта дала в свое время теория Э. Бенвениста [Бенвенист 1974].

Устранение субъекта осуществляется с помощью конструкций, изменяющих ориентацию процесса и понижающих валентность глагола, отображающего ситуацию [Гак 1991]. Отмеченные на материале французского языка синтаксические конструкции могут быть сведены к активной конструкции с местоимением “on”. Невыраженность субъекта действия обнаруживается в синтаксических конструкциях с безличными оборотами, в личных предложениях, в которых субъект выражен обобщенными местоимениями с расплывчатой референцией, субъективными маркерами (глаголами, притяжательными местоимениями, прилагательными и т.д.) [Kerbrat-Orecchioni 2002] или метонимически заменен указанием на орудие действия, средство передвижения, на местонахождение, часть тела и т.д. Устранение субъекта может также достигаться с помощью номинализации глагола.

В последнее время в связи с распространением антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований, развитием герменевтики, лингвистики текста, паремиологии, структурной семиотики, а также вследствие проводимых постструктуралистами исследований и т.д. проблема субъекта может быть решена лишь на интегрирующем уровне, базу которого составляет методология **функциональной семиотики**.

Об уточнении и необходимости дальнейшей разработки семиотического принципа именно с функциональной точки зрения, т. е. разработки функционально-семиотического подхода к изучению языковых единиц, писал Ю.С. Степанов [Степанов 1985]. Такой подход должен отражать динамическую сторону языка, быть направлен на функциональность (в момент использования языкового знака в высказывании для выражения определенной мысли), что, по сути, отражает изучение семиозиса как процесса формирования значения знака. Опираясь на принцип изучения актуального знака, можно

закономерно связать его формальные проявления (синтактику – по Дж. Моррису [Morris 1946]), его семантику (конкретное значение в момент употребления) и прагматику как проявление смысла в контексте употребления категории субъекта ‘hic et nunc’.

По определению Н. Н. Болдырева, «при функционально-семиологическом подходе язык выступает как единый объект — язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного). Очевидно, что в обыденном сознании носителей языка эти два аспекта практически неразделимы» [Болдырев 2001].

При всей многообразной лексикографической трактовке понятия «субъект», которая варьируется в зависимости от дисциплины, его изучающей, от языка к языку и, соответственно, от автора к автору, мы в своей работе руководствуемся следующим положением: «Наличие двух уровней когнитивной концептуализации (феноменологического и структурального – [Верхотурова 2011]) – обусловлено сложной структурой онтологической сущности, известной под названием homo sapiens. Важнейшими составляющими этой структуры выступают “субъект восприятия”, “субъект сознания”, “субъект действия” и “субъект познания”, при этом различные стороны этих ипостасей так или иначе опосредуются через языковую способность человека, выступающего в роли субъекта речи» [Кравченко 1996].

У категории субъекта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, с другой стороны, в структуру категории входит все то, что и делает её фактом языковой культуры – исходная форма (прототип), сжатая до основных признаков содержания, и полиморфизм в плане языкового выражения. К этому добавляются прагмакогнитивные ассоциации, оценки, проявления интенциональности говорящего субъекта. В отличие от концепта, категории свойственно

имплицитное выражение, так называемый «значимый ноль», приравниваемый к одной из форм субъектной репрезентации.

Итак, категория «языковой субъект» есть абстрактная ментальная репрезентация, актуализирующаяся в речи в том или ином случае посредством своего конкретного субъектного репрезентатива (СР).

Субъект как языковая категория рассматривается, в целом, семасиологически: предметом исследования становятся средства реализации контаминирующих субкатегорий субъекта и субъективности в языке.

В современных исследованиях субъект как языковая категория исследуется, например, с точки зрения залоговых отношений и прономинальности в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах [Копров 2000; Магомедов 2003; Толстова 2010]; с точки зрения отношений субъекта и объекта в рамках семантического синтаксиса [Иосилевич 2002; Макарадзе 1984; Матаева 2005]; определяется роль субъекта в построении предложения и его морфологические реализации в разных языках [Мамаева 2005; Мишина 2006]. Категория субъекта, её лексические и синтаксические реализации рассматриваются в структурно-семантических исследованиях с учетом диахронического аспекта, функционально-семантической омонимии, субституции и национальной специфики [Алешина 2003; Аминова 2005; Ван Сяоцзюнь 2010; Гришина 2002; Егорова 2007; Ильичева 2007; Козел 2002; Макеева 2002; Олейникова 2008; Певнева 1996; Побегайло 2001; Чжан 2008].

Особое направление составляют исследования субъективности как принципиальной характеристики и функции субъекта (в языке и речи) в различных её манифестациях как в синхронии, так и в диахронии [Капрэ 2011; Нейдаева 1985; Орехова 2011]. К ним примыкают исследования, посвященные типологии субъективности и текстовым (и др.) маркерам субъекта в различных речезыковых формах [Камнева 2011]. Изучение категории субъекта выходит за рамки предложения-высказывания, и субъект начинает рассматриваться как

текстообразующая категория [Имеретинская 2002; Степанов 2002]. Исследования становятся во многом текстологическими и филологическими [Бобкова 2008; Гарамян 2004; Глухова 2010; Думанишева 2011; Локтионова 2005; Меркушева 2010; Никитченко 2000; Обухов 2008; Пелевина 2009; Поляков 2005; Трофимова 2004].

В настоящее время в работах, посвященных данной проблематике, намечилась методологическая бифуркация: одни исследования ориентированы все так же на характеристики субъекта внутри языковых или речевых образований (лексика, высказывание, фразеология, текст) [Белау 2009; Бубнова 2008; Карлина 1999; Мерзлякова 2010; Моисеева 2006; Талалай 2004; Топтыгина 2003], другие выходят на межпредметный функциональный уровень, рассматривая речеповеденческие характеристики субъекта в различных институциональных реализациях и коммуникативных жанрах [Атабекова 1984; Гермашева 2011; Зятькова 2003; Изюров 2005; Казанцева 2007; Крапивкина 2011; Работкин 2009; Сподарец 2011; Тагильцева 2006].

За рамки лингвистической предметности в изучении КС выходят работы функционально-прагматической направленности, ориентированные на социолингвистические аспекты речевого взаимодействия и межкультурной коммуникации: особо следует отметить работы по ономастике как прототипической форме интеракционального маркирования субъекта [Горяев 1999; Косиченко 2006; Рылов 2006; Тюкалова 2005 и др.]. Успешно развиваются исследования, посвященные речевому поведению субъекта как личности, как члена социального коллектива с определенным кодексом поведения (в том числе и речевого) [Кравцов 2008; Никитина 2006; Свинцицкий 1985 и др.].

Эти работы стали логическим продолжением научной мысли, заложенной в трудах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1979; 1996], Ю.Н. Караулова [Караулов 2007], В.Б. Кашкина [Кашкин 2013], И.А. Стернина [Стернин 2000] и др., воплотившись в

исследования разных кодов речевого взаимодействия субъектов [Варварин 2009; Киреева 1999; Куличенко 2011; Приходкина 2007; Сапега 2008; Сидорова 2008].

В лингвистической литературе по проблеме субъекта во французском языке, помимо упомянутых выше, можно выделить достаточное количество публикаций, посвященных лингвистическому субъекту и манифестациям субъективности. Эти исследования, берущие свое начало в антропоцентричной теории речевого высказывания Э. Бенвениста [Benveniste 1966; Бенвенист 1974], представлены в работах [André-Larochebouvvy 1984; Apostel 1981; Charaudeau 1995; Coquet 1984; Ducrot 1980; François 1994; Jacques 1983; 1985; Kerbrat-Orecchioni 1984; 2002; 2005; Parret 1983; Récanati 1979; Roulet 1985], а также в целом ряде публикаций скорее философско-филологического плана, которые восходят к постструктурализму, в рамках которого с позиции автора и читателя рассматривается проблема смыслообразования [Барт 1994; Кузнецов 2003; Французская семиотика 2000; Эко 2007].

Таким образом, подводя итог краткого обзора далеко не всех исследований, так или иначе представляющих субъект и его проявления в языке (субъективность и др. категории), в речи и речевом поведении и, наконец, в целом в ЯКМ той или иной лингвокультуры, можно констатировать синкретизм и многозначность самого термина «субъект».

Поэтому аналитический дескриптивный подход к категории *субъект*, помимо «человеческого фактора», должен быть дополнен синергетическим подходом, объединяющим в одной категории и метаречевые, и онтологические, и метафорические как регулярные, так и окказиональные, когнитивные репрезентации. Такой холистический подход, используемый в данной работе, тем более оправдан, поскольку он гораздо ближе самому понятию «категория», которая, будучи структурно сложным ментальным образованием, несет в себе как черты внеязыковой (онтологической) перцептивности, понятийности и эмоциональной оценочности в её эксплицитном или инференциальном аспекте,

так и языковую ипостась «точки зрения» говорящего/слушающего на источник или объект действия (либо отсутствие такового) в плане содержания. Существует еще и организующий элемент роли субъекта, в той или иной степени необходимый в плане выражения.

Итак, **целью исследования** становится целостное представление сложноструктурной, т.е. полиморфной категории «языковой субъект» как полиаспектного семиотического конструкта, как управляющего и регулирующего антропоцентрического начала в функционировании языковой и речевой систем, содержание которого не может быть сведено исключительно к фигуре говорящего или его семантико-синтаксическому языковому симулякру. Проведенное системное исследование трансформаций и функций изучаемой категории создает концептуальный базис семиотико-функциональной теории субъекта, релевантной для всех её манифестаций в системе «язык-речь».

Предметный и иллюстративный **языковой материал**, использованный в работе, относится к различным уровням языка и речи: от семантико-синтаксического анализа предложений, взятых из произведений французской литературы, до лексикографического описания французских фразеологизмов и паремий как определенного переходного уровня «языка-речи», наиболее приближенного к дискурсу и представляющего реализации категории «языковой субъект», нормативно или узувально зафиксированные во французской разножанровой идиоматике.

Основная **гипотеза**, выдвинутая на основе проведенных исследований, состоит в том, что категория субъекта представляет собой полиморфную категорию, сформировавшуюся на речемыслительном уровне того или иного этноса, которая требует трансуровневого динамического представления элементов структуры, подверженных трансформациям в процессе функционирования.

Заявленная цель исследования предполагает решение следующих задач:

а) выявить связь между синтаксической, семантической и прагматической составляющими категории «языковой субъект» (семиотико-функциональный подход);

б) выделить субкатегории, образующие ядро исследуемой суперкатегории, и показать их организующее начало в её семиотической структуре;

в) определить возможные трансформации КС в языке и речи, связанные с интенциональностью говорящего, коммуникативной ситуацией, синтаксическими особенностями представления субъекта (на материале французского языка);

д) выработать методологическую модель исследования таких синкретических категорий, как категория «языковой субъект», применимую для других языков и речеповеденческих культур;

е) апробировать реализацию выработанной модели функционально-семиотического анализа на различных лингвокультурных объектах на уровне системы «язык-речь».

Постановка указанных задач требовала в рамках **функционально-семиотической методологии** исследования привлечения таких частных методов, как: оппозитивный, дистрибутивный, генеративный (диахронический), метод семантико-синтаксического (актантного) моделирования, интерпретационно-импликативный анализ.

На защиту выносятся следующие теоретические **положения**:

1). Категория «языковой субъект» реализуется на когнитивно-языковом и речевфункциональном уровнях, допуская семиотическую контаминацию в своей реальной реализации трех планов — синтаксического, семантического и прагматического. Средства их выражения формируют функционально-семантическое поле (ФСП) категории.

2). Ядром исследуемой категории субъекта в её отношении к онтологии мира и языка является антропоцентрическое понятие “ego”. Определяющим

качеством субъекта выступает **взаимодействие (интеракция)** субъекта а) с объектом; б) с субъектом; в) со средой существования.

3). Языковым коррелятом семантического ядра ФСП категории «языковой субъект» являются личные местоимения «я-ты» как прототипическая основа языковой коммуникации. Они определяются как *центростремительные элементы* системно-структурной организации категории. В системе местоимений проявляются типологически релевантные трансформации субъекта, т.е. субъектные репрезентативы, которые отличаются наличием некоторых характерологических трансформационных показателей во французском и в других языках.

4). Центростремительным элементам оппозитивно противопоставлены два типа центробежных знаков: *нейтрализующий* и *нулевой*.

5). Элемент, *нейтрализующий субъект*, в онтологии языка и мира представлен **объектом**, взаимодействующим с субъектом на основе интерактивной связи. «Субъект-объектные» отношения диалектичны, динамичны, векторно взаимонаправлены и взаимодополняемы, пресуппозиционально предполагают друг друга в структуре самой категории. Нейтрализация субъекта происходит за счет перенесения интенционального фокуса говорящего и/или интерпретатора на семантический объект в его интерактивности.

«Субъект-субъектные» (интеракциональные) отношения рассматриваются по принципу дополнительности по отношению к «субъект-объектным» (интерактивным) отношениям и характеризуются на трех уровнях: деятельностном, речевом и предметно-референтном.

6). *Нулевым* знаком является крайняя децентрализация, когда субъект перестает существовать как таковой в данной перцептивной среде: либо покидая её (переходя на другой уровень восприятия), либо растворяясь в окружающей его языковой среде, теряя свои основные качества. Устранение (редукция) субъекта в плане выражения вызывает в когнитивном аппарате

индивидуума «обобщенное представление субъекта», заполняющее образовавшуюся когнитивную лакуну.

7). Типологической чертой выражения КС является ономастикон, совмещающий персонифицированную апеллятивную функцию с номинативно-дескриптивной функцией языкового субъекта. Имена собственные в различных своих функциях могут перемещаться от периферии к ядерной зоне категории «языковой субъект».

8). Трансформации КС обусловлены продуктивностью экспрессивно-дескриптивной функции языка и зависят от интенциональности говорящего. Следовательно, субъективность как основной признак субъекта существует как категория, образующая ядро ФСП наряду с категориями оценки, эмотивности и экспрессивности.

9). Редукция субъекта в плане выражения, вызывая в когнитивном аппарате индивидуума «обобщенное представление субъекта» (ОПС), ведет к метафорически-метонимической компенсации на поверхностном уровне языка-речи.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дается системный функционально-семиотический анализ категории субъекта и функциональной типологии субъектных репрезентативов (СР), коррелирующих с ментальными моделями, составляющими содержание и структуру категории «языковой субъект» на материале французского языка; выявляется прототипичность трансформаций языкового субъекта как в когнитивном, так и языковом аспектах; описывается семиогенез субъектных репрезентативов на разных уровнях системы «язык-речь»; раскрываются механизмы семантико-прагматических трансформаций, обуславливающих закономерности образования и функционирования категории «языковой субъект».

К научной новизне работы относятся и выработанные в процессе анализа операциональные категории, такие как типы отношений «субъект – объект»-«субъект – субъект»-«субъект – среда», т.е. градуальные отношения,

определяющие центростремительные и центробежные векторы функционально-семантического поля (ФСП) категории; «субъектные репрезентативы» (СР), составляющие типологию манифестации субъекта на языковом и речевом уровнях; «обобщенное представление субъекта» (ОПС), позволяющее мысленно восстанавливать отсутствующий в плане выражения и в плане содержания субъект.

Впервые во французской романистике проведено комплексное исследование языкового субъекта как полифункциональной ментальной репрезентации (категории) с точки зрения трансформаций субъектных репрезентативов на морфо-синтаксическом, лексико-семантическом, функционально-семиотическом, фразеологическом и функционально-интеракционном уровнях анализа.

В работе впервые представлена классификация семиотических типов субъектных репрезентативов, описана система функционирования категории субъекта во французской разножанровой идиоматике.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке функционально-семиотической типологии языкового субъекта, основанной на полиаспектном подходе к формированию ЯКМ, объединяющем когнитивные закономерности порождения и восприятия речи с телеологической концепцией языка как знаковой системы. Теоретическая значимость в значительной степени определяется выявленной совокупностью свойств субъектных репрезентативов, как-то: способностью образования синтактико-семиотических полей; диафоричностью субститутов субъекта, т.е. кореферентной связью с предыдущими и последующими элементами высказывания и дискурса; дополнительностью (сочетаемостью) с другими семантико-синтаксическими единицами (глаголами и проч.) и модусными элементами высказывания и дискурса; способностью участвовать в инференционном построении обобщенного представления субъекта (ОПС) как «точки зрения», которая определяется системными функциями в семантико-синтаксической

организации высказывания и дискурса. Теоретической значимостью обладает выводимое понятие прагма-инференциальной конверсии языкового субъекта как результата взаимодействия когнитивного (инференционального) и коммуникативного (импликационного) механизмов мысли и языка. Теоретически обосновано применение категорий «субъектная среда», «субъект-объектные» и «субъект-субъектные» отношения, а также отношения «субъект-среда»; на материале французского языка проведено комплексное описание содержания и структуры категории «языковой субъект». Проведенное системное исследование функций и трансформаций изучаемой категории позволило создать концептуальный базис семиотико-функциональной *теории субъекта*, релевантной для всех её манифестаций в системе «язык-речь».

Практическая значимость определяется тем, что материал и результаты работы могут быть использованы в дальнейшем исследовании закономерностей систем языковых категорий, а также при разработке курсов по теоретической грамматике французского языка, лексикологии, сравнительной типологии французского и русского языков, коммуникативной грамматике. Теоретические положения и выводы, полученные в результате исследования, используемые в диссертации подходы и методы анализа могут послужить научно-методологической основой для написания курсовых, дипломных и диссертационных работ по лингвистике. Материалы данного исследования нашли применение в практике преподавания французского языка, в теоретических курсах по лексикологии и грамматике французского языка в Таганрогском государственном педагогическом институте имени А.П. Чехова; на кафедре французского языка Пятигорского государственного лингвистического университета.

Апробация диссертации. Основные положения и научные результаты исследования прошли апробацию на международных, всероссийских и межвузовских научных конференциях в Москве (1994, 1996, 1998, 2008); в Минске (2010); в Саратове (1999); в Волгограде (2007); в Сочи (1996); в

Вологде (1997); в Орске (1998); в Архангельске (1998); в Тамбове (1998); в Пскове (1999); в Иркутске (1998, 1999); в Майкопе (2006); в Ростове-на-Дону (2007); в Пятигорске (1997, 2012, 2013); в Таганроге (1998, 2005, 2010, 2011, 2012), на научных семинарах кафедр французского языка Таганрогского государственного педагогического института и Пятигорского государственного лингвистического университета. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры французского языка Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова.

Результаты исследования отражены также в 2-х персональных и 2-х коллективных монографиях, а также в публикациях – общим объемом более 40 п.л.

Поставленные цели и задачи определили **структуру** и **объем диссертации**, состоящей из введения, пяти глав, заключения и приложений.

Во **введении** обосновываются актуальность исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **1-й главе «Теоретические предпосылки исследования языковой категории субъекта»** рассматриваются теоретические предпосылки исследования языкового субъекта в трех его ипостасях, составляющих семиотическую сущность категории, — синтаксической, семантической и прагматической. Обосновываются основные методологические принципы, которым следует выработанная концепция; представляется структура полиморфной категории «языковой субъект», описываются субкатегории, составляющие неотъемлемые признаки категории и её СР.

Во **2-й главе «Синтаксическая семантика и трансформации субъекта во французском языке»** рассматривается семантико-синтаксическая категория языкового субъекта, состоящая в свою очередь из лексико-грамматических форм СР. Исследуется феномен редукции семантического субъекта и взаимодействие плана выражения и плана содержания СР. Определяется роль

предикативного центра (ядра) в функционально-семантическом поле языкового субъекта.

Глава 3-я «Лексико-семантическое поле средств редукции субъекта во французском языке» посвящена более подробному исследованию трансформаций языкового субъекта во французском языке на примере ядерных личных местоимений – маркеров и операторов СР.

В главе 4-й **«Имплицитные формы семантического субъекта»** приводится парадигма средств, маркирующих формальное отсутствие СР и компенсирующих восстановление семантического субъекта в контексте высказывания и дискурса.

В главе 5-й **«Функциональные трансформации субъекта во французской фразеологии»** разрабатывается концепция аргументативно-оценочной природы основных СР в совокупности с контекстом и речевжанровой реализацией.

В **выводах и заключении** обобщаются результаты, приводятся основные доказательные положения и подводятся итог проведенного исследования.

В **приложениях** а) дается лексикографическое двуязычное сопоставительное описание фразеологического поля «Речевая деятельность» с разной степенью выраженности и функций субъектных репрезентативов; б) на примере поэтического текста приведены эксплицитные маркеры субъекта, служащие разноуровневыми, имеющими разную оформленность субъектными репрезентативами (СР).

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА

1.1. Категория субъекта в антропоцентрической парадигме

Субъект как научная категория и как ядерный компонент антропоцентрического подхода в системе гуманитарных наук является предметом исследования в философии, психологии, языкознании и т.д. Говоря о месте науки о языке, К. Бюлер, на учение которого мы будем опираться не раз, пишет: «Пророк слева, пророк справа, дитя мира сего — посередине. Теория языка должна представлять собой это дитя, то есть просто вершину эмпирической работы лингвистов. Если философия — это пророк справа, от которого обороняется теория языка всякий раз, когда ей угрожает опасность некоего *эпистемологизма*, то есть искусственного отождествления с одной из возможных принципиальных установок теории познания, то она должна потребовать у пророка слева такого же уважения своей самостоятельности. Психология — это пророк слева» [Бюлер 2000, 3-4].

Начнем с «пророка справа». Субъект (от лат. *subjectum* – лежащий в основании) – одна из главных категорий философии, обозначающая человека действующего, познающего, мыслящего в отвлечении от его конкретных индивидуальных характеристик. Субъект имеет соотносительную категорию «объект» (от лат. *objectum* – предмет), обозначающую фрагмент реальности – материальной или идеальной, – на которую направлена активность субъекта. Субъектно-объектное видение познавательной деятельности в полной мере сформировалось лишь в XVII-XVIII веках. Историзм развития проблемы субъектно-объектных отношений проявился в том, что менялась трактовка содержания этих категорий и природы их взаимодействия. Так, для материалистического направления характерно понимание отношения «субъект-объект» как взаимодействия двух природных систем. Это прежде всего причинная концепция познания, когда знание понимается как результат, следствие воздействия объекта на субъект, физического воздействия объекта на

органы чувств, оставляющего «следы»-отпечатки. В этом случае признается активность только на стороне объекта и пассивно-созерцательная позиция субъекта.

В русле этой же традиции – понимания отношения «субъект-объект» как взаимодействия материальных систем – лежит концепция «познание есть отражение», которая в ее диалектико-материалистическом варианте существенно углубляет понимание активности субъекта. Познание в целом здесь рассматривается в единстве отражения предметно-практической деятельности и коммуникаций, а активность субъекта предстает обусловленной не столько его биологической, сколько социокультурной природой.

Принципиально иной подход в понимании субъектно-объектных отношений и природы самого субъекта представлен в концепциях, где познание истолковывается как определяемое структурой самого сознания. Выявляют как бы два «слоя» субъекта: *индивидуальный эмпирический субъект* и *трансцендентальный*, при этом исходят из того, что структура опыта, его нормативы и критерии коренятся в особенностях именно трансцендентального субъекта. Последний понимается как независимый от эмпирического телесного индивида и сообщества других «Я», как надиндивидуальная структура, обеспечивающая общезначимое объективное знание. Э. Гуссерль писал: «Все относящееся к миру, все пространственно-временное бытие есть для меня, значимо для меня, именно благодаря тому, что я познаю его в опыте, воспринимаю, вспоминаю его, сужу или как-либо думаю о нем, оцениваю его, желаю и т. п. Все это, как известно, Декарт называет *cogito*. Мир вообще есть для меня не что иное, как осознанный в таком *cogito* и значимый для меня мир. Весь свой универсальный и специальный смысл и свою бытийную значимость он получает исключительно из таких *cogitationes*. В них протекает вся моя жизнь в мире, в том числе и моя жизнь, как ученого-исследователя и теоретика. Я не могу жить, мыслить и действовать в каком-либо другом мире, не могу

познавать в опыте, оценивать такой мир, который не имеет смысла и значимости во мне самом и из меня самого» [Гуссерль 2000, 347-348].

Одно из значимых следствий этой концепции – идея высокой духовной активности субъекта, его фундаментальной роли в процессе познания. По мнению философов, «теория познания нуждается в такой категории субъекта, когда он понимается в своей целостности, содержащей не только когнитивные, логико-гносеологические, но и экзистенциальные, культурно-исторические и социальные качества, участвующие в познании. Иными словами, эмпирический человек, полностью замененный «частичным» гносеологическим субъектом в традиционной теории познания, должен быть возвращен в современное учение о познании, сочетающее абстрактно-трансцендентальные и экзистенциально-антропологические компоненты» [Философские концепции – эл. ресурс]. В различных энциклопедиях «субъект» всегда противопоставляется «объекту» как активное самосознающее начало духовной жизни, которое противопоставляет себя внешнему миру и своим собственным состояниям, рассматривая их как объект [Брокгауз 2006]; энциклопедическое определение приводит также к одушевленному осмыслению этой категории: «носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект» [Прохоров 2000].

В более поздних философских исследованиях появляется категория «интерсубъективности» как имманентного диалогизма личности: «Личность — этический феномен. Она представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности. Подобно тому как каждому субъекту принадлежит объект, так и каждой личности принадлежит, грамматически говоря, «вторая личность»: всякому «я» принадлежит «ты». «Под личностью мы понимаем человеческий индивид, поскольку он — как действующий, наделенный волей и стремлениями, как представитель своих мыслей, взглядов, суждений, как существо с претензиями и правами, настроениями и оценками предстает соединенным с другими такими же

человеческими индивидами и узнает об их манере обращения, высказываниях, воле и стремлениях, встречается с их мыслями, взглядами, суждениями и занимает какую-то позицию по отношению к их претензиям, настроениям и ценностям» (Н. Гарман) [ФЭС, 244].

В психологии субъект — «индивид (или социальная группа), реализующий познавательную или предметно-преобразовательную деятельность, направленную на конкретный предмет» [Кондаков 2007, 565].

А.Н. Леонтьев в работе «Методологические тетради» писал: «Психология имеет своим предметом деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованную отображением этой действительности» (С. 163) – Цит. по [Леонтьев 2001, 151-152]. . Отображение же понимается как особое состояние субъекта, называемое переживанием. Формами переживаний являются чувство, ощущение, мысль. «Психология изучает, следовательно, то, как действительность субъекта становится его переживанием и как его переживания становятся действительными <...>. Психологическая действительность есть единство деятельности и переживания (Там же) ». – Цит. по [Леонтьев 2001, 152]. Таким образом, психологов интересует когнитивное пространство и когнитивный механизм человека [Залевская 2000, 2005], его интеллектуальная деятельность как приобретение и применение знаний, формирование интеллекта и личности, которая «рассматривается как создаваемая общественными отношениями, в которые субъект вступает в рамках своей деятельности. При этом отдельные поступки субъекта, представленные прежде всего своими мотивами, вступают между собой в иерархию отношений, образуя так называемую иерархию мотивов» [Леонтьев 1975].

Однако когнитивная психология также приходит к идее двойственного (я/ты) субъекта, в том числе и в процессе его становления в онтогенезе: «Развитие концепта Я как субъекта познания (субъектного Я) отличается от становления представлений о Я как объекте познания (объектное Я или Мое),

которое появляется в середине 2-го года (*жизни ребенка – А.Ч.*). Критерием различения становится именно прикосновение к себе при зеркальном отражении, а не к зеркальному образу. Субъектное Я берет начало в перцептивных и моторных достижениях, включает саморегуляцию, дифференциацию Я — Другие и управление своим поведением. Младенцы чувствуют свой субъектный опыт задолго до самопознания. Второй начальной важнейшей задачей в развитии Я-концепции является установление эквивалентности Я — Другой. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как *Я-интерперсональное*. Я-интерперсональное появляется также у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях: Я-индивид, который участвует в человеческих обменах. В эту парадигму Я-интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений также складывается непосредственно. В человеческой жизни люди часто взаимодействуют прямо, лицом к лицу, средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, включая телесные контакты или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями. Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации» [Сергиенко 2008, 350].

Развивающаяся когнитивная парадигма представляет субъект когнитивной деятельности как субстанцию, лишенную обязательного атрибута в виде центрального ментального органа (центральной нервной системы и т.п.). Сама «биология» обеспечивает когнитивные процессы базового уровня, и тогда любой живой организм может быть включен в концептуальный диапазон категории «когнитивный субъект, субъект познания/знания». С позиции эволюционной эпистемологии и биосемиотики [Матурана 1995; Кравченко 2008] знание получает расширенную трактовку как адаптацию X к своему

окружению; «субъект» собирает знание о своем окружении (биосистеме) и при этом выступает как абстрактный субъект системы, получающий из взаимодействия со средой информацию, которой обменивается, не являясь при этом существом одушевленным. Субъект знания/познания, получая столь расширенную интерпретацию, может включать в себя как субъект сознания, так и любой биологический организм [Верхотурова – эл. рес.]. В когнитивном языкознании (да и в литературоведении) субъект представляется как некая «точка зрения», иногда материально не выраженная «позиция», соответствующая рефлексирующему сознанию интерпретатора, получающего информацию.

Когнитивная наука, вышедшая из психологии познания, непременно обращается к языку, рассматривая это «дитя мира сего» как источник, предоставляющий «для обдумывания данные о значении своих форм. Здесь и смыкается исследование знания и значения» [Кубрякова 1994, 45].

А.В. Кравченко пишет: «Без различения между языковым значением и когнитивным содержанием адекватное решение семантических вопросов невозможно» [Кравченко 2004, 13]. Поэтому «хотя многие языковеды по традиции, восходящей к трудам Б. Рассела, К. Бюлера и др., до сих пор связывают проблему субъективного в языке с фактором говорящего, который присваивает себе язык в момент — и на момент — речи (см., напр., Степанов 1985), проблема субъекта как управляющего и регулирующего начала в функционировании языковой системы не может быть сведена исключительно к фигуре говорящего. Как показывают многочисленные факты ..., в системе языка закреплена его ориентированность не столько на говорящего, сколько на человека вообще, т. е. речь следует вести о языковом антропоцентризме и его проявлениях в различных языковых структурах. В частности, выделяется категориальная основа (инвариантная сущность) языка во всех его ипостасях, являющаяся носителем антропоцентризма; эта категория есть **точка зрения** — "система антропогенных позиций, выступающих по-разному (то актуально, то

виртуально) в языке, речи, речевой деятельности и поэтике" [...], при этом самый термин "точка зрения" прочитывается как "местоположение" — место в пространстве, с которого видится объект восприятия» [Кравченко 2004, 21-22-выделено нами – А. Ч.].

Когнитивная парадигма понимает под EGO не говорящего, а познающего мир человеческого индивида. Входя в неё, и лингвистика, становясь когнитивной, выдвигает на первый план «антропоцентрический метод» [Степанов 2001], который предполагает использование таких терминов, как: «эгоцентрический» и «гомоцентрический» и т.п. (см., напр., [Арутюнова 1988]).

В основе лингвистической когнитивистики лежит тезис о когнитивном аппарате субъекта, формирующемся на основе различных модулей, поставляющих индивиду перцептивные ощущения, или восприятия (напр., «компьютерная метафора» Дж. Фодора) [Fodor 1986]. «Познавательная деятельность первичного уровня, содержательную сторону которой составляет категоризация языковыми средствами феноменологического знания, т. е. знания, извлеченного в результате прямого чувственного опыта, своей отправной точкой имеет непосредственно фигуру познающего реальный мир человеческого индивида. Лингвистами давно признано, что пространственная сущность, определяемая как человеческое тело, служит плодородной почвой для метафорической категоризации опыта» [Кравченко 2004, 22; см. тж. Мерлин 2006].

Таким образом, для субъекта характерны категориально образующие черты, воспринимаемые с позиций разных наук как дополняющие друг друга. Попробуем обобщить и обозначить эти черты:

1. **Онтологический субъект** — это познающая, информационно активная сущность, **действующая** в определенной среде, взаимодействующая с ней как в плане обмена информацией, так и в плане воздействия и преобразования среды

как субъективно-объективной действительности, включающей предметы, явления, а также другие **взаимодействующие** с ним субъекты.

2. Следует разделять понятия интерсубъективности (интеракциональности) как свойства субъекта входить во взаимодействие с другими субъектами (**субъектно-субъектные отношения**) и интерактивности как свойства взаимодействия с активными объектами (явлениями, предметами, действиями, ситуациями и т.д.), в той или иной степени воздействующими на субъект, стимулирующими его к расширению своего когнитивного пространства, побуждающими субъект к преобразованию субъективно-объективной действительности (**субъектно-объектные отношения**).

3. Категория языкового субъекта становится универсальной языковой категорией в плане реализации обоих типов когнитивно-деятельностных отношений языковыми средствами, независимо от форм и степени материальной выраженности самого субъекта.

4. Вследствие семиотико-функционального анализа выводится типология субъекта как точки преломления различных лексико-грамматических и дискурсивно-прагматических отношений в их статике и динамике, обеспечивающих стабильность и трансформации внутри данной категории. Образуется функционально-синергетическая **среда субъекта**, когнитивно существующая в виде «**точки зрения**», воссоздающая псевдоотсутствующий субъект как в плане выражения, так и содержания.

Методологическим основанием выделения такой категории являются положения классиков когнитивизма, в частности, Дж. Лакоффа, который утверждал, что в категории отражается *связь понятий* с повседневной человеческой «мыследеятельностью» (термин Г.П. Щедровицкого). Такую связь Лакофф называл *концептуальным воплощением*. Некоторые категории воспринимаются человеком на интуитивном уровне, не осознаются интеллектуально. Они «обладают иным, более важным, психологическим

статусом по сравнению с теми понятиями, которые обязательно осознаются» [Лакофф 2004].

Категории базового уровня с эпистемологической и функциональной точек зрения приоритетны по отношению к следующим факторам: восприятию и формированию образов, организации знаний, легкости протекания когнитивных процессов (обучения, распознавания, запоминания и т. д.) и к легкости вербализации языковых выражений. Можно отметить, что в этом смысле антропоцентризм построен на базовой категории Ego (Я), «точка зрения» становится «точкой отсчета» во всех вышеперечисленных факторах. Таким образом, следуя Лакоффу, в некоторых мыслительных процессах один член категории (Я) или часть категории (например, подкатегория личных или указательных местоимений) может заменять категорию в целом.

Итак, когнитивная модель может быть представлена следующими параметрами:

- Когнитивные модели структурируют мысль и принимают участие в формировании категорий и в рассуждениях.

- Большинство категорий спонтанно-интуитивны. Это так называемые *воплощенные модели*. Те модели, которые не воплощены, используются только осознанно и с заметными усилиями.

«Сущность концептуальной воплощенности заключена в категоризации базисного уровня и в его приоритетности. Когнитивные модели используются в *переносном или “метонимическом”* рассуждении. *Градация членства* возникает в том случае, когда характеризуемая когнитивной моделью категория содержит шкалу. *Градация центральности* возникает в результате взаимодействия когнитивных моделей» [Лакофф 2004].

Таким образом, выделению такой категории, как «языковой субъект», сопутствует определение его эвристического статуса, через анализ категорий, составляющих ядро и периферию *суперкатегории* (термин Ю.С. Степанова – [Степанов 2001]). К ядерной необходимо отнести категорию личности,

т.е. категорию вовлеченности адресата и адресанта в процесс высказывания. Центральной точкой этой категории, выражаемой на уровне «мысли - внутренней речи», является категория Ego, представленная местоименной парадигмой как наиболее обобщающей субъект-субъектные отношения (я – ты) и субъект-объектные отношения (я/ты – он). Когнитивная модель (Ø – среда) включается в категорию как центробежная, периферийная категория. Поэтому «базовой», центральной категорией суперкатегории «языковой субъект» является категория личности, образуемая с точки зрения Ego. Обобщенный субъект, выраженный «он», — это верхняя периферия (по Лакоффу) данной категории, а так называемое «устранение субъекта» — нижняя точка на шкале личности — безличность в смысле «не-лица» (фр. «il») (по теории Э. Бенвениста [Бенвенист 1974]):

Таблица 1. Градуальность категории личности (по Бенвенисту)

Шкала личности		
лицо		не-лицо
1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо

Академик В.В.Виноградов термином *устранение лица* определял те случаи, когда говорящий обозначает лишь одно действие, как бы не заботясь о действующем субъекте [Виноградов 1947, 462]. Устранение лица он рассматривал как элемент в градации выражения субъекта *с разной степенью определенности*. В.В. Виноградов на материале русского языка рассматривал значение лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы (первого лица) через семантически более растяжимые формы второго и третьего лица, далее через неопределенно-личное значение к устранению лица и безличности [Виноградов 1947, 458-463 – выделено нами – А. Ч.].

Однако устранение субъекта действия осуществляется не только лексико-морфологическими средствами выражения категории глагольного лица, но и синтаксическими способами, при которых реальный деятель «понижается в ранге», теряя центральную позицию в актантных

синтаксических схемах (например, пассив в его многовариантных проявлениях) [Сильницкий 1981].

Таким образом, устранение субъекта может осуществляться лексико-морфологическими и синтаксическими средствами. На материале французского языка процесс устранения субъекта был рассмотрен В.Г. Гаком. В.Г. Гак представляет процесс обобщения и устранения лица следующим образом: 1) конкретно – личный субъект (с внутренней градацией от единичности к множественности; 2) совокупный субъект; 3) собирательный субъект; 4) неопределенно-личный субъект; 5) обобщенно-личный субъект; 6) неопределенно-указательный субъект; 7) устраняемый субъект; 8) безличность (бессубъектность) [Гак 1965].

По критерию включенности в суперкатегорию «языковой субъект» входят, помимо категории персональности, иерархически структурированные категории (по шкале «верх» – «низ»): эксплицитность/имплицитность, субъективность, оценочность, эмоциональность, экспрессивность, одушевленность/неодушевленность, пассивность-активность, интенциональность/экстенциональность, прямая/косвенная (метафорическая) референция и т.д.

По критерию базовости («воплощенности»), прототипичности, – наиболее ядерной категорией выступает категория субъекта-деятеля в трех её векторных измерениях: «субъект-объектные» отношения, «субъект-субъектные» отношения и отношения «субъект-среда (обитания)».

В.Г. Гак отмечал: «Функционально-семантический анализ категории предусматривает следующие задачи:

1) изучение категории в плане выражения, то есть выявление различных типов ее выражения, составление инвентаря способов выражения данного значения с разграничением ядерных и периферийных форм;

2) изучение категории в плане содержания, то есть составление инвентаря частных значений, субкатегорий внутри данной категории, также с

различением ядерных и периферийных значений; при этом прослеживаются случаи, когда данная семантическая категория стыкуется или сливается со смежными категориями;

3) выявление соотношения между формами и значениями;

4) определение соотнесенности ядерных и периферийных форм» [Гак 1998, 86].

Сравнивая, с одной стороны, проявления субъективности как прототипической характеристики субъекта, т.е. номинатора на уровне слова или морфемы, и, с другой, – такие когнитивно-психологические характеристики, как речевое поведение (субъекта), можно, по всей видимости, утверждать, что категория «субъект» включает в себя и «образ категории “человек разумный”», и его синтаксические роли, когда место деятеля-человека занимает любой неодушевленный предмет, и когда субъект «почти не виден» или отсутствует в языковых или речевых формах, также входящих в ЯКМ.

1.2. Семиотико-функциональный метод исследования языковой категории субъекта

Основой, методологической базой в нашем исследовании становится **семиотико-функциональный метод**. Он имеет свои истоки, различные трактовки и реализации, которые варьируются в зависимости от того или иного ракурса приложения и в совокупности, по принципу дополнительности Нильса Бора¹, составляют единую научную парадигму в исследованиях языка. Н.Н. Болдырев, называющий сам метод «**функционально-семиотическим**», напоминает: «Один из незыблемых постулатов лингвистики гласит, что каждый язык представляет собой не только и не столько статическую систему отражения внешнего мира, его семантическую модель, сколько и прежде всего

---

¹ Согласно этому принципу данные, полученные при помощи разных экспериментальных установок, находятся в своеобразном дополнительном отношении друг к другу. Они, хотя и кажутся противоречащими друг другу при попытке скомбинировать их в одну картину, на самом деле исчерпывают все, что мы можем узнать о предмете [Бор, 1961].

средство коммуникации, орудие речевой деятельности, что даже системный аспект языка обязательно отражает его функциональный потенциал и признаки его реального функционирования» [Болдырев 2001, 382]

Рассмотрим основные постулаты этого метода, отталкиваясь от положений одного из первых его адептов – немецкого психолога и лингвиста – Карла Бюлера, который в своем фундаментальном труде «Теория языка» писал: «Конечная цель настоящей книги – показать, что научным источником такой теории является *сематология*, и продемонстрировать, каким образом общая теория знаков может реализоваться в современном духе на материале такого поразительно многостороннего механизма, каким является язык» [Бюлер 2000, 6-7].

К. Бюлер изначально рассматривал язык как инструмент (органон), данный человеку для произведения деятельности, организованный самим “*homo faber*” (производителем орудий) для осуществления трех основных функций: «знак оказывается полифункциональным (имеет три функции): это **символ** в силу своей соотнесенности с предметами и положениями вещей, это **симптом** в силу своей зависимости от отправителя и это **сигнал** в силу своей апелляции к слушателю, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет» [Булыгина 2000, XIX].

Выделение у К. Бюлера трех функций языка: 1. Репрезентативной; 2. Экспрессивной и 3. Апеллятивной — коррелирует с функциональной схемой речевого акта Р. Jakobson, который, как известно, выделял, в зависимости от параметров коммуникативного акта (помимо коррелирующих), шесть функций, составляющих парадигму функций «языка – речи»: 1. Референтивную; 2. Эмотивную; 3. Конативную; 4. Фатическую; 5. Поэтическую; 6. Метаязыковую [Jakobson 1975].

С тех пор считается, что осуществление этих функций имманентно присуще каждому коммуникативному акту, будь то высказывание или текст.

Такой подход, несомненно, можно рассматривать как интеракционный, с одной стороны, и телеологический — с другой. Интеракционность такого подхода проявляется в учете «фактора адресата» [Арутюнова 1981]. «Повторное открытие партнера по речи, — как пишет Элизабет Штрекер в предисловии к переизданию «Аксиоматики», — представляет собой специальную заслугу К. Бюлера перед лингвистикой» (Цит. по [Булыгина 2000, XIX] – выделено нами – А.Ч.).

Модель канонической речевой ситуации, необходимыми элементами которой являются говорящий, слушающий и предметы (и положения вещей), о которых идет речь, в трактовке К. Бюлера предполагает, «что говорящий и слушающий не являются какими-то периферийными элементами, частью того, о чем может сообщаться; они занимают в речевой ситуации свои собственные позиции, так или иначе отражающиеся в высказывании, а в некоторых случаях выступающие на первый план. Здесь мы можем говорить о «субъект-объектных отношениях» и «субъект-субъектных» отношениях [Петренко 1988], первые из которых соответствуют репрезентативной (дескриптивной) функции, а вторые – апеллятивной (по Бюлеру), конативной (по Якобсону), аргументативной (по К. Попперу [Поппер 1983] и О. Дюкро [Ducrot 1976]), а также интерперсональной функции (см. [Алферов 2007]).

Особые позиции участников речевой ситуации определяют связь знака не только с предметами и ситуациями, о которых сообщается в высказывании, но и с каждым из них.

Таким образом, смысл любого речевого высказывания есть производная от сопряжения интенциональностей и импликаций (речевых намерений и умозаключений) взаимодействующих речевых субъектов по поводу референта.

Помимо социодialogического подхода, для нашего исследования имеет большое значение когнитивная ипостась субъекта, его интеллектуальная деятельность, связанная, несомненно, с обществом, с его языковой картиной мира (ЯКМ) и во многом определяемая той же ЯКМ. Принимая во внимание

достаточно содержательные и ёмкие работы по данной проблематике [Коськина 2004; Магировская 2009; Мерлин 2006; Шкайдерова 2007], остановимся на двух противоположных, на первый взгляд, исследованиях, предметом которых является семасиологическая и ономасиологическая ипостаси субъекта. Первая работа посвящена проявлению субъекта в языке при его, возможно, максимальной имплицитности, невыраженности, но реализации в различных средствах выражения, а главное – в слове [Бубнова 2008]. Вторая работа [Никитина 2006] представляет «образ-концепт “человек”» как объект широкого семантического исследования, как неотъемлемую часть когнитивного восприятия языковой картины мира: «человек как субъект и объект языковой концептуализации»; «образ – концепт “человек” в русской языковой картине мира» и т.д. [Там же: 3-5]. Остановившись на анализе современной антропологической семантики, Л.Б. Никитина подчеркивает многообразие подходов и аспектов науки о человеке в языке: от В. фон Гумбольдта до «компьютерной метафоры» когнитивной семантики, в основе которой лежат идеи когнитивной психологии, изучающей процессы, связанные с познанием мира человеком: процессы получения, хранения и обработки информации (см. [Fodor 1986]). Одним из пунктов исследовательской программы Л.Б. Никитиной является «стереотипизация человека разумного в русской языковой картине мира», причем «разумный» нужно воспринимать терминологически как «sapiens», а не аксиологически, т.к. оценочность рассматривается отдельно как категориальная семантическая черта образа-категории «homo sapiens» в русской языковой картине мира, в частности, способы ее выражения в русском языке, например, отражение в языковом образе-категории «homo sapiens» оценочной дихотомии «умный – глупый» и т.д. В этом аспекте работа Л.Б. Никитиной участвует (а может быть, и превалирует) в когнитивно-дескриптивной парадигме, в основе которой лежит «воссоздание» русской языковой картины мира (РЯКМ), содержащей именно «образ-категию» человека во всех его ипостасях. «Стереотипизация» такого образа легко

позволяет выделять семантические блоки или поля, характеризующие человека (как в роли субъекта, так и объекта), например: «Способы выражения интеллектуальной сферы человека» или образ категории «*homo sapiens*» в речевом жанре «порицание» (одобрение)» и т.п. Неслучайно иллюстративным материалом выступают в основном фразеология и поговорки. Действительно, они представляют зафиксированные в «языке-речи» узуальные и стабильные оценочные номинации «*homo sapiens*». Следует отметить, что эта идея созвучна современным представлениям о «роли личности» в коммуникации, в частности, и весьма популярным в настоящее время идеям Э. Бенвениста [Benveniste 1966], Г. Гийома [Гийом 1992], В.Г. Колшанского [Колшанский 1975], Ю.С. Степанова [Степанов 1981a], К. Кербрата-Ореккиони [Kerbrat-Orecchioni 1980; 2002] и др. о пронизывающей весь язык «субъективности».

Здесь уместно упомянуть также одного из прародителей семиотики — Ч.С. Пирса и его представление о семиозисе — динамическом процессе образовании знака. Ч.С. Пирс, как известно, отличается тем, что одним из главных компонентов структуры знака считал (наряду с означающим и означаемым, как и у Ф. де Соссюра [Соссюр 1990]) **Интерпретанту** как внутреннее свойство знака быть интерпретированным [Пирс 2000]. Именно интерпретанта как «внутренняя форма» знака определяет связь между означаемым и означающим для взаимодействующих субъектов речи. Возникающая «здесь и сейчас» интерпретанта как результат имплицативной (выявляющей смысл) деятельности «интерпретатора» (по Ч. Моррису [Morris 1946]) постепенно входит в узус, а затем и в норму языка, превращаясь в «символ» – конвенциональный знак. Как отмечает У. Эко, «знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую привычку (a habit), некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Поскольку привычка — это «склонность... вести себя сходным образом при сходных обстоятельствах в будущем», окончательный интерпретант знака — это и есть данная привычка.

Иными словами, соотношение между значением и репрезентативом («телом знака», по Пирсу – *A.C*) приобретает форму закона (закономерности)» [Эко 2007, 321].

К. Бюлер выдвинул «Принцип абстрактивной релевантности», сущность которого заключается в следующем: «Когда в роли знака-носителя смысла выступает чувственно воспринимаемая *hic et nunc* вещь, то с выполняемой ею семантической функцией не должна быть связана вся совокупность ее конкретных свойств. Напротив, для ее функционирования в качестве знака релевантен тот или иной «абстрактный момент» (Цит. по [Булыгина 2000, XX]). Выделение релевантных признаков «вещи» и высказывания о ней сегодня развивается в «Теории прототипов» Э. Рош и Дж. Лакоффа [Лакофф 2004]), «Принципе релевантности» [Grice 1979], «Теории релевантности» [Sperber 1989] и др.

В связи с вышесказанным вновь обратимся к семиотической концепции Ч.С. Пирса. Как и К. Бюлер, Ч.С. Пирс выделял три функциональных типа знака, в зависимости от различия в основании для их семиозиса, т.е. в интерпретанте. **Знак-икона** основывается на изоморфизме со своим означаемым (фотография, карта, в языке – ономотопея); **знак-индекс** в основе своей интерпретанты имеет указание (направляющая стрелка, указательные слова и т.п.). Такой знак полностью ситуативен (прагматичен) и зависит от контекста и ситуации [Kerbrat-Orecchioni 2002]. Индекс близок симптому, и его импликация (извлечение смысла) действует по принципу «если А, то Б» и часто зависит от ситуации (интерпретации и аксиологии). Например, движение головой вверх и вниз в русском и французском обиходе означает «да», а в болгарском – «нет», в восточном этикете не принято сидеть перед собеседником нога на ногу (показывать свои подошвы – оскорбительно для окружающих), так же как и смотреть «глаза в глаза» собеседнику) и т.п. В языке универсальным дейктиком (указателем, маркером) является просодия и, в частности интонация («экспрессия в голосе и в языке» по К. Бюлеру)

[Александрова 1987; Бюлер 2000, 8; Потапова 2003; 2006; Торсуева 1979]. В языке знаки-индексы не имеют, как правило, постоянной референции. Их референт существует «здесь и сейчас», теряя референциальную связь с обозначаемым вне ситуации их релевантной актуализации в речи. Это дейктические номинации (указательные слова) «я», «здесь», «сейчас», «вчера», «накануне» и т.д. Такие слова часто называют «относительными» или «синсемантическими» [Гулыга 1967; Соломоник 1995]. Однако дейктическую функцию указания на те или иные аспекты коммуникации могут выполнять и так называемые «слова речи»: междометия, частицы, модусные глаголы, наречия и проч. [Алферов 2001]. Их канонизация и роль в речевом поведении [Стернин 2000; Карасик 2008; Шаховский 2008] зависит часто от «регулярности поведения» и в основе своей получает конечную интерпретанту, приближаясь к символу. И наконец, интерпретанта **знака-символа** основана на «привычке» или «договоренности» в рамках того или иного этно- или социостереотипа, что Ф. де Соссюр и называл «конвенциональностью» знака. Границы между знаками подвижны, и, как показано выше, знак-индекс может приближаться к символу, или наоборот такие однозначные слова, как «свобода», «равенство», «братство», как и определенные речевые стратегии, могут аксиологически указывать, например, на политическое кредо или речевое поведение языковой личности [Караулов 2007; Гришаева 2009].

Задолго до создания «Теории речевых актов» [Austin 1970; Searle 1972], современных попыток структурирования диалога [Борисова 2007] и речевого взаимодействия [Roulet 1985] К. Бюлер, как провидец сегодняшнего подхода к дихотомии Ф. де Соссюра о языке и речи, не отвергая её, предлагает трансцендентальный подход к проблеме такого разделения.

Уже в наши дни Н.Н. Болдырев пишет: «...при функционально-семиологическом подходе язык выступает как единый объект – язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и

динамического, системного и функционального (деятельностного)» [Болдырев 2001, 387].

К. Бюлер в «Теории языка» выделил **четыре** состояния в существовании языка в действии: **I.1 Речевое действие (РД), I.2 Речевой акт² (РА), II.1 Языковое произведение (ЯП), II.2 Языковая структура (ЯС)** [Бюлер 2000, 50 и след.].

Схематично К. Бюлер указывает на взаимодействия между ними:

Таблица 2. Взаимодействие структурных уровней языка (по К. Бюлеру)

	I.	II.
1.	РД	ЯП
2.	РА	ЯС

где **1.** – действия и произведения на *низшей ступени формализации*;

2. — акты и структуры на *высшей ступени формализации*;

I. — *соотнесенные с субъектом*;

II. — *отвлеченные от субъекта* и поэтому *межличностные*.

В качестве примера низшего уровня К. Бюлер приводит следующий анализ, приводящий его в конце концов к фразеологии и паремиям: «Сначала обратимся к *речевому действию* и к *языковому произведению*. Я не знаю, действительно ли Цезарь сказал однажды *Aléa jacta est* («Жребий брошен») или сказал ли Лютер в Вормсе *Hier steh ichimd kann nicht anders* («На том я стою и не могу иначе»). По-моему, эти высказывания повторяются вслед за их авторами как примеры, представляющие интерес с точки зрения их речевого характера, почти так же, как и история с Колумбовым яйцом. Плутарх рассказывает об остановке Цезаря у реки Рубикон и внутреннем колебании полководца. Далее цитирую: «Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен

---

² К. Бюлер в своей работе апеллирует к «речевым актам» по теории Гуссерля [Бюлер, 2000: 61 и след.].

"Пусть будет брошен жребий!" — и двинулся к переходу». Таким образом, Цезарь не проявил изобретательности, он употребил «обычный призыв», который с тех пор ассоциируется у всех латинистов со смелостью Цезаря. Какой же должна быть лингвистика речи, если принять во внимание, что высказывания Цезаря и Лютера занимают определенное место в этой системе?

Оба высказывания можно было бы снабдить ценными биографическими (историческими) комментариями и отразить в предметном каталоге отдела лингвистической литературы. Пытаясь понять сущность проблемы, можно было бы действовать более решительно и подумать вообще о роли слова в человеческой жизни, о его влиянии на судьбу говорящего других лиц, о прославлении дипломатов, разоблачении глупцов и его превращении во фразеологизм. *Крылатое выражение имеет речевой характер независимо от того, является ли оно вокабулой, предложением, идиомой или пословицей. Мы приблизимся к цели, слегка сместив акцент с судьбы человека на сами слова. Каждое фразеологическое и нефразеологическое выражение можно интерпретировать как человеческий поступок, ведь каждое конкретное высказывание связано с другими сознательными действиями данного человека. Оно стоит в одном ряду с поступками и само является поступком»* [Бюлер 2000, 52-53 – выделено нами – А. Ч.].

Если речевое действие и речевой акт прагматичны и ситуативны (и прежде всего *связаны с говорящим субъектом*), то языковое произведение, по Бюлеру, приравнивается к предложению, и в его представлении *«происходит освобождение предложения от речевой ситуации»* [Там же: 54– выделено нами – А. Ч.].

Итак, речевое действие рождает речевое произведение – предложение (по К. Бюлеру). Различие между ними составляет соотнесенность с субъектом. Речевое действие обязательно имеет автора и, как правило, ссылку на это авторство. Речевое произведение (напр., устойчивое выражение — фразеологизм или поговорка), как и любое другое вновь созданное РП,

приобретает статус предложения, оторванного от конкретного автора и конкретных условий его произведения и воспринимаемого исключительно из знаний языковой структуры (ЯС), т.е. синтаксических и других грамматических правил того или иного языка. Здесь структура и её конвенциональность выходят на первый план и обладают исключительными признаками и свойствами именно этого языка, начиная с фонетики и фонологии и кончая синтаксическими связями, порядком слов и т.п. В поддержку тезиса об «освобождении предложения от ситуации» К. Бюлер апеллирует к идее имманентизма признанного структуралиста – Ф. де Соссюра («Язык в себе и для себя»), не забывая о другом его изречении: о «единении смысла и акустического образа», подтверждая тем самым, что «семантические отношения действительно составляют объект, называемый “язык”» [Бюлер 2000, 57]. Однако, включая семантику в язык (план содержания), К. Бюлер неизбежно должен предположить и возможность разной интерпретации (см., напр. [Растье 2001]), которую он как бы оставляет в стороне. Процесс соединения синтактики и семантики развивается в современных исследованиях несколько иначе: «Центром... языка является предложение. Исходя из высказывания как центра, исследователь с помощью «челночной процедуры» совершает операции абстрагирования от синтаксиса к семантике, от семантики снова к синтаксису и обратно, пока — в процессе расширяющейся абстракции — не установит, по крайней мере, гипотетически, все связи семантики и синтаксиса, т. е. систему в целом» [Степанов 1981б, 9]. Здесь, на наш взгляд, необходимо уточнение, внесенное К. Бюлером, отделявшим лексическое значение от синтаксического (слово и предложение). К. Бюлер, будучи психологом, представлял иерархию языка как минимум в двух значимых единицах — слове и предложении (ср. [Залевская 2005]): «Первый класс языковых структур и соответствующих установлений как бы преследует цель разорвать мир на части, расчленить на классы вещей, процессов и т.д., разделить на *абстрактные аспекты*, каждый из которых коррелирует со

знаком, в то время как второй класс стремится заранее предоставить знаковые средства для *конструирования* того же самого (репрезентируемого) мира на основе *отношений*» [Бюлер 2000, 70]. Здесь, по словам Г.А. Золотовой, «складываются предпосылки анализа предложения, обобщающим результатам которого предстоит вылиться в систематическую классификацию синтаксических моделей».

Предпосылки эти следующие:

1). Должен быть установлен уровень абстракции, на котором языковые элементы становятся синтаксически релевантными.

Знаменитая экспериментальная фраза Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрячит бокренка», многократно толковавшаяся лингвистами, ценна и тем, что дает четкое представление о границе между лексикой и синтаксисом. Грамматичность этого предложения позволяет понять, что речь идет о действиях одного живого существа по отношению к другому и его детенышу. Оставшееся неизвестным относится к лексике, к индивидуальным лексическим значениям. Известное содержит достаточную информацию о категориально-семантическом значении компонентов, организующих синтаксическую конструкцию. Это и есть *уровень синтаксической релевантности*.

2). На этом уровне и выделяются *компоненты предложения* как части целого, являющиеся одновременно носителями структурных и семантических значений...» [Золотова 1988, 54].

Таким образом, с тем чтобы передать конкретную мысль собеседнику, говорящий должен не просто использовать данное слово как языковой знак в закрепленном за ним значении, но и определенным образом подстроить это значение под выражаемую мысль, т. е. сформировать его функциональное значение (смысл) с помощью конкретных языковых средств: грамматического значения этого слова, лексического и грамматического значений других, сочетающихся с ним слов, типа синтаксической конструкции и т.п. Иначе

говоря, необходим переход «от таксономических классификаций к сущностям иного рода — высказываниям³» [Там же: 17]; см. тж. [Болдырев 2001, 386; Золотова 1988; 2001].

К. Бюлер настаивает на том, что языковая структура (ЯС) отрывается от субъекта, она «межличностна» («социальна» – по Соссюру). И если речевой акт (РА) по природе своей индивидуален и ситуативен (сегодня мы бы сказали — прагматичен, окказионален, “token” в отличие от “type” – по Пирсу), то «теория структур, выведенная прежними методами из подлинной модели языка как органа, а тем самым из объективной трактовки языка и сопряженного с ней *социального характера языка*, должна логически предшествовать или по крайней мере быть логически рядоположной ориентированной на субъект теории актов» [Бюлер 2000, 66].

В таком ракурсе весь «инструментарий» системы языка, его элементы и категории направлены на достижение конкретной цели, а именно «сематологической релевантности» (по К. Бюлеру), т.е. сочетание элементов системы (ЯС) и их функций зависит от целей сообщения в соответствии с ситуацией и интенциональностями партнеров по коммуникации.

---

³ Нетрудно заметить междисциплинарный и внутрилингвистический терминологический «хаос» в отношении синтаксической единицы языка (предложение – высказывание – фраза – речевое произведение и т.д.), не говоря уже о разнонаправленности иноязычных коррелятов данных терминов. В нашем исследовании мы еще вернемся к определению синтаксической единицы анализа в системе «язык-речь», а пока, пренебрегая тонкостями, заметим, что «высказывание есть актуализированное в речи предложение», и сошлемся на определение В.Г. Гака в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС): «ВЫСКАЗЫВАНИЕ — единица речевого общения. Потребность в выделении высказывания как лингвистического понятия связана с углублением исследования функционирования языковых форм в *речи*. Высказывание определяется по отношению к понятию *предложения*. В зависимости от разных методов анализа и теоретических подходов отличие высказывания от предложения видят в объеме, структурном, содержательном и функциональном планах...» [Гак 1990, 90].

Принципиальным средством объединения двух типов отношений — парадигматических и синтагматических — К. Бюлер считал «поле», пришедшее в языкознание из психологии. Психологи прежде всего связывали «поле» с внутренним лексиконом [Залевская 2000] и ассоциативными связями. Причем, как отмечает А. Р. Лурия, выделяются два основных типа ассоциаций — внешние и внутренние, доказанные различными экспериментами (см. тж. [Разумное поведение 2008; Когнитивные исследования 2006; 2008]).

А.Р. Лурия пишет: «Под «внешними» ассоциативными связями обычно понимаются «ассоциации по смежности», когда данное слово вызывает какой-либо компонент той наглядной ситуации, в которую входит названный объект (такие ассоциативные связи, как «дом — крыша», «собака — хвост», «кошка — мышь» и т.д. могут служить примером подобных «внешних» ассоциативных связей).

Под «внутренними» ассоциативными связями понимаются те связи, которые вызываются включением слова в определенную категорию («собака — животное», «стул — мебель», «дуб — дерево»). Эти ассоциации в классической психологии назывались «ассоциациями по сходству» или «ассоциациями по контрасту». Легко видеть, что в этом исследовании произвольно всплывающие словесные связи отражают те особенности сенсорного, наглядно-действенного или «категориального» мышления...» [Лурия 1998, 96].

Однако, по выражению А.Р. Лурии, «совершенно очевидно, что подобные попытки понять порождение целого связного высказывания из отдельных денотативных или коннотативных значений слова несостоятельны: ни обозначение, ни обобщение предметов, действий и свойств, ни актуализация «смысловых полей», стоящих за словом, еще не приводят к появлению связного высказывания, основной формой которого является фраза» [Там же: 156].

Тем не менее, на метауровне именно полевой принцип получает развитие в современной функциональной лингвистике (см., напр., [Бондарко 2002]). В отношении элементов и категорий языка такой функциональный подход,

будучи телеологическим, представляется как ономаσιологический (от функции к элементу как средству её удовлетворения). Такой подход объединяет разноуровневые элементы языка в функционально-семантические поля (по А.В. Бондарко). А.В. Бондарко отмечает: «При рассмотрении аспектов дифференциации и интеграции различных типов категорий и разрядов в сфере грамматики может быть использовано понятие «категориальное единство». Это понятие в предлагаемом истолковании охватывает билатеральные категории, классы и разряды, а также выделяемые на семантической основе поля, включающие различные грамматические и лексико-грамматические структуры в сочетании с элементами «строевой лексики» (ср. функционально-семантические поля аспектуальности, темпоральности, таксиса, персональности, качественности, локативности, бытийности, посессивности и др.).

Понятие «категориальное единство» отражает широкую сферу категоризации, в которой реализуется взаимодействие компонентов грамматического строя. В системе категоризации важную роль играют межкатегориальные связи, постепенные переходы и частичные пересечения системных объектов; одно из понятий, интегрирующих различные типы анализируемых отношений, — «полевые структуры» [Бондарко 2009, 21-22].

Далее он выделяет единства трех типов: а) грамматические, б) лексико-грамматические и в) функционально-семантические категориальные единства:

1). Грамматические категории и содержательно-структурные типы синтаксических конструкций;

2). Части речи и выделяемые в их составе лексико-грамматические классы, а также более дробные разряды;

3). Семантические категории в их языковом выражении (в разрабатываемой А.В. Бондарко модели функциональной грамматики — функционально-семантические поля).

Языковая категория субъекта может рассматриваться, например, в рамках функционально-семиотического **поля личности** как совокупность «категориальных единств» трех вышеперечисленных типов, коррелирующих с языковыми элементами разной знаковой природы.

Говоря о важности учета межкатегориальных связей, взаимодействия лексико-грамматических форм, нельзя не вспомнить (без чего функционально-семиотический подход остался бы неполным) три концепции, позволяющие структурировать столь разнообразные средства и их отношения.

Во-первых, это тезис (интегрирующий) Ю.С. Степанова, который вслед за Э. Бенвенистом [Бенвенист 1974], Г. Гийомом [Гийом 1992] и др., подчеркивает: «**Принцип антропоцентризма** имплицитно содержится и в концепциях, основанных на «центральной роли синтаксиса», поскольку их подлинной основой является не столько синтаксис вообще, сколько синтаксис высказывания, анализируемого в конкретной ситуации.

Наконец, этот принцип получает эксплицитное выражение в концепции семиотического устройства языка, где обосновывается центральная роль системы указателей «я — здесь — сейчас» и роль антропоцентрической метафоры» [Степанов 2001, 51]. Более того, принцип антропоцентризма является одним из оснований процесса «укрупнения грамматики» [Там же], так как объединение различных языковых категорий в рамках «суперкатегории» происходит в конечном счете на основе того, что они именно так группируются в языковом сознании говорящего — исследователя» [Степанов 2001, 51].

Таким образом, образование суперкатегории «языковой субъект» предполагает учет пересечения таких лексико-грамматических категорий, как определенность/неопределенность, одушевленность/неодушевленность, взаимоотношения семантики субъекта и предиката и т.д.

Принцип антропоцентризма дополняет функциональный принцип исследования языка, а функция, по Ю.С. Степанову, «...есть транспозиция и в этом смысле — соответствие между двумя переменными; но эта транспозиция,

всегда создавая единицу языка, актуальную для данной ситуации, **выполняет** тем самым **определенную задачу говорящего** и в этом смысле отвечает его целевой установке, получая “роль и задачу”» [Там же: 41 – *выделено нами* – А. Ч.].

Второй концепцией, представляющейся нам необходимой при оперировании функциональным методом, является определение функционального подхода В.Г. Гака [Гак 1998, 180-195]. Он выделяет несколько постулатов, суммирующих основные принципы функционального подхода в лингвистике:

1. Функциональный подход исследует объекты (субъекты) в их отношении *к среде*, отношение между субъектным объектом, являющимся субстратом или *носителем функции*, и средой. Функция элемента (субъекта-объекта) определяется его ролью в системе. Поэтому изучение функционирования позволяет лучше понять внутреннее устройство объекта (субъекта). Функционирование есть прежде всего движение.

2. Функциональный подход, исследуя отношение субъектных объектов к среде, изучает их роль в контексте целого. Следовательно, нужно говорить о функции части *по отношению к целому*...

3. Понятие функции связано с понятием *целевого назначения*, независимо от того, создается ли это назначение природой или человеком. Следует, таким образом, различать понятия *функция, употребление* и *эффект*.

Функция структурно обусловлена: объект (субъект) возникает или создается с определенной целью, благодаря достижению которой сохраняется объект (субъект) или система в целом. Но назначение может меняться. В таком случае следует говорить о *вторичной, переносной функции объекта (субъекта)*.

Употребление отличается от функции непредусмотренностью системы, но сближается с функцией целенаправленности действия, в которой

проявляется функция. *Использование носит нерегулярный, факультативный характер.*

Эффект характеризуется *целенаправленностью*. Уточним: эффект — это не просто интенциональность (намеренность и направленность), но и её реализация.

Наконец, В.Г. Гак отмечает: «Отличие функции от употребления и эффекта лежит, по-видимому, в основе различия семантики и прагматики языкового высказывания» [Гак 1998, 182].

Последнее суждение подводит нас к третьей методически важной концепции: говоря о функционально-семиотическом аспекте категории субъекта и признавая презумпцию знаковой природы средств его выражения, можно привести коррелирующие с вышеприведенными единствами триединство планов структуры знака по Ч. Моррису: **синтактика знака** как особенности конструирования плана выражения ('ЯП' и 'ЯС' по К. Бюлеру — см. выше); **семантика знака** как «отношения знаков к их объектам» и, наконец, «предметом исследования, далее, может стать отношение знаков к интерпретаторам. Это отношение мы назовем *прагматическим измерением семиозиса*, а изучение этого измерения — *прагматикой*» [Моррис 1983].

Однако первое воплощение функционально-семиотического метода в теории языка принадлежит К. Бюлеру, разделившему язык на два «гиперполя»: поле индексальности (дейксис) и поле дескриптивности (символическое поле) [Бюлер 2000].

Таким образом, при определении центра и периферии частеречной и лексико-семантической составляющих **гиперполя субъекта в языке** мы опираемся на категориальную категориализацию языкового субъекта (Дж. Лакофф), на функционально-полевой принцип организации элементов, выражающих категорию (включающий градуальность и шкалирование, определяющие ядро и периферию) (А.В. Бондарко, К. Бюлер, В.Г. Гак и др.) и в

плане выражения — на прототипически релевантное деление на дейктическое и номинативное поле в языке (К. Бюлер).

1.3. Индексальные и номинативные поля категории субъекта

Как известно, одной из сильных сторон бюлеровской «Теории языка» стала разработка дейксиса – указательных слов, существующих наравне с дескриптивными словами-символами [Бюлер 2000]. Разделив лексикон на дейктическое и дескриптивное поля, К. Бюлер выделил три типа дейксиса:

1) дейксис актуальный (*ad oculus*), который является центром дейктического (указательного) поля, включая центральные элементы «я – здесь – сейчас», и ориентируется на момент речи и речевую ситуацию;

2) анафоро-катафорический (диафорический) дейксис, куда включались слова, отсылающие либо к предшествующему тексту (анафора) или, по принципу антиципации, к последующему тексту, в который К. Бюлер включал такие «маркеры», как союзы, частицы, союзные слова и их сочетания;

3) дейксис «*ad phantasma*» — указательные средства языка, позволяющие осуществить «перенесение» в мир воспоминаний или любой другой «возможный мир» повествования (ЯП), с сохранением персональных (я – ты – он – кто-то и т.д.), пространственных (здесь – там – где-то и т.д.) и временных (сейчас – тогда – когда-то и т.д.) ориентиров.

К. Бюлер пишет: «Человек может мысленно представить другое отсутствующее при помощи языковых средств только потому, что существуют перемещения. Если в рассказе идет речь (в простейшем пограничном случае, который можно себе представить) всего лишь о восстановлении сцены, которую видели вместе говорящий и слушающий и которая свежа в памяти обоих, тогда много слов не потребуется. Прежде всего можно свести до минимума назывные слова, задающие качественную определенность предметов и событий. Требуется только эскиз декораций, чтобы переоборудовать актуальное перцептивное пространство в сцену, на которой говорящий сможет

чувственно воспринимаемыми жестами показывать присутствующее. Теперь, будучи в курсе дела, слушатель снова увидит *там* своим духовным зрением то, что он некогда видел физически. Не многим отличается тот случай, когда описывается ситуация, свидетелем которой слушатель не был, — достаточно, чтобы ему был понятен тип описываемого действия, скажем, если речь идет о гомеровской битве. «*Я здесь - он там - тут ручей*» — так начинает рассказчик с указательными жестами, и сцена готова, наличное пространство преобразовано в сцену» [Бюлер 2000, 126].

Нетрудно заметить, что такие «перемещения» сегодня есть предмет исследования различных теорий «возможных миров» и связанными с ними, кроме указательности, проблемами референции, модальности и т.д. [Бабушкин 2001; Козинцев 2008; Красных 1998; Кулакова 2010; Ладыгин 1997; Льюиз 1999; Николаев 2009; Павилёнис 1993 и др.].

Очевидно, что функциональное поле персональности и «категориальное единство» субъекта включают все три типа личностного дейксиса. Например, во французском языке: *Je/moi; Tu/toi; Celui/Celle; Ceux/Celles, etc.*

Третий тип маркеров дейксиса «*ad phantasma*» не составляет по Бюлеру отдельный лексический пласт, а объединяет, скорее, два предыдущих. С одной стороны, это анафоро-катафорический дейксис (ср. «*Ceux, qui...*»; «*Celui-ci...*» и т.д.). Неслучайно К. Бюлер уточняет: «С психологической точки зрения любое анафорическое употребление указательных слов предполагает только то, что отправитель и получатель имеют перед собой речевой поток как некоторое целое, к частям которого можно сделать проспективную или ретроспективную отсылку» [Бюлер 2000, 112].

С другой стороны, это — механизм «перенесения» и актуального дейксиса «я – здесь – сейчас» в «возможный мир» языкового произведения или проспективного пространства: «Пешеход, всадник или водитель ориентирован на местности обычно так, что данное направление движения является решающим фактором, определяющим, что такое «вперед». Уже эта ориентация,

если присмотреться внимательнее, содержит решающее освобождение от сиюминутного положения тела и при известных условиях требует перемещения в фиктивное положение, когда движущийся должен указать те «справа и слева», на которые разделяется местность по отношению к направлению его движения. Подобные установки ясно осознаются, когда в рассказе идет речь, например, о правом или левом берегу Рейна или Сены. Все знают, что подобные указания доставляют иногда трудности читателю. Читателю приходится порой припоминать и специально внутренне настраиваться и перестраиваться, чтобы правильно выполнить эти указания, и существует не один прием достижения этой цели. В любом случае каждый, кому в силу его «перемещения» это удастся, чувствует, что в конечном счете в этом участвует его *сиюминутный осязательный образ тела*» [Бюлер 2000, 111].

Второе «гиперполе» языка по К. Бюлеру — это символическое поле, состоящее из «номинативных слов», связанных с реальностью окружающего мира конвенционально по правилам лексико-грамматической системы того или иного языка.

К. Бюлер отмечает: «Указательные слова также являются *символами* (а не только сигналами); слова типа *da* и *dort* ‘там’ символичны, они называют, так сказать, геометрическое пространство, т.е. то место, окружающее говорящего в каждом конкретном случае, где находится указанный объект, точно так же, как *heute* ‘сегодня’, по сути дела, обозначает совокупность дней, когда это слово может произноситься, *ich* ‘я’ — всех потенциальных отправителей человеческих сообщений, а *du* ‘ты’ — класс получателей сообщения. Тем не менее между этими именами и прочими назывными словами языка сохраняется различие, заключающееся в том, что слова рассматриваемого типа всякий раз требуют спецификации своего значения в указательном поле языка, спецификации, которая осуществляется при помощи чувственно воспринимаемых данных, поставляемых указательным полем в каждом конкретном случае» [Бюлер 2000, 83].

В номинативное поле субъекта включаются все слова, отражающие членение мира на предметные сущности, в процессе которого « а) конкретные физические предметы категоризируются как индивидуальные холистические представители класса (напр., *дерево, зверь, дом*); б) происходит категоризация конкретных (множественных) предметов как областей пространства, выделяемых по критерию количества и компактности сосредоточения однотипных индивидуальных предметов («*дерево*» — *лес, зверь* → *стая, дом* → *деревня*); в) конкретные физические предметы как холистические сущности переосмысляются в структурированные области пространства с дальнейшей дробной предметной категоризацией («*дерево*» — *ствол, корни, крона, ветви, листья*; «*зверь*» — *голова, туловище, ноги, хвост*; «*дом*» — *стены, крыша, крыльцо, дверь, окна*); г) в рамках широких (универсальных) классов выделяются подклассы конкретных предметов, характеризующиеся той или иной постоянной совокупностью второстепенных признаков (*дерево* → *сосна, береза, осина*; *зверь* → *медведь, лиса, заяц*; *дом* → *изба, хижина, терем, особняк*) и т. д. Общее количество таксономических критериев, по которым происходит дальнейшее наивное членение мира, трудно определить с точностью, да в этом и нет необходимости» [Кравченко 2004, 156] .

Помимо такой категоризации существует упрощенная система местоимений, которые К. Бюлер наделяет в первую очередь дейктическими функциями, способная в речи замещать любой член онтологической таксономии. Различие между системами (полями) лежит в способе номинации и определяется целями, которые преследует сам номинатор. «*Дерево рухнуло* → *Оно рухнуло (упало)* → *Что-то упало* → *Все рухнуло*» и т.д.

Таким образом, средства выражения функционально-семантического поля категории субъекта можно разделить на две составляющие: индексально-местоименное поле и дескриптивно-номинативное поле. Что касается последнего, то его также можно рассматривать с точки зрения онтологических классов и прагматических классов, как об этом пишет В.Г. Гак:

«Прагматические классы отражают группировки предметов в конкретных ситуациях, в зависимости от восприятия субъекта, от их поведения или использования данными субъектами в данный момент и в данном месте. Они образуются либо путем ограничения онтологического класса (например, в данном случае речь идет не о всех домашних животных, но о части их), либо путем пересечения онтологических классов, когда элементы разных онтологических классов объединяются на основании каких-либо иных, пусть даже самых субъективных и временных, признаков. Например, «дом», «дерево», «троллейбус» относятся к различным онтологическим классам, но если в конкретных условиях, взглянув в окно, некто скажет: *Я вижу улицу с домами и деревьями, по которой едет троллейбус*, то эти три элемента образуют новый класс — класс «предметы, видимые данным человеком в данный момент». Таким образом, если в онтологическом аспекте различаются понятия (классы) сравнимые и несравнимые, то в прагматическом аспекте любые классы могут оказаться сравнимыми и входить в более широкое множество. Прагматические классы образуются на основе обобщения любых признаков, которые существенны для воспринимающего лица (ego), здесь (hic), и сейчас (nunc)» [Гак 1998, 34].

Таким образом, в ядре функционально-семантического поля персональности стоит ego говорящего и alter ego адресата (я — ты) через сообщение «здесь» и «сейчас», т.е. в момент речи. Относительно этого момента выстраиваются наиболее общие представления о воспринимаемой действительности, которые представлены обобщающими или неопределенно-личными (on); относительными или указательными местоимениями (celle-ci; celui-là), далее следует номинативная конкретизация референта — одушевленного индивида — именем собственным, одушевленного существа или неодушевленного предмета — именем нарицательным.

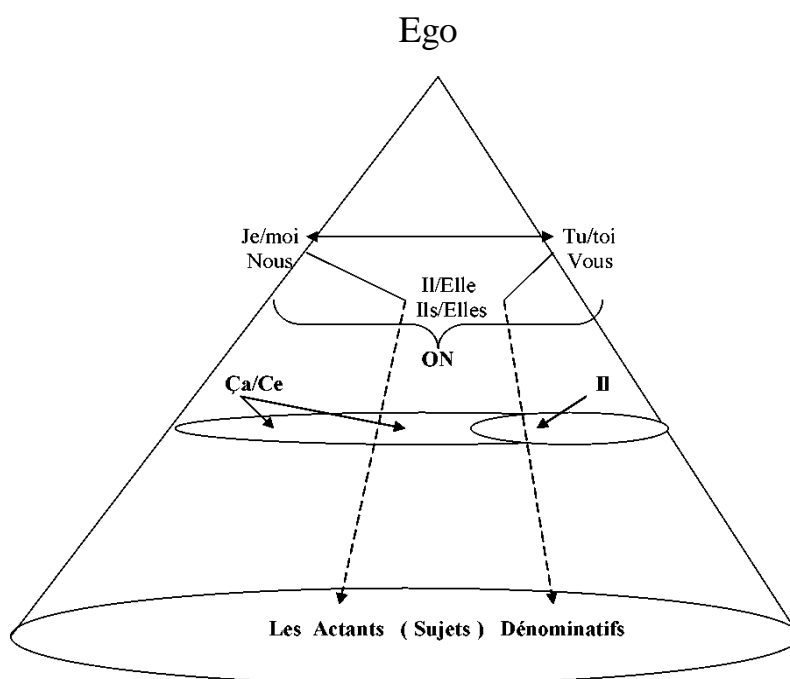
Антропоцентрический характер номинативно-семантического поля субъекта с учетом частотности употребления всей совокупности СР позволяет

с уверенностью утверждать, что в ядре поля находится персональный дейксис (очень редко и только в определенных условиях человек называет себя, а иногда и других персонажей «диалогической пьесы» – высказывания, не личным местоимением я/ты, а именем собственным). Э. Бенвенист пишет, что если форма “moi” (я) синтаксически родственна именам собственным, то её отличие состоит в том, что имя собственное имеет своим денотатом единственного и конкретного человека, в то время как “moi” референтно лишь временно на момент речи [Бенвенист 1974].

Функционально-семантическое поле субъекта может быть выражено двумя типами обозначения «действующих лиц» (les actants) — дейктическим (местоименно-указательным) и предметно-номинативным, отличающимися друг от друга способами номинации и особенностями референции (способом представления денотата в знаке – по Гаку).

Особое положение занимает антропонимическое лексическое поле (имена собственные) и некоторые другие способы номинации субъекта, о которых пишет В.Г. Гак (см. выше).

Схема 1. Уровневая (эгоцентрическая) схема поля французских актантных местоимений в дейктическом и номинативном полях

Итоговая обобщенная таблица представляет лексико-семантическое поле субъекта следующим образом:

Таблица 3. Типология лексико-грамматических средств выражения категории субъекта

Местоименно-дейктический класс	Антропонимический класс	Денотативно-номинативный класс
---------------------------------------	--------------------------------	---------------------------------------

Особое положение в этой классификации занимает антропонимический класс. Свойствам имени собственного посвящено немало работ в отечественном и зарубежном языкознании [Рылов 2006; Степанов 1981а; Тюкалова 2005; Hintikka 1970] и др.

Если, исходя из концептуальной категоризации Дж. Лакоффа, местоименно-дейктический класс выполняет роль базовой «воплощенной» категории и занимает серединную точку абстракции в градуальной категориальности языкового субъекта, т.к. не требует дополнительных когнитивных усилий. Ономастикон «требует особых когнитивных усилий» для усвоения имен собственных, а другими словами — «лично-референтных» знаний.

Я. Хинтиikka [Hintikka 1970] предлагает различать знание людей «по описанию» и знание «по знакомству». Объектами знания по описанию являются, в частности, лица, широко известные общественности, которых можно описать, лично их не зная. Среди объектов знания по знакомству можно выделить тех людей, на которых можно указать жестом. Введенное Я. Хинтиикой противопоставление, как нам представляется, доказывает промежуточное положение ономастикона между дейксисом и денотативно-номинативными словами: {Я – ты/он (Петя) vs Илья Муромец/Ch. de Gaulle}. В терминах типологии Ч.С. Пирса — это первый (прототипически) тип знака — иконический языковой знак, имеющий своим денотатом «изображение, образ, лицо» субъекта.

Как отмечает О. Йокояма, «знание публичных фигур, которое Я. Хинтиikka называет «знанием по описанию», является косвенным, поскольку обычно его не получают непосредственно, а знание по знакомству — это знание прямое, первичное, несмотря на то, что популяризация визуальных средств массовой информации в современном обществе постепенно приводит к размыванию границы между этими двумя видами знаний... Каков бы ни был конкретный набор признаков, которые имеет в виду человек А, утверждающий, что знает Женю Семенову, и каков бы ни был источник этого знания, мы будем рассматривать *субъективную убежденность А* в своей способности соотнести данный уникальный набор признаков с неким ярлыком «Женя Семенова» (то есть поставить в соответствие данному множеству признаков определенную цепочку фонем, приписываемую соответствующему «реальному» множеству признаков, представляющих собой Женю Семенову) как необходимое и достаточное условие того, что А обладает **референциальным знанием** (referential knowledge) человека по имени Женя Семенова» [Йокояма 2005, 33-35].

Поэтому имена собственные и некоторые референтные имена нарицательные требуют личного знания (например, в артиклевых языках обозначенные определённым артиклем) и находятся выше по шкале категориальной воплощенности Лакоффа (конкретизация), в то время как денотативные слова требуют не личного знания, а знания **кода** и стремятся к обобщению (*дом, лес, собака, человек* и т.д.), занимая «низ» шкалы категориальной воплощенности.

Переводя категориальное шкалирование Дж. Лакоффа в признанную парадигму категориального поля, можно сказать, что ядро категории «языковой субъект» занимают личные и некоторые другие местоимения, ближнюю периферию — референтные имена, а дальнюю периферию — денотативно номинативные обозначения. Внутри самого ядра происходит деление на лица (*я-ты*), участвующие в речевом контакте, и «не-лица» (*он/она/они*), не

участвующие в речевой ситуации, но составляющие субъекты предметной ситуации (о ком/чём говорится) и занимающие промежуточное положение между ядром и ближней периферией категории. К ближней периферии относятся субъекты — объекты референциального знания (по знакомству, знанию, разделяемому адресантом и адресатом). Дальше от ядра категориального поля субъекта находятся имена собственные, известные большинству носителей языка, часто превращающиеся в имена «нарицательные», знаки-символы аффективно-аксиологической ориентированности (*Тартюф, Наполеон и т.д.*). Наконец, на периферии категориального поля находятся субъекты-протагонисты, семантика которых известна либо из языкового кода (слон, собака, птеродактиль) или по описанию: «Это существо, похожее на ящерицу, встало на задние лапы и запело». Такое центробежное шкалирование можно представить следующим образом:

Таблица № 4. Центробежная категоризация элементов функционально-семантического поля (категории) языковой субъект

ядро периферия	Я – ТЫ
	ОН/ОНИ/ЭТОТ/ТА и т.д.
	Женя Семенова
	Илья Муромец, А. Блок
	Моя соседка из 23-й квартиры
	Светская львица
	Шляпа

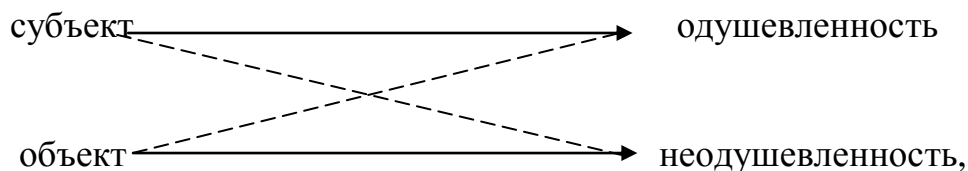
Представляя категориальное поле субъекта, можно констатировать определенную свободу в средствах языкового выражения того или иного элемента этого поля (личные и указательные местоимения, существительные, глаголы, наречия – «*Лучше поздно, чем никогда*» – и т.д.), приближающегося или удаляющегося от центра персонализации. Крайней периферией категории

«языковой субъект» является его редукция или «устранение» из поверхностного плана выражения и трансформация в признаки (маркеры) субъектности, или субъективности (см. ниже), субъектные репрезентативы (СР), способствующие имплицитному существованию субъекта на уровне «обобщенного представления субъекта» (ОПС), заполняющего образовавшуюся когнитивную лауну.

1.4. Категории субъекта и субъективности в языке

1.4.1. Одушевлённость-неодушевлённость

В прототипической когнитивной модели «субъект – объект», тем более, когда субъект понимается как *homo sapiens* (см. выше), субъект, несомненно, характеризуется категорией одушевлённости, а объект – неодушевлён. Асимметрия плана выражения и плана содержания дает следующую картину первичных и вторичных функций этой категории в когнитивной модели «субъект-объект»:

где сплошными линиями обозначены первичные функции категории, а прерывистыми – вторичные. Например:

1. Maman prépare le déjeuner (первичная, прототипическая функция);
2. La voiture renverse un piéton (вторичная метонимическая функция).

Несоответствие языковой картины мира научному осмыслению проявляется в наличии самого субъективного фактора в языке. Категория одушевленности / неодушевленности субъекта, как и некоторые другие языковые явления, отражает антропоцентрическую установку человеческого мышления, асимметрию между восприятием живой и неживой материи. Например, в предложении « La Tour Eiffel **se trouve** au milieu de Paris»

дословный перевод возвратного глагола олицетворяет неодушевленный субъект предложения.

Хотя возвратный глагол давно потерял во французском языке свою внутреннюю форму, связанную с первичной одушевленностью возвратной частицы (себя, -ся), у истоков языка «находиться» – это находить самого себя (где-то). Более того, в этом предложении мы имеем дело с когнитивной моделью «субъект-среда», в которой субъект делается частью своей среды и утрачивает прототипическое значение «деятеля».

Таким образом, одушевленность/неодушевленность, не всегда совпадает с первичной синтаксической функцией субъекта, и эти грамматические категории не принадлежат к ядру категориальной категории субъектности. Этому способствует размытость частеречной системы языка. В.Г. Гак, вслед за Ш. Балли и Г. Гийомом, подчеркивает особую роль транспозиции (перехода из одной части речи в другую) во французском языке [Гак 2000]. Например: «*Vouloir c'est pouvoir*» – «*Хотеть – значит мочь*», где субъект растворяется в среде, выводится за рамки предложения с двумя глаголами в позиции подлежащего и сказуемого. Однако это легко может трансформироваться (вернуться) в прототипическую когнитивную модель «Субъект – объект»: «*Si je veux je peux y réussir ...*» – «*Если захочу, смогу*». Следовательно, на глубинном уровне абстрактные обобщающие когнитивные модели, требующие дополнительного когнитивного усилия, отдаляются от воплощенной когнитивной модели в сторону обобщения («вниз» по шкале воплощенности, т.е. когнитивного автоматизма).

Другое проявление асимметрии плана выражения и плана содержания состоит в метафорическом (метонимическом) осмыслении субъекта. Это явление свойственно фразеологическому уровню языка-речи. Такое представление действительности «работает» по закону метафоры и требует инференциального усилия для олицетворения субъекта. Например: «*Pierre qui roule n'amasse pas mousse*» – «*Под лежащий камень вода не течет*».

Инференциальная (глубинная) модель такой фразы предполагает завуалированную волитивно-аксиологическую интерпретацию: «*Делай что-л., чтобы достичь чего-л. В противном случае... (следует отрицательная оценка)*».

Делая вывод из вышеизложенного, можно констатировать, что актуализация оппозиции «одушевлённость/неодушевлённость» уступает место дихотомии «активность/пассивность», или «агенс/пациенс», левый член которой в первую очередь связывается с когнитивным (семантическим) субъектом. Поэтому одушевленный субъект, становясь «пациентом», превращается в объект. Однако пассивность и одушевленность / неодушевленность объекта не лишает его свойства и возможности взаимодействовать с субъектом: «*Je regarde la montre: Bah ! Minuit ? Déjà !*». Здесь объект интерактивен, он воздействует на субъект, вызывая его эмоционально-оценочную реакцию.

А. Нарушевич так подводит итог взаимоотношения противочленов категории одушевленности/неодушевленности: «Одушевленные и неодушевленные существительные обозначают не столько живые и неживые предметы, сколько предметы, **осмысливающиеся как живые и неживые**. Кроме того, между членами оппозиции ‘мыслимый как живой / мыслимый как неживой’ существует ряд промежуточных образований, совмещающих признаки живого и неживого, наличие которых обусловлено ассоциативными механизмами мышления и другими особенностями мыслительной деятельности человека, например:

- 1) мыслимый как бывший живым (*мертвец, покойник, усопший и др.*);
- 2) мысленно представляемый живым (*русалка, леший, киборг и др.*);
- 3) мыслимый как подобие живого (*кукла, пупс, валет, ферзь и др.*);
- 4) мыслимый как совокупность живого (*народ, толпа, стая, стадо и др.*).

Таким образом, категория одушевленности / неодушевленности имен существительных, как и некоторые другие языковые явления, отражает

антропоцентрическую установку человеческого мышления, а несоответствие языковой картины мира научному осмыслению является еще одним проявлением субъективного фактора в языке» [Нарушевич 1996].

1.4.2. Интенциональность / экстенциональность

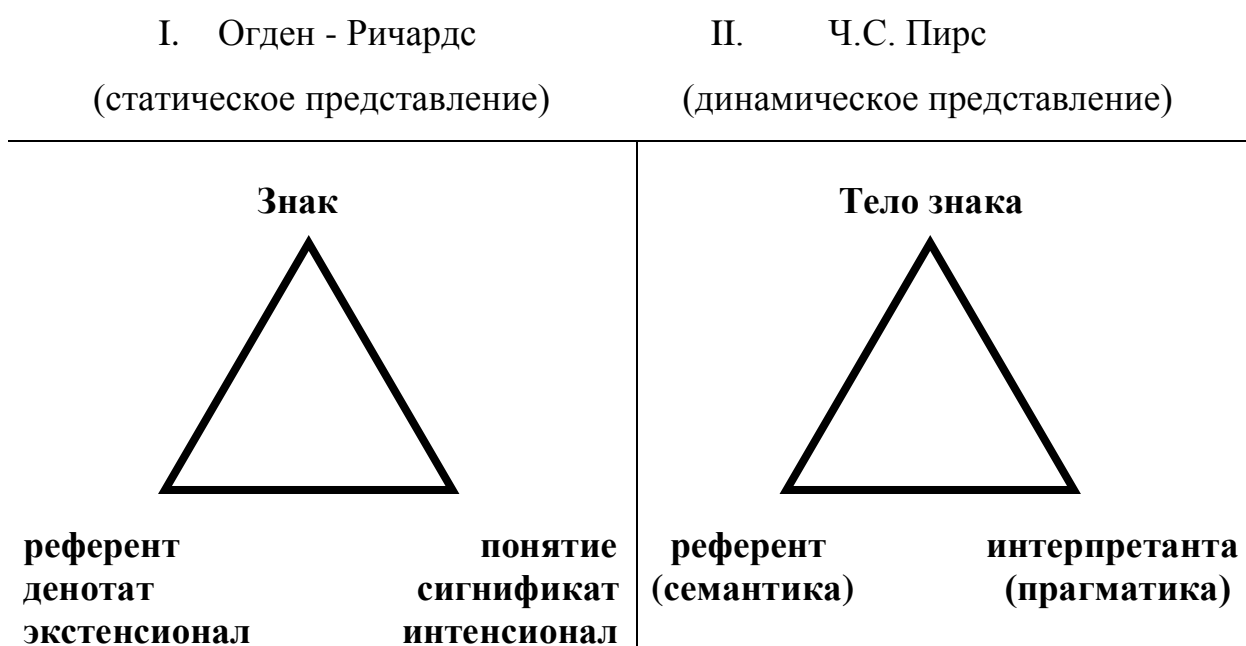
Прежде всего интенциональность/экстенциональность субъекта коррелирует с оппозицией Я. Хинтикки «знание по знакомству» и «знание по описанию» (см. выше). Определенность как коррелят референциального знания противостоит содержанию понятия (интенциональное знание), которое в языке выражается набором сем двух типов, согласно Ф. Растье [Растье 2001], — *ингерентных и афферентных*: «Ингерентные семы находятся в ведении функциональной системы языка, а афферентные — в ведении иных видов кодирования: социализированных и даже идиолектных норм. Следовательно, операции, позволяющие идентифицировать ингерентные семы, отличаются в *интерпретирующей семантике* от операций, позволяющих построить *афферентные семы*» [Там же: 48].

Применение функционально-семиотического метода неизбежно при анализе категории «языковой субъект». Знаковая природа категории, вбирающая в когнитивное представление и форму (синтактику) знака, и его значение (лексическое, грамматическое), и его функциональный диапазон, позволяет выделить его статические составляющие (константы) и функционально-динамические проявления, например, децентрализацию (редукцию и устранение) и окказионально-узуальные трансформации, зависящие от ситуации речи, жанра речи, речевого намерения (интенции) говорящего, анафоро-катафорического контекста и т.п.

Рассматривая «языковой субъект» как знак, мы можем провести условную параллель между представлением знака Огденом и Ричардсом [Ogden 1946; см. тж. Эко 2004], которое можно считать статическим и схематическим представлением трех составляющих семиозиса Ч. С. Пирса

[Пирс 2000], передающим прагматическую динамику знака-концепта в компоненте «интерпретанта»:

Схема № 2 Классическое представление семиозиса:

В статической системе I можно отметить, что знак (план выражения) содержит два типа содержания: экстенционал — объем понятия, т.е. совокупность референтов, семантически коррелирующих с данной (языковой) формой знака, и интенционал — содержание понятия, т.е. совокупность ингерентных сем (по Ф. Растье), которые и отличают один экстенционал (референт), один знак от другого. Как уже отмечалось, в случае эксплицитного языкового субъекта его значение зависит от обоих компонентов. В схеме II динамику несет в себе интерпретанта « как внутреннее свойство знака быть интерпретируемым» [Пирс 2000]. Только контекстуально-ситуативное употребление («изотопия» по Ф. Растье) может выявить «финальную интерпретанту» (Ч.С. Пирс), т.е. смысл знака X в контексте Y (ср. [Ducrot 1984]).

Так в лексикографическом описании приводимого у Ф. Растье слова (знака) 'fox' – «лиса» могут существовать два экстенционала: «1. Хищное млекопитающее семейства псовых, с острой мордой, длинным пушистым хвостом...; 2. О хитром, лстивом человеке...» [СРЯ т. II, 186-187]. Несомненно,

одна из афферентных сем слова 'fox' (животное) — «хитрость» (напр., «Встреча с лисой может произойти только при случайной удаче: этот хитрый и осторожный хищник отлично умеет избегать опасности...») [Там же: 186]), в силу некоторого узуального употребления, становится ингерентной семой в интенционале знака «лиса», референтом которого является человек. Ф. Растье пишет: «Признак / хитрый / имеет действительно разный статус в 'fox' (/животное/) и 'fox' (/человек/), в которых предстает соответственно афферентным или ингерентным. Как доказательство, сочетание *a stupid fox* «глупая лиса» вполне приемлемо в первом случае, но кажется странным во втором из-за противоречия *in adiecto* (взаимоисключающие признаки – А.Ч.). Значит, /хитрый/ не входит в семное ядро, которое условно ограничивают ингерентными семами. Деривационное отношение от 'fox' (/животное/) к 'fox' (/человек/) характеризуется переходом признака /хитрый/ из разряда афферентной семы в разряд ингерентной семы (помимо нейтрализации прочих сем...). Тем самым можно, безусловно, пересмотреть и такое достойное понятие, как “переносный смысл”» [Растье 2001, 49].

В тексте (высказывании, дискурсе) на поверхности находится референт, определяющийся всей совокупностью ингерентных сем. Однако эмоционально-оценочная рамка высказывания [Гак 1998] добавляет субъективный элемент в виде *афферентных сем* в терминологии интерпретационной семантики.

Ф. Растье в своей работе [Растье 2001] приводит в качестве примера изотопии фразу из седьмой главы романа Э. Золя «Бойня», «когда к столу подают рагу из телятины под белым соусом. Воспользуемся ею: «*Le saladier se creusait, une cuiller plantée dans la sauce épaisse, une bonne sauce jaune qui tremblait comme une gelée* » [«Салатник быстро пустел, а великолепный желтоватый соус дрожал, как желе, и был такой густой, что ложка стояла в нем торчком» (перевод О. Моисеенко)]. Рекуррентной здесь оказывается сема /интенсивность/:

Семемы	Статус признака /интенсивность/	Комментарий
'saladier' салатник	афферентный	В контексте это наиболее вместительная посуда: « <i>La blanquette apparut, servie dans un saladier, le ménage n'ayant pas de plat assez grand</i> » было подано телячье рагу - в салатнике, за неимением большого блюда (перевод О. Моисеенко)
'se creusait' пустел	афферентный	Предполагается предельная для рагу, почти плотная консистенция
'plantée' стояла торчком	афферентный	<i>Idem.</i>
'épaisse' густой	ингерентный	интенсивный по шкале консистенции
'bonne' великолепный	ингерентный	интенсивный по шкале ценности
'jaune' желтый	афферентный	Очень темный цвет для белого соуса (« <i>blanquette</i> : мясное блюдо под белым соусом» (Larousse)); чтобы загустить соус, Ф. Бернар предусматривает только один желток на четыре порции (F. Bernard, <i>Les recettes faciles</i> , Paris, Hachette, 1965)» [Растье, 2001:]

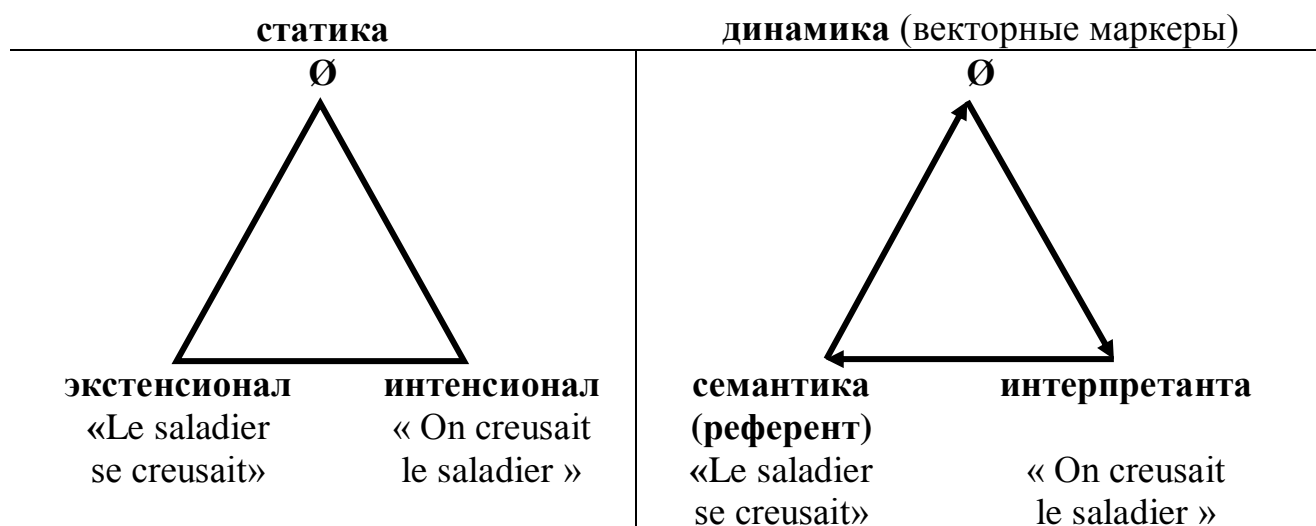
Ф. Растье считает, что в описании отрывка, дополняемого контекстом, «совершенно нелепо отделять ингерентные семы от афферентных», подчеркивая, что «ингерентная сема есть отношение между семемами внутри той же таксемы (лексемы – А.Ч.), тогда как афферентная сема – отношение одной семемы к другой семеме, не принадлежащей строгому ее определительному множеству: значит, это функция от одного множества семем к другому» [Там же]. Таким образом, афферентная сема (или у других авторов — коннотативная, контекстуальная или даже имплицитная [Kerbrat-Orecchioni 1986]) — это результат действия «интерпретанты» Ч.С. Пирса, которая предполагает также и личностные, индивидуальные смыслы (семы) (см., напр. о «тетраэдре Ф.Е. Василюка» в [Залевская 2005, 120-121]).

С точки зрения нашего исследования, рассматриваемая фраза Э.Золя — это пример децентрализации или редукции субъекта действия. Синтаксический субъект этой фразы 'saladier'—'салатник' семантически является объектом

действия, а сема действующего субъекта заключена в глагольной семеме 'se creusait'. Референт формируется динамически путем расширения или сужения содержания значения, т.е. изменения интенционала знака. В данной изотопии (контексте) 'se creusait' трансформируется в глубинную активную модель «on creusait» с неопределенно-личным выражением семантического субъекта, а сам глагол содержит имплицитную сему «человек».

В остальном тексте описывается качество блюда, но аксиологическая сема «интенсивность», определение густоты («ложка стояла торчком») и оценочное прилагательное «великолепный» являются маркерами субъекта высказывания (субъект повествования) и направлены на субъект восприятия, субъект перцепции, не выраженный в приведенной изотопии. Фигура «наблюдателя» (экспериенцера) как бы выносится за скобки предметной ситуации (референта) высказывания, но имплицитно предполагается a priori (ср. [Иванова 2004]). Таким образом, наличие или отсутствие семантического субъекта действия как «тела знака» не означает его отсутствия в референте фразы за счет афферентной в данном контексте семы «человек».

Так возникает обобщенное представление субъекта (ОПС) через присутствие маркеров субъективности или различных субъектных репрезентаций (СР). Прибегая к квазиклассической схеме — семиотическому треугольнику и ставя во главу нулевой знак «семантический субъект действия», данное положение схематически можно представить следующим образом:

Однако факт выраженности или невыраженности субъекта определяется сложностью типологии «субъект-субъектных» отношений, т.е. реальных адресанта и адресата (О. Якобсон), наличие в коммуникативном акте, коим является высказывание, референциальной функции, которая затрагивает говорящего на уровне произведения высказывания и адресата на уровне интерпретации, в которую, помимо самого содержания вплетаются обстоятельства внешней ситуации (интерперсональные, аргументативные и т.п.), элементы ситуации речи, в которую включаются, как известно, и дискурсивные элементы вступления в коммуникацию, и модально-оценочная рамка высказывания и проч. [Якобсон 1975].

Рассмотрим саму типологию субъекта, являющуюся предметом различных концепций и исследований.

1.4.3. Полифонический субъект высказывания как основная единица смыслового анализа

Категория субъекта в языке имеет прежде всего синтаксические корни и относится, как правило, к парадигме типологии моделей предложения как методу системной организации синтаксиса: «С точки зрения системной организации синтаксиса модель предложения предстает в качестве единицы расчленения всей совокупности разнообразных предложений языковой реальности как целого. В составе моделей, в их внутреннем устройстве **релевантны** здесь не их общеграмматическое предикативное значение, которое объединяет все модели, **а различия в форме и значении главных компонентов**. Этими семантико-грамматическими различиями, по которым модели сопоставляются и противопоставляются, определяются понятия типа предложения и в аспекте взаимных связей между типами — системная упорядоченность, типология предложения» [Золотова 2001, 99-100 – выделено нами А. Ч.].

В языке категория субъекта рассматривалась с точки зрения формально-семантической. Так, в русском языке, по формальным признакам наличия /

отсутствия главных членов предложения, А.А. Шахматов предлагал асимметричную дихотомию двусоставных (всегда личных) и односоставных (номинативных, инфинитивных, безличных, определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных) предложений [Гак 1998]. При этом категория «личности» в русских грамматиках трактуется по-разному. Г.А. Золотова пишет: «Термин «личность» употребляется в лингвистике неоднозначно, но здесь [*в цит. работе – А.Ч.*] он означает, что позицию подлежащего занимает имя в именительном падеже (или его перечисляемые субституты со значением опредмеченного понятия). Что отражает это грамматическое установление? Прежде всего признание действительной центральности в грамматической системе, частотности глагольно-именного (Ni—Vf) типа предложения. Вместе с тем нельзя не видеть здесь влияния логико-грамматических концепций и грамматик европейских языков. Отсюда — суженное, обедненное представление о действительном многообразии форм первого главного члена, носителя предикативного признака, неоправданность синтаксического противопоставления именительного падежа косвенным, нарушенное, смещенное соотношение синтаксических, морфологических и семантических признаков в представлении о подлежащем» [Золотова 2001, 102].

Академик В.В. Виноградов рассматривает значения лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы (1 лица) через семантически более растяжимые формы 2 и 3 лица, далее — через неопределенно-личное значение — к устранению лица и безличности [Виноградов 1986, 458-463]. В.В. Виноградов термином «устранение лица» определяет те случаи, когда говорящий обозначает лишь одно действие, как бы «не заботясь» о действующем субъекте [Там же: 462]. Устранение лица он рассматривает как элемент в градации выражения субъекта с разной степенью определенности.

Во французском языке отсутствует корреляция между некоторыми формальными и семантико-синтаксическими типами субъектных

репрезентативов. Например, основой ядерной моделью синтаксического поля безличности является псевдосемантическое, т.е. формальное, местоимение *il*, семантически никак не связанное с местоимением 3-го лица и предполагающее определенную дистрибуцию семантики глаголов: *il pleut / il pleure* (дождит/ он плачет), но, окказионально, у П. Верлена мы встречаем: «*Il pleure dans mon cœur comme il pleut sur la ville*» («В моем сердце плачется, как дождит над городом»).

С другой стороны, невозможность для аналитического французского языка использовать опущение формального субъекта в большинстве синтаксических моделей отличает его от морфологически независимого, оформленного за счет флексий глагольного лица в русском языке: «*Иду и вижу: плетёшься, шатаешься*». Таким образом, из четырех возможных способов выражения лица деятеля (см. [Гак 1998, 85]) во французском языке превалирует «синтаксический — по связи со служебным местоимением, которое, имея грамматические признаки служебного слова, тем не менее морфологически не входит в состав глагольной формы: франц. *je parle, tu parle(s), il parle*» [Там же]. Это приводит Э. Бенвениста к определению категории лица у глаголов и местоимений как наложение двух корреляций: **личности** (противопоставление 1 и 2 лица 3-му) и **субъективности** (противопоставление 1 и 2 лица – адресанта и адресата). Третье лицо для него — **не-лицо**, поскольку оно носит характер субститута, о неопределенном значении лица он ничего не говорит, хотя именно этому значению трудно приписать роль субститута [Бенвенист 1974, 290].

Вслед за В.В. Виноградовым В.Г. Гак представляет процесс обобщения вплоть до устранения лица деятеля следующим образом: 1) конкретно-личный субъект (с внутренней градацией от единичности к множественности); 2) совокупный субъект (*мы с тобой*); 3) собирательный субъект (*группа студентов*); 4) неопределенно-личный субъект (*стучат*); 5) обобщенно-личный субъект; 6) неопределенно-указательный субъект (*это*); 7)

устраняемый субъект (*стучит!*); 8) безличность (бессубъектность: *светает*)» [Гак 1998, 86-87]. Он подчеркивает, что неопределенно-личный субъект занимает срединное положение на шкале устранения и обобщения лица. Ссылаясь на В.В. Виноградова, В.Г. Гак считает, что в нем сохраняется прямое или скрытое отношение к производителю действия, каковым является **одушевленное существо**. Одушевленный субстрат неопределенно-личных форм подтверждается двумя фактами: а) возможностью замены их пассивными конструкциями с устраненным субъектом (*поле вспахали — поле вспахано*) (пример В. В. Виноградова); б) тем обстоятельством, что во французском языке, например, существует особое неопределенно-личное местоимение *on*, восходящее к слову 'человек' (*homme*) [Там же]. Часто обобщенно-личное местоимение может выступать в роли субститута 1-2 лица: «*On a marre de tes conneries*» («*Надоели твои выходки*») или «*Tiens, on ne dit plus 'bonjour!'*?» («*Что, уже не «здороваемся?»*»).

С некоторыми поправками позволим привести схему В.Г. Гака, раскрывающую основные (первичные) функции эксплицитного (дейктического) субъекта во французском языке и вторичную функцию нейтрализации (ср. [Гак 1998, 87]):

Таблица 5. Оппозиция и нейтрализация в поле персональности во французском языке (по В.Г.Гаку)

Оппозиция:	<u>Определенное лицо</u> (<i>я, ты, он...; je, tu, il</i>)	<u>Неопределенное лицо</u> (<i>on</i>)
Нейтрализация:	<u>Обобщенное лицо</u>	
Редукция (устранение)	<u>Безличность</u>	

Таким образом, под обобщенным лицом понимается субъект диффузный (синкретичный), совмещающий в себе и одушевленность, и неодушевленность, референт которого определяется ситуативно (изотопически), «здесь и сейчас». Он прагматичен [Степанов 1981а] и во многом зависит от узуса. Так, во

французском языке существуют два местоимения, обслуживающих неопределенное лицо: одушевленное «*on*» и неодушевленное «*ça*». Однако в функции нейтрализации они имеют разную функционально-семантическую дистрибуцию, в зависимости от ситуативного узуса: «*On sonne*» (*Звонят в дверь*) и «*Ça sonne*» (*Звенит звонок на перемену – шк.*).

Итак, мы можем наблюдать на примере категории субъекта, как синтаксис, «прорастая» семантикой, порождает некоторый поливалентный семантический субъект с большей или меньшей степенью эксплицитности [Червоный 1995], который может иметь референтом как одушевленную, так и неодушевленную субстанцию, действующую, переживающую, претерпевающую воздействие и т.д. Субъект перестает быть связанным с ядерной синтаксической конструкцией (как член предложения), имеет тенденцию к формально-семантической трансформации и т.д. По определению В.Г. Гака, обобщенно-личное значение может выражаться как путем переосмысления определенно-личного значения (например, это типично для русского языка, где формы 2 лица грамматикализировались в этом значении: *Что посеешь, то и пожнешь*), так и путем переосмысления формы неопределенно-личного значения (это характерно для французского языка, где местоимение *on* наряду с неопределенно-личным значением закономерно выражает и обобщенно-личное значение: *On récolte ce qu'on a semé*) » [Гак 1998, 87]. В том и другом языке такие формы коррелируют с категорией обобщения [Андиш 2012] и употребляются в поговорках, пословицах и др. паремиях.

Как видим, семантика чревата прагматикой (об интегральной семантике, включающей прагматику [см. Fauconnier 1984]), и предложение, сохраняя статус синтаксико-семантической модели (Г.А. Золотова), превращается в высказывание, которое отличается как актуализированное в речи предложение характеристиками, отмеченными В.Г. Гаком: *ситуативностью* (дейктизацией, появлением «речевых слов» [Ducrot 1980]); *избирательностью* (темарематическими трансформациями, перемещением семантико-

прагматического фокуса пропозиции); *компрессией и избыточностью* (опущение элементов, эллипсис и дублирование элементов, плеоназм); *направленностью* (меной «точек зрения» говорящего и адресата, «субъект-объектными» или «субъект-субъектными» отношениями, например: «Qu'est-ce que c'est beau!» или «Ça s'appelle 'Reviens!'» – *шк.* «Даю с возвратом!».); *информативностью* (выделением релевантной информации, адекватностью пресуппозиции и пропозиции и т.д.); *эфемерностью* (локуцией «здесь и сейчас»: как библейское «C'est toi qui le dis» – «Ты сказал») и др. (ср. [Гак 1998, 257-260]).

Однако, погружаясь вместе с категориями высказывания в речь, мы расширяем и ипостась субъекта, представляя его как произносящего высказывание (энунциональный субъект), как носителя определенной интенции и речевого намерения совершить тот или иной речевой акт (интенциональный субъект), как участника пропозиции высказывания (протагонист) и, наконец, как ко-субъекта, или «объект-субъекта» (реципиента, или адресата), имея в виду, что в каждом высказывании наличествует «фактор адресата» [Арутюнова 1981]. Здесь мы прочно становимся на позиции диалогизма, предполагающего, вслед за М.М. Бахтиным, что «единственная реальность языка – это диалог». Следовательно, в каждом конкретном адресанте (JE) отражается адресат (TU) [Бахтин 2000].

Философски-метафорично это субъектно-субъектное диалогическое единство демонстрирует французская (а скорее восточная) притча о двух друзьях: «Après avoir jeuné sept ans dans la solitude, l'Ami s'en alla frapper à la porte de son Ami. Une voix de l'intérieur demanda: Qui est là? – C'est **moi**, répondit l'Ami. Et la porte resta fermée...Après sept autres années passées au désert, l'Ami revient frapper à la porte. Et la voix de l'intérieur demanda: – Qui est là? L'Ami répondit: – C'est **toi!** – Et la porte s'ouvrit» (Цит. по [Coquet 1984]).

Выводя субъект за рамки предложения, а затем и высказывания, мы проводим не разделяющую, вертикальную, а соединяющую, горизонтальную

черту между «языком» и «речью» и, вслед за Н.Н. Болдыревым, считаем, что при функционально-семиологическом подходе (синтактика – семантика – прагматика) язык выступает как единый объект — язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного) [Болдырев 2001].

Глаголы пропозиционального отношения «*Я думаю, что ...*», «*Я полагаю, что...*», «*Я считаю, что...*» имеют своим субъектом «переживающего» (В.Г. Гак) интенционального субъекта. Они, если вернуться к дихотомии Э. Бенвениста (см. выше), и являются ядром *субъективности* или «субъективной модальности» [Витгенштейн 1994; Пропозициональные предикаты 1987], синкретично совмещая говорящего и интенционального субъекта «модуса» высказывания, когда пропозиция выражает определенное положение вещей — «объективное» — с точки зрения говорящего.

Таким образом, проблема субъекта высказывания (а не предложения) приводит нас к дихотомии «субъективная»/«объективная» точка зрения.

Одна точка зрения может соответствовать эпистемической, субъективной модальности и носить мысленный характер. «Она имеет место в уме говорящего (Г), но может и не иметь место в действительности» [Шатуновский 1996, 174]. Соответственно объективная модальность не зависит от пропозиционального отношения и остается вне интенционального субъекта «объективным свойством объективной действительности» [Там же].

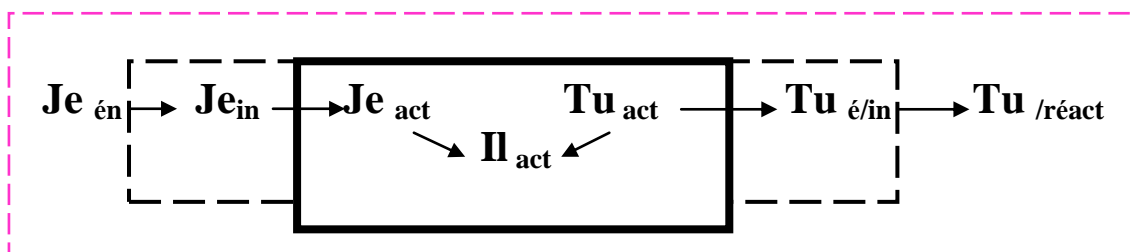
Необходимо еще раз уточнить, что онтологически субъект имеет три ‘ипостаси’: Я – говорящий (Энунциатор); Я – рефлексирующий и интенциональный (Переживающий субъект – по Гаку) и Я – действующий (Протагонист – по Гаку) [Гак 1998, 559-560]. Е.М. Вольф пишет: «Когда мы говорим *мне скучно, он обрадовался*, то здесь ЭС [эмоциональное состояние – А.Ч.] осознается субъектом и интерпретируется с помощью соответствующих предикатов. Говорящего в этих случаях нельзя отождествлять с чувствующим субъектом, он смотрит на него как бы со стороны, даже если речь идет о

самонаблюдении. Таким образом, сама структура ЭС, состоящая из субъекта ЭС, предиката ЭС и причины, может быть включена в модальную рамку как бы "второго порядка", куда входят, эксплицитно или имплицитно, субъект-наблюдатель и предикат наблюдения» [Проблемы 1989, 68 и след.].

Таким образом, возникает категория эмоционально-оценочной рамки вокруг пропозиции (содержания) высказывания [Арутюнова 1988; Вольф 1985; 2002; Гак 1984; 1998], и обе они окружены в реальной речи дискурсивно-коммуникативной рамкой, включающей говорящего и его собеседника, ответственных за деонтологию речевой интеракции (вступление в речевой контакт, поддержание диалога, выход из коммуникации и т.д.) [Гак 1998].

Следовательно, триединый субъект высказывания может быть представлен как субъект трех рамок, трех ситуаций: 1) деятельностно-организационной (ситуация общения); 2) речевой (дискурсивной) и эмоционально-оценочной и 3) пропозициональной – ср. [Алферов 2001б]:

Схема 3. Три ипостаси субъекта во французском высказывании

где **Je énon** — Je énonçant (Я – Энунциатор); **Je in** — Je intentionnel (Я – Интенциональный, переживающий и рефлексирующий субъект) и **Je act** — Je actant (Я – Протагонист, действующее лицо). Соответственно получатель сообщения может быть обозначен как: **TU é/in** — Tu écoutant et intentionnel (Ты – слушающий, интенциональный, интерпретирующий адресат); **TU /réact** — Tu – réactif (Ты – реагирующий). В пропозиции могут действовать как лица, так и не-лицо [Benveniste 1966] — **П act** обозначает позицию протагониста 3 лица. Причем, если Я и Ты находятся в интеракционных отношениях («субъект-

субъектных)), то 3 лицо (или «не-лицо» по Бенвенисту) составляет с первыми двумя **интерактивные** («субъект-объектные») отношения, независимо от одушевленности/неодушевленности объекта.

В когнитивной лингвистике такое взаимодействие посредством высказывания представляется прежде всего как обмен знаниями с целью построения общего когнитивного пространства собеседников [Булыгина 2003]. Типологию знаний и их участие в когнитивной «транзакции» описывает О. Йокояма [Йокояма 2005]. Естественно, носителем знаний в такой транзакции является языковое сообщение.

Номинативная типология субъекта (в конкретной инкарнации «человек») в принципе проста. В.Г. Гак отмечает: «Человек может быть обозначен в речи, исходя из разных признаков, в связи с чем выделяются следующие типы номинации человека в речи:

- имя собственное;
- гиперонимическая номинация: *человек, лицо, персона*;
- демографическая номинация (возраст, пол, профессия, происхождение, национальность): *старик, девочка, слесарь, парижанин, француз*);
- функциональная номинация, указывающая на связь лица с выполняемым или претерпеваемым им действием: *читатель, раненый*;
- относительная номинация, показывающая соотнесенность родственную, профессиональную и др. данного лица с другим: *брат, пациент*;
- оценочная номинация: *молодец, негодяй, этот осел*;
- местоименная номинация: местоимения личные, указательные, относительные» [Гак 1998, 579].

1.4.4. Субъект в объекте и объект в субъекте

Широко разрабатываемая в русистике категория «состояния» нейтрализует оппозицию «одушевленность/неодушевленность». На первый план выступает оппозиция «личность/безличность». Однако, проанализировав французский

материал, необходимо отметить отсутствие корреляции в синонимичных высказываниях русского и французского языков. Ср:

I. Русск.: а) « – Холодно»;	II. Франц.: а) « – Il fait froid»;
б) « – Мне холодно»;	б) « – J'ai froid»;
в) « – Во! Мороз! » и т.д.	с) « – Ça caille!», etc.
III. Русск.: а) «–Ветрено»;	IV. Франц.: а) «– Il fait du vent»;
б) « – Дует»;	б) « – Il y a un courant d'air »;
в) « – Подымается ветер» и т.д.	с) « – Le vent soufflera ...», etc.

Сразу оговоримся: приведенные высказывания семантически, или референциально, синонимичны, т.к. совпадает их «предметная ситуация, денотат. Мы имеем в виду два определенных погодных явления и их «языковое-речевое» представление.

На первый взгляд, приведенные высказывания по-разному представляют семантику субъекта по параметру «объектность» (формальное отсутствие субъекта предложения, деятеля)/«субъектность» (наличие подлежащего-*sujet*), а также субъект-объектные отношения. Только фразы Iб и IIб имеют в своем составе маркеры отношения к семантическому субъекту в роли дополнения-экспириенцера (Iб) и подлежащего-экспириенцера (IIб). В остальных семантический субъект (одушевленный) либо отсутствует (безличные Ia и IIa, IIIa,б и IVa,б), либо имплицитруется как субъект оценки в экспрессивных Iв и IIc. Особняком стоят фразы IIIв и IVс и частично Iв, в семантическом пространстве которых находится неодушевленный субъект в роли подлежащего или номинатива.

Однако, во-первых, за всеми ними стоит энунциатор – он же экспириенцер, порождающий эти высказывания в результате воздействия на его разные перцептивные модули (по Дж. Фодору [Fodor 1986]), и в этом смысле они все субъективны как выражение восприятия говорящего. Помещенные в диалог, они могут быть опровергнуты как ложные с противоположной точки зрения собеседником. Даже

«псевдоповествовательные» (дескриптивные) III_b и IV_c, как, например, вырванное из контекста пушкинское, казалось бы, дескриптивно-оценочное «Мороз и солнце – день чудесный!», выполняют аргументативную функцию по формуле «если...то»: « Чего ж ты дремлешь, друг прелестный? – Пора, красавица, проснись!» ..., так же, как «Si le vent soufflera, on repartira...» (R. Séchan), или косвенный речевой акт просьбы:

«– Il y a un courant d'air » (= «Fermez la fenêtre!»).

Представленное сопоставление, по нашему мнению, доказывает, что семантический субъект связан не столько с семантикой отдельной фразы (предложения), сколько с той конечной интерпретантой, которая превращает «субъект-объектные» отношения как результат влияния внешнего фактора на высказывания говорящего (т.е. влияние объекта на субъект) в «субъект-субъектные» отношения, предполагающие инференции (умозаключения) интерпретирующего (анализирующего) адресата.

В.Г. Борботько отмечает: «Когда в дискурсе встречается так называемое авторское «я», то это «я», даже относясь к личности говорящего, не совпадает с нею. Оно представляет собой одну из возможных позиций, «инстанций» говорящего, которую его сознание соотносит в качестве операнда с некоторым другим операндом, предметом речи. Существенно то, что сам главный оператор, или *рефлектирующая инстанция*, от которой исходит установление всякого рода соответствий, никогда не представлена в дискурсе отдельной формой, она всегда пребывает «за кадром», существуя только в своих производных величинах. [...] Если принять, что сознание является для себя одновременно и субъектом и объектом рефлексии, то возникает парадоксальная ситуация. Чтобы осуществить рефлексию, сознание должно сначала сделать «рефлексивный выход», то есть занять внешнюю позицию по отношению к себе. Однако сознание не может выйти за пределы самого себя и, тем не менее, оно осуществляет рефлексию. В силу того, что процесс рефлексии является имманентным сознанию, по-видимому, не рефлектирующая инстанция

«занимает внешнюю позицию» по отношению к рефлектируемой, а наоборот, дело обстоит так, что рефлектируемая инстанция *попадает во внутреннюю позицию* по отношению к рефлектирующей.

Рефлексия — это отражение сознанием самого себя, некое удвоение фрагмента в пространстве образов мира, в результате чего сознание приобретает способность оперировать своими собственными образами. В результате самоотражения сознание расщепляется на две инстанции — рефлектирующую, активную, выступающую в роли оператора рефлексии, и рефлектируемую, «пассивную», которая является объектом рефлексии и одновременно образом, «копией» ее субъекта» [Борботько 2010, 67-68].

Таким образом, субъект может стать «объектом». Это происходит, прежде всего, когда субъект высказывания либо имплицитен (т.е. подозревается), либо элиминирован в силу его неучастия в процессе (IIIв и IVс), либо пассивен и претерпевает определенное состояние (J'ai froid; Je suis malade, etc.).

Промежуточной формой являются предложения, где существительное «в именительном падеже обозначает не носителя признака, а предикативный признак, приписываемый субъекту, выраженному другой именной формой, например: «Малышу год; У больного радикулит; С тетушкой обморок» [Золотова 1982, 103];

Если рассматривать знаковую полифоничность субъекта (синтаксического, семантического и прагматического), можно утверждать взаимопереход внутри поля категории персональности субъекта в объект и наоборот. В любом пассивном предложении типа «Дом строится рабочими» имеется расхождение между семантическим и синтаксическим субъектами. Синтаксический субъект — скорее объект, а не наоборот, как подсказывает нам глубинная SVO – структура «Рабочие строят дом». Здесь мы опираемся на онтологическую логику, поэтому таких предложений, несомненно, значительно больше в обыденной речи. Однако мы часто имеем взаимное равенство

субъекта и объекта. Например французский так называемый возвратный залог («*Ce livre se vend bien*» – *Эта книга хорошо продается*) или его морфологические корреляты — взаимные или каузативно возвратные формы: «*Marie et Jean s'aiment*» или «*Je me suis fait voler ma valise à la gare*» опять доказывают расхождение между поверхностной синтаксической структурой персональности и глубинной семантической структурой «субъект-объектных» отношений. Последняя фраза вообще дословно не переводится на русский язык («Я у себя заставил украсть чемодан») и передается просто как «У меня украли...». Но если в русском варианте субъект – экспириенцер пассивен и как бы «снимает с себя вину», то внутренняя форма французского оборота, наоборот, подчеркивает персональную ответственность за «ротозейство» («Не вводи в искушение ближнего своего» или нечто подобное). Внутренняя форма возвратно-каузативного залога естественно стерлась, и французы, как и русские, говорят, естественно, о результате, о факте 'Кто-то украл'.

На прагматическом уровне — уровне кодирования и декодирования смысла проявляется степень семантической (онтологической) активности субъекта и объекта. Этот уровень и определяет форму категории персональности и ролевые позиции семантических субъекта и объекта на синтаксическом уровне.

Таким образом, трансформации, отмеченные Н. Хомским [Chomsky 1964], действительно служат логико-прагматической цели представления «субъект-объектных» отношений в глазах адресата-интерпретатора.

В силу асимметрии плана выражения и плана содержания можно представить взаимоотношения субъекта и объекта на семантико-синтаксическом уровне. Здесь мы сталкиваемся с явлением, подробно изученным и изучаемым, называемым «семантическая структура», или «диатеза». «Диатеза остается самым мощным из лингвистических инструментов, используемых при установлении соответствия между ролями участников (обозначаемой глаголом) ситуации и их синтаксическими пози-

циями. Диатеза позволяет выявить иерархию коммуникативных рангов, иначе — иерархию тематичности (*topicality hierarchy*) участников, информация о которой заключена в наборе приглагольных синтаксических позиций и является не менее важной, чем информация о семантических ролях» [Падучева 2004, 388].

Содержательная функция диатезы представляется как «ориентация процесса» (В.Г. Гак), или семантическая «перспектива» (Ч. Филлмор) с точки зрения говорящего субъекта. С.А. Крылов, например, предлагает различать диатезы, охватывающие несколько уровней абстракции: (а) синтаксическую систему языка, в зависимости от которой личная диатеза является исходной, а безличная — производной от неё (*Буря перенесла лодку на берег - Бурей перенесло лодку на берег*), (б) отдельный семантико-синтаксический разряд предикатов; так, у «погодных» глаголов (*verba meteorologica*) естественно считать исходной диатезой безличную (*морозило, штормило; светает, моросит, тянет сыростью*); у глаголов 'недомогания' (*verba aegrotandi*) — безлично-мучительную (*Петю знобит, шатает, тошнит, рвёт, трясёт, лихорадит ...*), у глаголов 'экспериенциальных склонностей' — безлично-аффективную (*мне кажется, нравится, представляется, снится...*) и т.п.; между тем в синтаксической системе языка безлично-аффективная диатеза не является исходной, и у других глаголов чувства и восприятия выступает лишь как производная от исходной личной (*Надя плачет - Наде плачется*) или личной пропозициональной диатезы (*Фрол думает, что опасность миновала - Фролу думается, что опасность миновала; Ярослав верит, что мы победим - Ярославу верится, что мы победим*)' и т.д.» [Крылов 2004].

Феноменологическому знанию, как отмечает А.В. Кравченко, противостоит другой тип собственно языкового знания — структуральное знание. Это знание есть форма категоризации информации, полученной и обработанной не как часть эмпирического опыта индивида, но как обобщающий итог опыта поколений, т. е. оно принадлежит не индивиду, а

языковому социуму в целом, поэтому для языкового индивида оно является данным, существующим знанием [Кравченко 2004]. Поэтому поверхностные роли категории «языковой субъект» не меняют его данности на глубинном, когнитивном уровне.

Ж. Деррида пишет: «Данность рождается как давшая себя вспышка, но сразу и вместе со вспышкой становится ясным, что данное, если оно дано, никогда не переставало быть данным, и если уж оно дано, то его уже некуда деть — данное дано раз и навсегда» (J. Derrida. Donner le temps. 1: La fausse monnaie. Paris, 1991. P. 24. – Цит. по [Мерлин 2006, 9]).

Подводя итог, можно заметить, что поверхностные трансформации, меняющие семантические роли субъекта ('деятель' – 'экспириенцер' и т.д.), лишь подтверждают глубинную суть синтактико-семантической структуры категории «языковой субъект: несмотря на «объективность» точки зрения, отраженной в поверхностной структуре, глубинный субъект — это реальный источник процесса, становящегося «точкой зрения», вектором ориентации коммуникативной перспективы в поверхностной структуре, во многом определяемой главным структурным центром — глаголом.

Одну из характеристик «точки зрения» приводит Н.Д. Арутюнова на примере дихотомии «событие/факт». Причем, «категории событийного (онтологического) ряда» могут различаться между собой по таким параметрам, как статичность/динамичность, градуированность/неградуированность, кульминативность/некульминативность, результативность/нерезультативность, гомогенность/негомогенность, счетность/несчетность и т.п. Эти и им подобные признаки используются при описании значений предикатов. Для второго ряда характерны различия по признакам реальности/гипотетичности, верифицируемости/неверифицируемости, истинности/ложности, утвердительности /отрицательности (логическому качеству), по референции субъекта (логическому количеству) и другим чертам, используемым при классификации суждений. С указанными рядами категорий соотносятся два

принципиально различных типа значения: событийное (в широком смысле) и пропозитивное, или фактообразующее. Оба значения связаны с предложением и чаще всего выражаются его номинализациями. Первое — полными номинализациями: *Розы приятно пахнут* - * *Приятный запах роз известен всем*. Вторые — неполными: *Розы приятно пахнут* - * *То, что розы приятно пахнут, известно всем*. Сравнив приведенные примеры, можно убедиться в том, что полная номинализация относится непосредственно к реалиям, а неполная — к суждениям о реалиях. Это различие имплицитно и разницу в значении предиката» [Арутюнова 1988, 104].

Крайним проявлением градуальной шкалы «личное лицо» — «безличность» является так называемый «имперсонал» (см. выше). Встает вопрос: должен ли «имперсонал» быть исключен из языковой категории «языковой субъект», так как в поверхностных структурах нет формально выраженного семантического субъекта действия, и называются они часто «бессубъектные конструкции» («БК»)? Мы в наших рассуждениях приходим к отрицанию этого отрицания. Для того есть, по крайней мере, два аргумента: первый — когнитивный, второй — прагматический.

Категория «языковой субъект», как и любая другая категория, мыслится как оппозиция своего противочлена (истина/ложь, утверждение /отрицание и т.п.). Неважно, что некоторые категории не дихотомичны, а градуальны (см. выше). Эти градуальные шкалы на своих полюсах имеют взаимоотрицающие субкатегории типа P — не- P , либо P (наличие признака) — $\emptyset$ (отсутствие признака). Вопрос о семантической первичности личных конструкций впервые поставила порождающая грамматика, для которой всякое безличное предложение может рассматриваться как производное от соответствующего личного предложения при помощи правила трансформации [Хомский 2010] (см. выше). По-другому к феномену безличности подходит французская «психомеханика» (Г. Гийом, Ж. Муанье и др.) [Гийом 1992; Moignet 1980]. По мнению этих ученых, в БК безличное местоимение 'il' соответствует

представлению говорящих о «мировом лице», которое может быть противопоставлено «человеческому лицу». Все случаи употребления БК рассматриваются с этой позиции как объединенные в плане содержания этим значением и неизменяемые. Такое объяснение во многом определяется формальной синтаксической структурой французского языка: «Во французском языке БК выделяются по формальному критерию: они образуются финитным глаголом в 3-м л. ед. ч. с безличным нереперентным «пустым» местоимением 'il' в позиции подлежащего. Безличное местоимение 'il' в БК выполняет роль формального подлежащего, а типологически во многих языках (например, в русском) ему соответствует нулевое подлежащее. Грамматическая система французского языка требует, чтобы финитный глагол во всех наклонениях, кроме императива, употреблялся с подлежащим и согласовывался с ним в лице и числе, пусть даже это подлежащее является формальным» [Корди 2004, 232]. Однако, помимо лексикализовавшихся оборотов (в основном «погодных», «темпоральных» и «бытийно-пространственных») *Il pleut; Il est minuit / quatre heures, Il se trouve (que), etc.* или т.н. «презентативов»: *il y a* 'имеется' и *il est* 'есть' (= быть, находиться, существовать и т.д.), чему существует онтологическое объяснение: субъект (человек) не властен ни над силами природы, ни над течением времени, — большинству суждений с «БК» во французском языке находятся синонимические (производные?) личные конструкции или перифразы: *Il fait frais = J'ai froid; Il se fait tard = Je ne peux plus (rester)*, либо псевдоличные (с маркерами субъективности – актуальными или грамматикализованными) «**Ma maison est dans le Midi**»; «**La Tour Eiffel se trouve...**» (см. выше, а тж. Приложение II). Опуская вопрос генезиса и отдаленность от «внутренней» формы этих конструкций, заметим вскользь, что, по мнению некоторых ученых, безличная конструкция имеет особую грамматическую функцию, являясь способом пассивной трансформации. Исходя из теории диатез и залогов [Холодович 1979; Храковский 1981], безличный пассив должен рассматриваться как особая диатеза и, хотя

формальное выражение глагола не отличается от личного пассива, в предложении он маркирован безличным местоимением-подлежащим.

Е.Е. Корди считает, что грамматическим значением БК является бессубъектность процессов и явлений, обозначаемых глаголами и оборотами данной группы. Редкие употребления этих глаголов в личных конструкциях носят сугубо литературный характер и обычно имеют переносное значение. Так, например, в грамматике Grevisse приведены литературные примеры с метеорологическими глаголами, где в одном случае в качестве субъекта выступает Бог, в другом — снаряды, пули и т. п.:

— Dieu a-t-il tonné et éclairé? (Bossuet) – 'Послал ли Бог громы и молнии?'

— Boulets, mitrilles, obus [...], pleuvaient (Hugo) – 'Ядра, пули, снаряды [...], падали дождем' – (Цит. по [Корди 2004, 237]).

Однако, по нашему мнению, последние примеры явно показывают «включенность» субъекта говорящего или субъекта интенционального (выражающего степень интенсивности процесса). Прибегая к метафорам, которые становятся «феноменом, обеспечивающим понимание» [Лакофф 2008], говорящий субъект именно так представляет интерпретатору предметную ситуацию, соотношение личных и «объективных» безличных процессов, событий фактов. В.Г. Гак, поэтому, к традиционной триаде дейксиса «я – здесь – сейчас» добавляет четвертый компонент «так, таким образом», который входит в коммуникативно-дискурсивную и модально-оценочные рамки высказывания [Гак 1998].

Еще более «субъективными» являются «модусные БК — самые частотные из всех БК французского языка, имеющие разнообразные значения: модальные значения необходимости (il faut 'нужно', il est nécessaire 'необходимо'), возможности (il est possible 'возможно', il se peut 'может быть'), оценки достоверности (il est probable 'вероятно'), значения эвиденциальности (il paraît 'кажется', il semble 'кажется'), прагматической оценки (il est facile 'легко', il est difficile 'трудно', il est utile 'полезно'), оценки истинности (il est vrai),

положительной и отрицательной оценки какого-либо действия (*il vaut mieux* 'лучше', *il importe* 'имеет значение', *il fait bon* 'хорошо', *il serait dommage* 'было бы обидно'), оценки частотности, узуальности (*il arrive* 'случается', *il est rare* 'редко бывает') и др.» [Корди 2004, 239-242]. Таким модусным безличным конструкциям может быть приписан интенциональный (модально-аксиологический) субъектный префикс, например «*Je crois que...*», «*Je pense que...*», «*Je trouve que...*», etc.

И, наконец, с точки зрения реляционной грамматики [Перлмуттер, Постал 1982], БК можно рассматривать как «понижение в ранге» подлежащего в плане выражения, когда безличное местоимение равносильно опущению подлежащего, и, следовательно, субъект здесь представлен секвенцией (следующей за подлежащим глагольно-именной конструкцией со статусом «объекта»). Следовательно, субъект присутствует, но не занимает позицию подлежащего. Такое понимание соответствует концепции «точки зрения», обмена ролями подлежащего и дополнения. Другими словами, концепции актуального (или коммуникативного) членения предложения «пражской функциональной грамматики». В личных предложениях субъект является исходным пунктом (или темой), а предикат (сказуемое) — ядром высказывания (или ремой). Предложения, в которых глагол-сказуемое занимает первое место, а за ним следует обозначение субъекта, Е.Е. Корди считает нерасчлененным ядерным высказыванием, где присутствует рема, но не обозначена тема. «Таким образом, БК выступает в данном случае как инструмент актуального членения и его грамматическим значением является **устранение субъекта с позиции подлежащего и темы**» [Корди 2004].

Косвенным подтверждением субъективности БК является её закреплённая ориентированность не столько на говорящего, сколько на человека вообще, т. е. речь следует вести о языковом антропоцентризме и его проявлениях в различных языковых структурах. В частности, выделяется категориальная основа (инвариантная сущность) языка во всех его ипостасях,

являющаяся носителем антропоцентризма; эта категория есть «точка зрения» — «система антропогенных позиций, выступающих по-разному (то актуально, то виртуально) в языке, речи, речевой деятельности и поэтике» [Кравченко 2004, 22-23]. При этом самый термин "точка зрения" прочитывается как "местоположение" — место в пространстве, с которого видится объект восприятия [Там же]. При таком подходе под ЭГО следует понимать не говорящего, а познающего мир человеческого индивида, участника речевого обмена по поводу референта, становящегося и производителем высказывания, и его интерпретатором.

В выраженной языком мысли (информации, смысла) отражается опыт, данный в ощущениях, или в «модулях» восприятия [Fodor 1986]. Именно особенностями восприятия определяется субъектность (субъективность) как свойство, объясняющего приоритет языкового антропоцентризма и антропоморфизма, которые «вплетены в самую ткань языка» [Lyons 1977, 690]. Антропоцентризм является «отправной точкой теоретической и практической деятельности человека» [Колшанский 1975, 86]. Основу перцептивного (феноменологического) знания составляют предметы, события, явления, которые проецируются как все возможные между элементами реального мира виды отношения, зафиксированных в диатезе, предикатах, инверсии или «устранении» поверхностного субъекта. Поэтому языковой антропоцентризм и антропоморфизм особенно четко проявляются в различного рода диатезах, структуре высказывания и текста как пространственных отношениях между субъектом и объектом, между предметами и явлениями действительности, воспринимаемыми человеком. Это и есть субъект восприятия как точка отсчета (точка зрения).

Ориентированность на субъект восприятия как точку отсчета, составляющая когнитивное содержание значения языковых единиц, свойственна не только лингвистическим воззрениям. Такое понимание характерно и для литературоведения, теории дискурса — не случайно фактор

наблюдателя как элемент интерпретативной модели языкового значения в последние годы прочно вошел в систему филологического анализа [Кравченко 2008; Красных 1998; Кузнецов 2003; Кунина 1978; Ладыгин 1997; Магировская 2009; Французская семиотика 2000; Эко 2007 и др.].

Как отмечает А.В. Кравченко, «говорящий, описывая в высказывании какую-то ситуацию, имеет в своем распоряжении лексические и грамматические средства, с помощью которых он маркирует наблюдаемость этой ситуации, хотя необязательно в роли наблюдателя должен выступать он сам» [Кравченко 2004, 19].

Идеи пражцев (функциональной грамматики) в отечественной лингвистике, вслед за Р.О. Якобсоном, развивает В.Г. Гак, который представляет выраженность/невыраженность семантического субъекта особым образом — через определение поля определенности/неопределенности субъекта [Гак 1998].

1.4.5. Определенность/неопределенность

«Если бы язык не давал возможности говорить о неизвестном, то он не мог бы служить орудием познания. Не случайно поэтому во всех языках мира существуют особые местоименные формы (неопределенные местоимения), указывающие на неясный, неизвестный или неназываемый референт либо на отсутствие референта» [Гак 1998, 84-85 и далее].

Лицо деятеля может выражаться различным способом: отдельным словом-существительным, местоимением или глагольной флексией. Категория лица, рассматриваемая нередко как одна из базовых категорий предикации, принадлежит предложению, реализуется на уровне синтаксиса в обязательной или возможной связи финитной формы глагола со словом, указывающим на субъект, будь то существительное, самостоятельное или служебное местоимение. Таким образом, выявляется четыре способа возможного выражения лица деятеля:

а) морфологический — в глагольной флексии: *говорю, говоришь*;

б) синтаксический — по связи со служебным местоимением, которое, имея грамматические признаки служебного слова, тем не менее, морфологически не входит в состав глагольной формы: франц. *je parle, tu parle(s), il parle*;

в) синтаксический — по связи с самостоятельным местоимением или существительным-подлежащим: *я, ты говорил; Маша говорила*;

г) синтаксико-контекстуальный, когда лицо определяется не по непосредственной связи глагольной формы с подлежащим, а на основании более широкого контекста или ситуации, например: *Пришла и села. Счастлив и тревожен, мечтательный твой повторяю стих* (Фет). Лишь посессив *твой* анафорически указывает на то, что *пришла и села* относятся ко второму лицу (поэт обращается к Музе) [Там же].

Модифицируя шкалу В.В. Виноградова, В.Г. Гак представляет процесс обобщения и устранения лица деятеля следующим образом:

1) конкретно-личный субъект (с внутренней градацией от единичности к множественности);

2) совокупный субъект (*мы с тобой*);

3) собирательный субъект (*группа студентов*);

4) неопределенно-личный субъект (*стучат*);

5) обобщенно-личный субъект;

6) неопределенно-указательный субъект (*это*);

7) устраняемый субъект (*стучит!*);

8) безличность (бессубъектность: *светает*).

Неопределенно-личный субъект занимает определенное место на этой шкале устранения и обобщения лица. При всей его неопределенности, по определению В. В. Виноградова, в нем сохраняется прямое или скрытое отношение к производителю действия, каковым является одушевленное существо.

Одушевленный субстрат неопределенно-личных форм подтверждается двумя фактами: а) возможностью замены их пассивными конструкциями с устраненным субъектом (*поле вспахали - поле вспахано*) (пример В. В. Виноградова); б) тем обстоятельством что в языках, где существуют особые местоимения неопределенного лица (фр. *on*, нем. — *man*), последние восходят к слову 'человек'» [Гак 1998, 86 и след.].

Средства выражения неопределенноличности образуют функционально-семантическое поле. Следует различать **центр и периферию поля в онтологическом и функциональном аспектах**. Онтологический центр поля образуется элементом, который является специально созданным для выражения данного значения, и не представляет собой результата переосмысления каких-либо противочленов парадигмы. Функциональный центр поля образуется элементом, наиболее употребительным в данной функции и имеющим наименьшую стилистическую маркированность. Онтологический и функциональный центры могут совпадать или расходиться.

Что касается элементов функционального поля, то они могут быть выявлены в результате совмещения методов дедукции и индукции. В первом случае средства, выражающие данное значение, исчисляются логически с охватом разных уровней языковой системы. Во втором, следуя от языка к языку, мы обнаруживаем все новые способы выражения данного значения. Оба метода дополняют друг друга. Дедуктивно установленные факты проверяются индуктивно, на материале иностранных языков, тогда как индуктивно выявленные способы выражения данного значения не бесконечны, они определяются в конце концов системой языка.

Функциональные центры поля неопределенноличности в разных языках могут быть весьма различными. В выражении неопределенноличности используются средства разных языковых уровней: лексики, морфологии, синтаксиса.

Онтологическим центром выражения неопределенноличности являются сочетания типа *какой-то человек, один человек, люди*, а также неопределенные местоимения. К последним относятся русские *кто-то, кто-нибудь, кое-кто, некто*, французские *on, quiconque, quelqu'un*, немецкие *man, jemand*, испанские *uno, alguno*, английские *one, somebody, anybody* и т. п.

Наиболее разнообразны синтетические средства выражения неопределенноличности. Они связаны с устранением указания на семантическое лицо деятеля. Неопределенным деятель оказывается в двух случаях: или когда он действительно неизвестен, или когда он известен, но по тем или иным причинам не называется. Устранение лица деятеля достигается двумя основными способами: уменьшением валентности глагольного узла и номинализацией процесса [Гак 1998, 86 и след.].

На глубинном уровне семантической структуры неопределенно-личное предложение представляет собой сочетание антропоморфного процесса с неопределенным субъектом. Такая интерпретация неопределенноличности позволяет еще больше расширить круг структур, выражающих это значение. К таким структурам относятся:

— Конструкции с глаголами-конверсивами.

— Особый случай актантной трансформации неопределенно-личного предложения — возведение обстоятельства места в подлежащее, которое при этом выступает как местонахождение определенной группы действующих лиц. Ср.: «*В классе шумят*» и «*Класс шумит*». В первом предложении — неопределенно-личный субъект, во втором слово *класс* может интерпретироваться как указание на совокупность шумящих субъектов или местонахождение их.

— Метонимические описания. Нередко личные предложения представляют собой трансформации предложений, которые на глубинном уровне имеют структуру неопределенно-личных. Например, в высказывании «*Время от времени за изгородью щелкал бич*» сам по себе бич щелкать не мог, это

предложение является трансформом фразы «*Время от времени за изгородью щелкали бичом*» или «*Кто-то щелкал бичом*». Субъект действия метонимически заменен орудием действия. Различение определенно-личных и неопределенно-личных предложений определяется нередко ситуацией и тем, как говорящие представляют себе трансформационную историю данного высказывания, то есть мыслят они или нет наличие на глубинном уровне неопределенного действующего лица.

Обзор типов средств выражения неопределенности показывает, что это значение передается прежде всего элементами, содержащими сему неопределенности (неопределенные местоимения, существительные общего значения), затем — переносно некоторыми глагольными и местоименными формами (главным образом 3-го лица множественного числа, как наиболее общими по значению), затем с помощью синтаксических конструкций и морфологических средств (пассив и др., инфинитив, отглагольное существительное), способствующих устранению субъекта из поверхностной структуры высказывания.

ВЫВОДЫ

1. Субъект — сложная категория, исследуемая философией, когнитологией, психологией и лингвистикой. Категория субъекта требует трансцендентальной абстракции и в то же время существует материально в различных субъектных репрезентациях (СР), основной материальной средой которых является речемыслительная деятельность, а их совокупностью выступает категория «языковой субъект», имеющий структурированное содержание, отражающее семиотическую асимметрию плана содержания и плана выражения.

2. С позиции эволюционной эпистемологии и биосемиотики знание получает расширенную трактовку как адаптацию «субъекта» к своему окружению; «субъект» собирает знание о своем окружении (биосистеме) и при

этом выступает как абстрактный субъект системы, получающий из взаимодействия со средой информацию, которой обменивается, не обязательно являясь при этом существом одушевленным. Субъект знания/познания, получая столь расширенную интерпретацию, может включать в себя как субъект сознания, так и любой биологический организм. В когнитивном языкознании и в современном литературоведении субъект представляется как некая «точка зрения», иногда материально не выраженная «позиция», соответствующая рефлексирующему сознанию интерпретатора, получающего информацию. Таким образом, необходимо выделить **два плана: когнитивное содержание субъекта и его языковое значение**, без чего адекватное понимание категории «языковой субъект» невозможно.

3. Система языка глубоко антропоцентрична. Инвариантная сущность языка проявляется в когнитивной категории «точка зрения» (А.В. Кравченко) или «интерпретанта знака» (Ч.С. Пирс), которые определяют восприятие и, в конечном итоге, смысл сообщения. Из этого вытекают характерные для «субъекта» с позиции разных наук **две фундаментальные характеристики:**

А). Онтологический субъект — это познающая, информационно активная сущность, **действующая** в определенной среде, взаимодействующая с ней как в плане обмена информацией, так и в плане воздействия и преобразования среды как субъективно-объективной действительности, включающей предметы, явления, а также другие **взаимодействующие** с ним субъекты.

Б). Языковой субъект становится универсальной языковой категорией в плане выражения обоих типов когнитивно-деятельностных отношений языковыми средствами, независимо от форм и степени материальной выраженности самого субъекта.

4. Следует разделять понятия **интерсубъективности** (интеракциональности) как свойства субъекта входить во взаимодействие с другими субъектами (**субъект-субъектные отношения**) и **интерактивности** как свойства взаимодействия с активными объектами (явлениями, предметами,

действиями, ситуациями и т.д.), в той или иной степени воздействующими на субъект, стимулирующими его к расширению своего когнитивного пространства, побуждающими субъект к преобразованию субъективно-объективной действительности (**субъект-объектные отношения**).

5. При использовании **семиотико-функционального анализа** выводится типология субъекта как точки преломления различных лексико-грамматических и дискурсивно-прагматических отношений в их статике и динамике, обеспечивающих стабильность и трансформации внутри данной категории. Образуется функционально-семиотическая **среда субъекта**, когнитивно существующая в виде «**точки зрения**», воссоздающая псевдо-отсутствующий субъект как в плане выражения, так и содержания.

6. Когнитивной предпосылкой исследования категории «языковой субъект» выступает теория Дж. Лакоффа о *категориальном воплощении* (базовые, интуитивные категории обладают более важным, психологическим статусом по сравнению с теми понятиями, которые обязательно осознаются). Наблюдается иерархичность категоризации, когда «более базовые категории сосредоточены “в середине” иерархии “от общего к частному”. Обобщение идет “вверх” от базового уровня, а спецификация — “вниз”». Итак:

- Когнитивные модели структурируют мысль и принимают участие в формировании категорий и в рассуждениях.

- Большинство категорий спонтанно-интуитивны. Это так называемые *воплощенные модели*. Те модели, которые не воплощены, используются только осознанно и с заметными усилиями.

7. Выделению такой суперкатегории, как «языковой субъект», сопутствует определение его эвристического статуса через анализ категорий, составляющих ядро и периферию суперкатегории. К ядерной необходимо отнести категорию персональности, т.е. категорию вовлеченности адресанта и адресата в процесс высказывания. Центральной точкой этой категории, выражаемой на уровне «мысли – внутренней речи», является категория Ego,

представленная местоименной парадигмой как наиболее обобщающей субъект-субъектные отношения (я – ты) и субъект-объектные отношения (я/ты – он). Когнитивная модель (Ø – среда) включается в категорию как центробежная, периферийная субкатегория. Поэтому «базовой», центральной категорией суперкатегории «языковой субъект» является категория, образуемая с точки зрения Ego. Обобщенный субъект (фр. «on») — это верхняя периферия категории (по Лакоффу), а так называемое «устранение субъекта» — нижняя точка на шкале персональности — безличность в смысле «не-лица» (фр. «il») (по теории Э. Бенвениста).

8. По критерию базовости («воплощенности»), прототипичности, центральной ядерной категорией выступает категория субъекта-деятеля в трех её векторных измерениях: «субъект-объектные» отношения, «субъект-субъектные» отношения и отношения «субъект-среда (обитания)».

9. Основу исследования категории «языковой субъект» составляет **функционально-семиотический метод**, рассматривающий язык как орудие речевой деятельности так, что даже системный аспект языка обязательно отражает его функциональный потенциал и признаки его реального функционирования (Н.Н. Болдырев).

10. Особые позиции участников речевой ситуации определяют связь знака не только с предметами и ситуациями, о которых сообщается в высказывании, но и с каждым из них.

Таким образом, смысл любого речевого высказывания есть производная от сопряжения интенциональностей и импликаций (речевых намерений и умозаключений) взаимодействующих речевых субъектов по поводу референта.

11. На основе подробного анализа существующих концепций языкового знака (К. Бюлер, Ч.С.Пирс, Р.Якобсон) в рамках семиотического подхода можно утверждать, что природа знака определяется его функцией в языке-речи. Функционально-семиотический подход позволяет представить динамику типологии знаков языка, разделить речевые акты на «соотнесенные с

субъектом» и «отвлеченные от субъекта» (К. Бюлер), на акты «здесь и сейчас» (*énonciation* – по Э. Бенвенисту), которые «прагматичны и ситуативны», и речевые произведения, в которых «происходит освобождение предложения от речевой ситуации» (К. Бюлер). Такой результат речевого акта Э. Бенвенист назвал «*énoncé*». В качестве «отвлеченных от субъекта» рассматриваются устойчивые фразеологизированные, стереотипные или паремические высказывания. Однако, освобождаясь от семантики ситуации (прагматики), лингвист, несмотря ни на какой имманентизм, должен признать знаковую природу языка, а значит и тип знака, и план его содержания (семантику). Субъект не должен рассматриваться исключительно на уровне синтактико-семантической категории, но, представляя собой любой тип знака (икону, индекс, символ), рассматриваться в трех семиотических измерениях (синтактика-семантика-прагматика). В таком ракурсе весь «инструментарий» системы языка, его элементы и категории направлены на достижение конкретной цели, а именно «семантологической релевантности» (по К. Бюлеру), т.е. сочетание элементов системы (ЯС) и их функций зависит от целей сообщения в соответствии с ситуацией и интенциональностями партнеров по коммуникации.

12. Рассматривая категорию «языковой субъект» как категориальное единство *гиперполя субъекта в языке*, мы опираемся на категориальную категоризацию языкового субъекта (Дж. Лакофф), на функционально-полевой принцип организации элементов, выражающих категорию (включающий градуальность и шкалирование, определяющие ядро и периферию) (А.В. Бондарко, К. Бюлер, В.Г. Гак и др.) и в плане выражения — на прототипически релевантное деление на дейктическое и номинативное поле в языке (К. Бюлер).

13. Функциональное поле персональности и «категориальное единство» субъекта включают все три типа личностного дейксиса. Например, во французском языке: *Je/moi; Tu/toi; Celui; Ceux/Celles*, etc., анафоро-

катафорические местоимения *Ceux, qui...*; *Celui-ci...* и т.д. Этот тип выражения субъекта основан на знаках-индексах и опирается на сиюминутную ситуацию речи или контекст. По степени воплощения эти категории находятся в центре функционально-семантического поля субъекта (наиболее «сиюминутны, осязательны»). Ближнюю периферию, стремящуюся вверх по шкале обобщенности («семантической нерасчлененности»), занимают местоимения «On»/»Çа», проявляющие центростремительную тенденцию (*On – Je/Tu/Us, etc.*). Номинативное выражение субъекта представляет собой дальнюю периферию, состоит из знаков-символов (конвенциональных слов языка). Их связь с субъектом определяется их семантико-синтаксической функцией (в первую очередь, это деятель-подлежащее) и их отнесением к прагматическим классам, субъективно представленным в этой пропозициональной позиции говорящим. Промежуточное положение (ближняя периферия) занимают псевдоиконические знаки — имена собственные, которые, в свою очередь, делятся на два класса — имена «по знакомству» и «имена по описанию». Первые, будучи знаками-иконами, стремятся к центру ядра — персональному дейксису, вторые — к деноминативным знакам-символам с их семантической структурой плана содержания.

14. Функционально-семантическое поле субъекта формируют также различные лексико-грамматические категории с разной степенью релевантности (приближенности к ядру поля): одушевленность/неодушевленность; экстенциональность (референт, объем понятия)/интенциональность (содержание понятия), а также полифония говорящего (слушающего) субъекта, в котором синкретично совмещаются субъект говорящий, субъект переживающий (интенциональный) и субъект-протагонист (деятель). В «отстраненном от субъекта предложении (тексте)» (К. Бюлер) на первый план выходит протагонист. Но любая «объективизация речи» имеет за собой «энунциатора» с его «точкой зрения».

15. Крайним проявлением децентрализации и центробежного стремления к пограничной периферии категории «языковой субъект» является редукция, или устранение субъекта из поверхностного плана выражения. Однако исследование показывает, что формы редукции разнообразны, и нулевая форма субъекта либо восстанавливается в виде имплицитного референта, либо существует в виде обобщенного представления субъекта (ОПС) в модели, где субъект растворяется в среде («Vouloir c'est pouvoir»). Последняя модель часто используется в метафоризации, фразеологизации и «топосах» («общих местах», максимах, пословицах и т.д.), исполняющих различные роли в высказывании и дискурсе.

16. Неопределенность предполагает объективное устранение семантического субъекта говорящим. Определенность, наоборот, выступает субъективным фактором устранения субъекта.

ГЛАВА II. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Категория семантико-синтаксического субъекта

В грамматической традиции термин “субъект” используется для обозначения члена предложения, соответствующего предмету мысли (суждения). Современная лингвистическая теория различает 5 (пять) типов субъекта:

- грамматический субъект (или подлежащее), относящийся к синтаксической структуре предложения (плану выражения);
- семантический субъект, относящийся к содержанию предложения (агенса, противопоставляемый пациенсу – претерпевающему воздействию);
- коммуникативный субъект (тема сообщения, данное, топик);
- психологический субъект (исходное представление);
- логический субъект (часть предложения, соответствующая субъекту суждения) (ср. [Арутюнова 1990, 498]).

Расчленение грамматического понятия “субъект” вызвано потребностью анализа предложения на различных лингвистических уровнях [Бенвенист 1974] и возникающей в языке асимметрией формы и значения (функции) [Арутюнова 1979; Гак 1980; Карцевский 1965; Колшанский 1979].

Г.А. Золотова пишет, в частности: «В самом деле, вступают в противоречие два основных признака подлежащего: морфологический признак предписывает ему форму именительного падежа, а структурно-смысловой — роль субъекта, носителя предикативного признака. Между тем целый ряд предложений представляют нам носителя признака в иных формах косвенных падежей, ср., например:

Он не работает — Ему не работается;

Он грустит — Ему грустно;

Деньги есть — Денег нет;

Вода прибывает — Воды прибывает;

Он бредит — У него бред;

Она в обмороке — С ней обморок и т. д.

Нет иных причин, кроме чисто морфологического ограничения, считать подчеркнутые формы имени в правом столбце дополнениями или другими распространителями предикативной основы. В структурно-смысловом отношении все они служат выражением носителя предидицируемого признака» [Золотова 1982, 103].

В связи с тем, что подлежащее и семантический субъект представляют разноуровневые понятия и совмещение их в предложении имеет место далеко не всегда, семантический субъект не может быть найден лишь при опоре на грамматические, формальные показатели членов предложения. Понятие же «семантический» указывает на то, что имеется смысловой признак «субстанции», которая в «онтологическом» образе фрагмента действительности наделена субъективной функцией.

Исходя из проведенного анализа теоретического и практического языкового и речевого материала, мы принимаем следующее операциональное определение: **СЕМАНТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ** является, прежде всего, активная, разумная (мыслящая) субстанция, каузирующая причину некоего действия (отношения) и осуществляющая его в реальном (или возможном) мире: существо, или артефакт, или, как правило, **ИНДИВИДУУМ**, либо его «сублимат», онтологически или метафорически замещающий «позицию субъекта», либо определенная «точка зрения», либо как «среда субъекта», **восстановимая из контекста или ситуации.**

Однако в зависимости от характера описываемой реальности протагонист ситуации может выполнять в предложении (пропозиции) разные семантические функции. Как известно, У.Л. Чейф выделил на глубинном уровне предложения различные актантные роли: агенса, бенефицианта, пациенса, экспериенцера и т.д. [Чейф 2003].

Центральным элементом категориального поля «Субъект» становится семантический субъект, когда он выступает в роли **агенса** [Lagane 1969; Coquet 1984]. Однако, учитывая трансформационную гибкость языка (не говоря о разной системной организации языков мира), субъект может занимать различные актантные позиции (роли по У. Чейфу) и подвергаться трансформациям не только в плане содержания (на глубинном уровне), но и в плане выражения.

Под функционально-семантическими трансформациями субъекта, на наш взгляд, следует понимать в разной степени формальную невыраженность лексико-грамматических категорий имени субъекта (существительного, местоимения), референтом которого является реальный деятель, интенциональный (переживающий) либо выражающий чувства (волитивный) и говорящий (сообщающий, диалогизирующий) индивидуум.

Редукция как основная выявленная трансформация субъекта имеет тенденцию к свертыванию в плане выражения и синкретизму в плане содержания высказывания (предложения, текста и т.п.) информации относительно семантического субъекта.

В процессе работы мы подвергли анализу фрагменты семантики, представляющие некое онтологическое действие или процесс, в котором субъект, по тем или иным причинам, прежде всего коммуникативного плана, не находит своего полноценного словесного выражения или полностью вербально устранен из простого, отдельно взятого предложения или из части сложного французского предложения, семантически равнозначного простому.

Следует особо отметить, что, несмотря на самые разнообразные формы устранения семантического субъекта, в предложениях, которые описывают реальные действия реального деятеля, семантический субъект будет присутствовать на одном из уровней глубинной или поверхностной структуры языка-речи («позиция субъекта», «точка зрения» и т.п.).

Здесь проявляется принцип дополнительности лексического и грамматического уровней производства смысла, о котором написано немало статей и книг, отражающих различные концепции, отличающиеся подходами и терминологией [Адмони 1988; Александрова 1987; Алисова 1971; Арутюнова 1979; Виноградов 1986; Золотова 1982; Ивин 1986а; Coquet 1984; Dubois 1968; Gross 1978 и др.].

В языке, как отмечает Н.Д. Арутюнова, мысль не может быть выражена иначе, как в форме предложения [Арутюнова 1976, 16]. Такой подход проистекает еще из аристотелевской картины языка и мышления, когда логика практически сливалась с грамматикой [Аристотель 1975; Арно 1991, 147-148; Ломов 1994, 43].

Акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен. В анализируемых нами предложениях субъекту и предикату мысли (суждения в структуре предложения) соответствуют два его организующих центра, или два главных члена предложения, обозначающих носителя предикативного признака (семантический субъект) и продуцируемый признак (действие субъекта), направленное или нет на объект [Ломов 2004].

Двучленность, двусоставность предложения, таким образом, — его ядерный синтаксический признак, т.к. предложение представляет акт мышления. Этот признак является общим для всех предложений: «Структура предложения формируется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом — связь его с процессом мышления. Будучи «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли», предложение выражает сообщение о действительности [Виноградов 1986]. Акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен: о чем-то сообщается что-то, некоторому субъекту приписывается некий предикативный признак. Субъекту и предикату мысли-суждения в структуре предложения соответствуют, как правило, два его организующих центра, или два «главных члена», обозначающих носителя

предикативного признака и предизируемый признак. Двучленность, двусоставность предложения, таким образом,— его необходимый признак постольку, поскольку предложение служит выражением акта мышления. Этот признак является общим для всех предложений. Предикативность, характеризующая каждое предложение, и означает предикативное отношение между структурными опорами мысли-предложения — субъектом и предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица.

Поскольку мы изучаем не логическую структуру мысли-суждения, а языковую структуру мысли-предложения, для нас особенно важны конкретные языковые формы и значения субъектов и предикатов в разных моделях предложения. Языковыми формами и значениями субъектов и предикатов, разным типовым содержанием и способами его оформления обусловлена принадлежность предложения к разным структурным типам РС. В этих различиях и проявляется план связи предложения с внеязыковым миром. Отображая категориальные явления объективной действительности, их связи и отношения, язык для именованя тех или иных категории и связей располагает определенными номинативными и конструктивными средствами» [Золотова 2001, 24-25].

Однако, следуя доминирующей в лингвистике вербоцентрической концепции [Теньер 1988], семантическая структура предложения определяется в первую очередь глагольным значением. Семантика глаголов говорит нам об имплицитной связи с субъектом, его презумпции, какая бы ему ни отводилась роль в концепции У.Л. Чейфа. Семантический субъект изначально заложен в семантику подобного типа глаголов [Dubois 1968]. Эти глаголы отличает проекция (валентность) на субъект, внутренняя потребность в нем.

Номинативный (референтный) аспект отражает объективную соотнесенность высказывания к описываемой ситуации [Алисова 1971, 122]. Существует смысл “субъективный”, возникающий в коммуникации, и “объективный”, лежащий в природе обозначаемых вещей [Колшанский 1975].

Как известно, подлежащее и сказуемое выполняют в предложении существенно различные функции: имя в позиции подлежащего выступает в своей денотирующей функции. Предикат же реализует свое сигнификативное содержание [Dubois 1973].

Таким образом, в предложении денотат (имя) и сигнификат (предикат) имеют функции называния и обозначения. Обычно, хотя и не всегда, значение субъекта ”прозрачно”, сквозь него отчетливо просвечивает денотат [Арутюнова 1976, 10], предполагается также, что функция референции и функция индивидуализации реализуются в подлежащем одновременно. Хотя допускается, по-видимому, что в процессе порождения предложения эти функции могут осуществляться отдельно и предшествовать одна другой [Степанов 1979, 336].

Следовательно, в предложениях с *трансформацией редукции* функция номинации субъекта проявляется в особой форме или практически не реализована. Это вызвано тем, что мысленное отображение события предложением предполагает глобальное его выделение посредством названия (номинации) либо же расчленение события на предикат, семантический субъект и остальные аргументы (дискуссию по этому положению см. [Золотова 2001]).

Г.А. Золотова пишет: «Действительность не только находит опосредованное отображение в языковых формах, она членится и организуется в сознании говорящих соответственно ее лингвистическому видению тем или иным национально-языковым коллективом.

Семантико-синтаксическая структура предложения, сопрягающая предикативно словоформы со значением деятеля и его действия, субъекта состояния и его состояния, предмета и его признака (качественного или количественного) и др. реализует план связи предложения с действительностью и одновременно конкретизирует план связи с мышлением, выражая не вообще

субъект и предикат мысли, а его содержательно-формальные разновидности» [Золотова 2001, 25].

Например, языковые безличные предикаты в предложениях *Il fait du vent; il pleut* лишь называют природные события, не расчленяя их [Степанов 1988].

Однако они вполне синонимичны предложениям *La neige tombe; Le vent souffle*, т.к., в сущности, называют те же события (референты), и глагольный предикат в приведенных предложениях не добавляет нового знаменательного элемента к содержанию подлежащего, маркируя только грамматическое время события или фазу процесса. Лишь то предложение мысленно членится на семантически значимые компоненты, которое отображает ситуацию, состоящую в реальности из соответствующих элементов, выделенных сознанием человека и лексически представленных в языке.

Например, вот как описывается ситуация, в которой неопределенному субъекту приписывается определенная череда действий:

(1) «*Quelqu'un* était enfermé là-haut, dans une chambre, c'était clair. *Ce quelqu'un* ne devait pas être content d'être claustré de la sorte, puisque, avant le dîner, Malik avait été obligé de monter pour le morigéner.

Ce même quelqu'un avait essayé de profiter du repas qui réunissait toute la famille dans la salle à manger pour s'enfuir. *Il* avait sauté dans la terre molle...»(G. Simenon. «*Maigret se fâche*, p. 36-37 »).

В этом примере последовательность предложений с редуцированной номинацией субъекта вполне референтна и не ограничена в описании последовательности действий. Редуцированный субъект *quelqu'un*, несмотря на размытую референцию, берет на себя полноценные функции подлежащего и лексикализируется, что доказывает анафорическая номинация личного '*il*'.

Итак, проведем понятийную ревизию:

1. Имеются все основания считать, что текст как коммуникативная единица формируется в мозгу говорящего на базе пропозиций, как их представляет себе современная логика [Ивин 1986а; Кацнельсон 1974, 107;

Проблемы 1989]. «Пропозицией принято считать семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализация). Концепция пропозиции отвечает давней тенденции к расчленению предложения (или высказывания) на объективную семантическую константу (диктум в логике схоластов и у Ш. Балли, представление или образ у Р. Декарта, интенционал в современной логике), способную получать истинное значение и субъективную переменную, выражающую отношение значения предложения к действительности (модальность): оценку достоверности сообщаемого говорящим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому» [Арутюнова 1990, 401].

2. Коррелятом пропозиции, соответствующим перечисленным выше значениям, является понятие пропозиционального отношения или установки [Шатуновский 1988, 1989]. Таким образом, в ситуации, описываемой высказыванием, различают две стороны: предметная ситуация (событие) и речевая (отношение говорящих к событию и отношение между ними). Двум аспектам ситуации соответствуют два аспекта предложения — диктум (модальность *de re*) и модус (модальность *de dicto*) [Балли 1955; 2001]. С субъективными переменными компонентами (модус) соотносится стабильное семантическое ядро (диктум), отражающее ситуацию процесса, поэтому вполне логично, что смысл категории “действие семантического субъекта” состоит из следующих составляющих: акционального субъекта (актанта) — его действия — объекта воздействия. К этому семантическому ядру и применяется термин “пропозиция”, которая, таким образом, соответствует номинативному или собственно семантическому аспекту предложения [Касевич 1985].

3. Термы, которые входят в состав пропозиции (субъект и объект), способны к референции, предикат приобретает модальные временные характеристики. Следовательно, пропозиция соответствует приблизительно смысловому содержанию элементарного предложения, «однопредикативного,

не осложненного атрибутами и обстоятельственными словами» [Кацнельсон 1974, 108].

4. Осуществляя коммуникативный акт, говорящий выражает пропозитивное содержание “действие субъекта”, направленное преимущественно на объект. Сама пропозиция не является актом, но процесс выражения пропозиции является частью выполнения определенного коммуникативного акта. Как таковая пропозиция не присутствует в поверхностной структуре предложения (высказывания). Она обнаруживает себя в последовательности знаков языковой структуры. Пропозиция подвергается некоторой семантической операции, а именно: предикат с заполненными валентностями образует пропозицию, актанты занимают свойственные им места [Там же: 109].

Проведя ревизию основ, которые требуют уточнения нашей позиции ввиду многочисленных точек зрения и имеющейся полисемии терминов, продолжим обоснование синтаксико-семантического статуса субъекта предложения-высказывания с позиции современной когнитивной лингвистики, основанной на логической традиции многих поколений ученых (см. [Кубрякова 1994; Ломов 1994]).

Дискретные элементы языкового строя при их преобразовании в предложение образуют линейный ряд, следуя один за другим, подобно звеньям цепи. Субъект и аргументы предиката и не могут появиться в речи одновременно, как они даны в пропозиции, отображающей реальность. Пропозитивное содержание высказывания разворачивается именно на основе этой дихотомии и может пониматься, следовательно, как реализация функциональной установки говорящего относительно известного предмета коммуникации (тема-рематическое отношение).

Пропозитивное содержание непосредственно связано с тем, что говорящий думает о происходящем событии, им передаются те идеи, понятия, представления, т.е. знания, относительно которых совершается речевой акт

[Йокояма 2005]. С точки зрения когнитивной лингвистики, вслед за О. Йокояма, можно типологизировать знания, которые могут составлять предмет коммуникации. Прежде всего это презумпция существования субъекта, по словам П. Рикера, «*La puissance affirmative d'exister*» («Сила убежденности в существовании») [Рикер 1995]. В терминах О. Йокояма — это **экзистенциальное знание**. Говорящий субъект, находясь вне модально-оценочной рамки пропозиции, как бы утверждает: «*J'affirme que je suis Je*» [Coquet 1984, 15] (см. Схему 3). Субъекту пропозиционального отношения (интенциональному субъекту) соответствует **предикационное знание**, т.е. представления о том, что некий экзистенциальный субъект существует в определенных его состояниях (характеристики действия, преобразования и т.д.). Сопряжение двух знаний происходит в субъекте-протагонисте и образует **пропозициональное знание**: «А есть В», что составляет основу глубинной синтаксической структуры (т.е. пропозиции) высказывания. Однако на этом уровне преобладают «незаполненные позиции», обозначенные в поверхностной структуре, как правило, неопределенными терминами: *qn fait qch ; ça arrive que*, etc. Далее специфицирующее знание превращает ‘qn’ в *Jean*; ‘fait’ в ‘*écrit*’; ‘qch’ в ‘*une dictée*’. Однако соединение этих термов в предложение (высказывание) *Jean écrit une dictée* возможно только при наличии **референциального знания**, т.е. соответствия действительности описываемому событию. *Сообщение* об этом событии требует **знания кода**, т.е. лексико-грамматической системы языка. Следует сказать о том, что функциональная эффективность процесса выражения пропозиционального содержания может быть достигнута в том случае, если говорящий учтет не только свои представления о предмете, но и сможет релевантно передать их собеседнику, для чего необходимо **знание дискурсивной ситуации** [Йокояма 2005, 30].

Как правило, релевантность высказывания заключается в том, что говорящий пытается отразить свои представления о когнитивной программе в сознании слушающего. Пропозитивное содержание, будучи основано на

интенции говорящего, вскрывает то, как говорящий ‘видит’ представление слушающего, и каковы его собственные представления о предмете. При этом если когнитивные программы собеседников не совпадают (провал в когнитивном ожидании говорящего О. Йокояма называет «импозицией» [Там же]), происходит когнитивный конфликт и, как следствие, — коммуникативная неудача [Гюрджян 2009; Йокояма 1998; Падучева 1997; Попова 2006; Фестингер 1999]).

Проецирование многоместной пропозиции на линейный звуковой ряд протекает как процесс “линеаризации” (термин У. Чейфа), т.е. преобразования симультанных элементов в их ранжированную во времени последовательность [Потапова 2003; 2006; Кацнельсон 1974, 112]. “Один из аргументов многоместной пропозиции должен при этом предшествовать всем остальным. Линеаризация элементов пропозиции является необходимой предпосылкой превращения аргумента в подлежащее. Основной, равнозначный предикату аргумент противостоит всем остальным аргументам. Он как бы главенствует над ними и, как правило, предшествует им” [Кацнельсон 1974, 113].

В полной мере типология семантико-синтаксического субъекта предложения выполнена на материале русского [Золотова 2001, 133-155], итальянского и русского языков в сопоставительном плане [Рылов 2006].

Однако подлежащее — категория не мыслимая, не пропозициональная, а коммуникативная, появляющаяся в результате преобразования пропозиции в предложение. Происходит подбор и структурирование слов в предложении, появляется порядок слов, свойственный тому или иному языку [Кинэн 1982, 148].

Во французском языке порядок слов, как известно, является одним из основных средств выражения определенных синтаксических функций. Порядок слов весьма прочно стабилизирован и во многом грамматикализирован так, что почти не позволяет в зависимости от контекста или ситуации менять взаимоположение подлежащего и сказуемого в повествовательных

предложениях. Ю.А. Рылов отмечает: «В английском и французском языках, где местоименный субъект не опускается, нет и инверсии подлежащего — в том виде, в каком она существует в итальянском и русском языках. В самом деле, специальные построения, способные обеспечить инверсию подлежащего в английском и французском языках, используются с ограниченным количеством глаголов и исключительно при неопределенном подлежащем: *There have arrived three girls. Il est arrivé trois filles. There has arrived John. *Il est arrivé Jean...*» [Рылов 2006, 44 – выделено нами – А.Ч.].

Подлежащее во французском языке определяется по следующим признакам: а) имя без предлога; б) препозиция по отношению к сопряженному глаголу (кроме вопросительно–восклицательных и некоторых других конструкций); в) замещаемость субъектными местоимениями *il, elle, ce*, относительным *qui*, вопросительными *qui est-ce qui?; qu'est-ce qui?* [Гак 1986, 72-73]. Отвечающее этим формальным знакам слово способно занимать позицию подлежащего.

Подлежащее во французском языке — обязательный компонент глагольного предложения, имеющего двусоставную структуру. Даже в случае коммуникативной избыточности семантического субъекта, или когда предложение описывает бессубъектное событие, позиция подлежащего будет занята формальным подлежащим “*il*”, “*ça*”, “*on*” [Baarslag 1964].

Описание предложением действия, характер которого указывает на разумную субстанцию, его производящую, требует, чтобы на синтаксическом уровне позиция подлежащего или дополнения должна быть занята конкретным одушевленным именем существительным или определенно-личным местоимением в качестве исполнителя действия (актанта).

Однако эта закономерность достаточно часто нарушается: реальный деятель либо “затушевывается” местоимениями “*on*”, “*ça*”, etc., либо в функции подлежащего обнаруживаются имена с отличной от характерной для реального

деятеля семантикой; коррелятивно выраженного деятеля при этом на синтаксическом уровне нет (*Il est arrivé un train* – *Пришел поезд*).

При соблюдении всех существующих формальных требований (прямой порядок слов) в позиции подлежащего, в принципе, может оказаться любая часть речи, адекватная значению пропозиции ‘деятель — действие’. Постоянным (за редким исключением) остается наличие в предложении предиката.

Таким образом, даже актанта, означающий реального деятеля в позиции подлежащего, несмотря на свою семантико-синтаксическую релевантность, так же как и остальные субъекты, может быть синтаксически непостоянным элементом.

Как известно, в современную лингвистику понятие “актанта” было введено Л. Теньером, который рассматривал его как элемент синтаксической структуры глагольного узла, состоящего из: 1) глагола, выражающего действие или процесс; 2) актанта — лиц или предметов, которые принимают участие в этом действии (это всегда существительные или их эквиваленты), обозначающих субъект и объект, цель, средство, результат; 3) сирконстантов, указывающих на временные и пространственные координаты протекания процесса, на его временные характеристики [Теньер 1988; Arrivé 1969; Tesnière 1959, 102]. Принятое у Л. Теньера понятие глагольного комплекса соответствует логическому представлению пропозиции, которая, однако, не включает связанные с ней переменные. Л. Теньер рассматривает актанта-предикатную структуру как маленькую пьесу, где действие — это предикат, а актеры — актанта. Главный актер — семантический субъект в некоторых фрагментах пьесы — предложениях по некоторым причинам может быть устранен. Предикат, обычно насчитывающий несколько аргументов, является тем стержнем, который позволяет каждому члену предложения выступить в роли подлежащего. В то же время, каждый предикат функционально ориентирован на подлежащее. Выбор подлежащего задает семантико-

грамматическую перспективу, определяющую в какой-то мере возможности синтаксического развертывания остального предложения. В этом случае говорящий, по-видимому, более свободен в выборе подлежащего, чем любого другого члена предложения [Сильницкий 1981, 43].

Первое место подлежащего априорно детерминировано, независимо от морфологических и лексических характеристик остальных членов предложения. Таким образом, подлежащее представляет собой отправную точку предложения. Позиция субъекта-актанта может оставаться в предложении незанятой, однако в семантической структуре предложения он присутствует на глубинном уровне. Одним словом, в функции предмета высказывания может при известных условиях выступать не только имя, обозначающее семантический субъект, но и слова иной семантики, которые связаны смысловыми отношениями с понятием “действие субъекта”. Актантно-предикатные структуры нами рассматриваются как структуры семантические, включающие семантические актаны (переменные) и семантический предикат (константа) [Гак 1969; 2000].

2.2. Редукция семантического субъекта как проявление функциональной динамики в языке

2.2.1. Причины редукции семантического субъекта

Итак, основной коммуникативной единицей является предложение-высказывание, которое реализуется посредством слов. Однако слова — не просто отрезки предложения, поскольку предложение — это целое, не сводящееся к сумме его частей [Бенвенист 1974, 133]. В этом несоответствии, по-видимому, и кроется особенность языковой коммуникации. Все содержание мысли, сосредоточенное в предложении, не всегда соответствует языковым элементам, его составляющим. Благодаря этому в процессе языковой коммуникации говорящий часто получает возможность замещения в структуре предложения некоторого языкового элемента каким-либо другим,

функционально тождественным элементом, способным передать ту же самую информацию в данных контекстно–ситуативных условиях. Невыраженность на синтаксическом уровне предложения некоторых элементов ситуации отражает в языке экономию речевых усилий [Haroche 1984; 1991; Martinet 1985; Zribi-Hertz 1985]. “Действительно, почему языки должны быть столь извращенными и неэкономными? Почему они должны обременять говорящих сотнями явных категорий, лишенных какой бы то ни было семантической значимости?” [Булыгина 1982, 10]. Две существующие противоположные тенденции: первая — к экономии синтаксических единиц и вторая — к разнообразию выразительных средств передачи некоторого смысла — способствуют диалектическому развитию языков. Несоответствие между элементами семантической и синтаксической структур коммуникативной единицы обуславливает имплицитность ее элементов. Имплицитное обозначение смысловых компонентов, не находящих прямого соответствия в плане их выражения в отдельно взятом предложении, выявляет здесь специфику непрямого, преобразованного отражения событий, поскольку язык отражает мир только косвенным образом [Тарасова 1992, 86-94; Harnish 1977]. Язык отражает категориализацию мира говорящего коллектива [Wierzbicka 1980, 49-50].

Как было указано выше, функция прежде всего — это транспозиция форм, подчиненная интенциональности говорящего. Определив ядерное положение личных местоимений в выражении персональности по отношению к денотативно-номинативным способам выражения семантического субъекта в семасиологическом плане (от формы к функции), необходимо следовать доминанте семасиологического антропоцентрического подхода к исследованию семантического субъекта. Главной тенденцией антропологического варьирования выступает редукция семантического субъекта, т.е. замена семантически полных имен на редуцированные и семантически более синкретичные местоименные (дейктические) формы.

Трансформация, в частности редукция, является одной из распространенных во французском языке прагматических стратегий говорящего, связанных с определенными условиями речевого акта, речевого контекста и коммуникативных целей.

Употребление говорящим предложений с редуцированным семантическим субъектом зависит, как правило, от двух основных причин: определенности (известности) или неопределенности (неизвестности) субъекта действия [Рылов 2006, 15-33].

В ситуациях второго типа выражается неопределенность субъекта, т.е. конкретный семантический субъект неизвестен, неочевиден говорящему, в силу чего его нельзя точно назвать или выразить [Шелякин 1991].

Например:

(2) «*Des pas dans l'escalier. Non pas les pas de Gustave, elle les reconnaissait entre tous. Pourtant une main qui frappe à sa porte: Qui est-ce?*

Elle ouvre et en même temps elle devine dans la pénombre que c'est un enfant.

— *Garçon de course du Ruhl*» (P. Vialar. « Pas de temps pour mourir, p. 121»);

(3) «*La porte de la salle d'écoute avait été poussée avec violence et quelqu'un entrant dans les couloirs. Elle se précipita hors de la pièce et eut tout juste le temps d'apercevoir une silhouette et de reconnaître Irkvine* » (P. Boule. «Le Coeur et la Galaxie», p. 119).

При этом свою первичную функцию выполняет неопределенный артикль, а субъект выражен существительными, близкими к дейксису («какие-то шаги слышатся на лестнице»; «рука стучит» → «там»). Неслучайно К. Бюлер связывал пространственный дейксис и указательный знак с перцепцией и соответствующей ей лексикой, как дескриптивно-номинативной (*des pas; une main; une silhouette*), так и дейктически-местоименной (*quelqu'un*). Он писал о том, что мы можем узнать человека по голосу, не видя его, и это явно

дейктическое свойство фонации (фонетики по Бюлеру) [Бюлер 2000; см. тж. Моисеева 1999; 2005; Потапова 2003; 2006].

Ещё одна причина редукции субъекта связана с выражением несущественности субъекта действия для слушающего:

А). Говорящим не конкретизируется семантический субъект, поскольку он известен слушающему из контекста или ситуации [Ружичка 1988]:

(4) « — Mais pourquoi n'avez-vous pas fait votre rédaction?

— *On* a tué le cochon hier.

—Je n'en ai pas entendu parler, observa le maître. Il me semble qu'*on* tue bien souvent des cochons chez vous» (М. Аумэ. «La Retraite de Russie», p. 31).

Причем, в этом примере мы можем наблюдать омонимию французского местоимения *on* (см. Схему 3): первое *on* = *nous* (мы, у нас); второе – *on* = *vous*.

(5) «L'entrevue eut lieu dans le petit salon et dura près de deux heures; puis Simon fila *de son côté*, sans prendre congé de moi» (F. Mauriac. «Un adolescent d'autrefois», p. 371).

Здесь лексикализовавшееся пространственное дейктическое *de son côté* предполагает референциальное знание слушателя, где это самое «к себе».

Иногда слушающий анафорически восстанавливает значение (референцию) редуцированного субъекта (анафорический дейксис):

(6) «Le lendemain, je me suis aperçu que je n'avais plus la pipe en quelque sorte commémorative que m'avaient donnée mes confrères liégeois. *J'en* ai parlé à *l'un d'eux qui* a tout de suite ouvert une enquête. *On* a retrouvé la pipe. C'était le fil de mon hôtesse de la veille *qui* se l'était appropriée et *qui* l'avait cachée dans sa chambre» (G. Simenon. « Lettre à ma mère», p. 27).

Б). Предложения с редуцированным субъектом используются при выражении различных экспрессивно-стилистических и модальных оттенков. Подобные предложения передают коннотацию говорящего относительно реального деятеля:

(7) «Les familles bourgeoises c'est connu, ça contrarie toujours les artistes» (N. Calaf. «Ascenseur pour l'échafaud», p. 37).

В этом примере синкретически совмещаются анафорическая и пейоративная функции дейктического *ça* (= эти, как известно...).

В). Говорящий считает ненужным конкретизировать субъект действия как несущественный для себя и слушающего, семантический субъект не называется, он устранен, т.к. для говорящего важно передать информацию о его деятельности, описать само действие и элементы, с ним связанные. Действие для коммуникантов находится в коммуникативном (информативном) фокусе высказывания:

(8) «*Il fut décidé que la vente de la collection Rivière aurait lieu en décembre*» (M. Rheims. «Le cheval d'argent», p. 61);

(9) «*Nous partons... Cela s'est décidé tout d'un coup*» (Alain-Fournier. «Le grand Meaulnes», p. 97);

(10) «*Il entend chanter dans les rues une chansonnette à la mode* (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 226);

(11) «*La poussière d'or, les claquements de fouet, les grelots, un air de tyrolienne montaient à travers les jalousies fermées*» (F. Mauriac. «Le noeud de vipères», p. 114).

Заметим, что примеры (8) – (10) отличаются от примера (11) тем, что в них семантическая редукция субъекта-деятеля сопровождается трансформацией пассивизации, тогда как в последнем примере, при наличии формальных лексико-синтаксических субъектов, занимающих позицию подлежащего, перцептивный семантический субъект устраняется из поверхностной структуры, в силу его известности читателю из контекста. В результате получается стилистически маркированное описание ситуации через приближающие к субъективному дейксису существительные (индексально-иконические знаки по Ч. Пирсу) («золотая пыль, шелканье хлыста... проникали через закрытые жалюзи»).

Г). Говорящим используется неопределенно-генерализирующая стратегия относительно обсуждаемого предмета речи (объекта), что формально редуцирует референциальный субъект, подчеркивая его интенционал и представляя его с разной степенью обобщения. Например:

(12) «Vous me demandez comment *se fait un roman*» (А. Maurois «Lettres à l'inconnue», p. 75). — 'пассивизация' + 'обобщение';

(13) «Un bijou se perd, il est vrai, aussi aisément, qu'une cicatrice *se gagne*» (Н. Bazin. «Le bureau des mariages», p. 154). — то же;

(14) «Je te donnerai aussi un pour une première de chez Béchoff – David, une ancienne camarade qui n'a pas réussi. Ta garde-robe va changer. *Qui ne risque rien n'a rien*» (Sempé-Gosciny. «Joachim a des ennuis», p. 24-25). – обобщение + фразеологизация (речевой стереотип).

В примере (14) говорящий в качестве аргумента употребляет клишированную поговорку (фразеологизм), в котором обобщенность неопределенного субъекта *Qui* максимально возвышена в ранге, чем клишированная фраза доведена до уровня «истины», что свойственно большинству фразеологических единиц такого типа.

(15) «—Si tu ne l'emploies pas tout de suite, le billet, tu peux me le confier, Laurent. *On* trouve de bons, de très bons placements, quand *on* a de l'expérience» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 176). – обобщенно-личное; аргументативное;

(16) «*Liège* m'avait organisé un accueil inattendu, fait de réceptions officielles de déjeuners et de dîners non moins officiels dans les palais de la ville» (G. Simenon. «Lettre à ma mère», p. 26). – обобщающая метонимия (город = его жители);

(17) «— Cécile? Cécile? *Qui* donc eût pu prévoir une chose pareille» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 283). — субъектное обобщение при риторическом вопросе.

Обобщенный субъект может трансформироваться в «пациенса-бенефицианта» за счет присущей французскому языку формы «возвратно-каузативного пассива» (*se faire faire qch*) [Grevisse 1980].

Не теряя функцию каузации действия, присущую деятелю, субъект совмещается с объектом за счет пассивизации возвратно-каузативной конструкции:

(18) «M. Bordas décrocha son imperméable. Sa femme le suivit dans la chambre: il n'allait pas courir sur les routes la nuit, avec cette folle? *Il se ferait montrer du doigt. Mais il la rabroua*» (F. Mauriac. «Le sagouin», p. 261).

Исходя из вышеуказанных причин, побуждающих говорящего трансформировать семантический субъект, отметим, что этой лингворечевой стратегии (процессу) подлежат референты: 1) неопределенный; 2) определенный; 3) определенный-обобщенный или 4) неопределенный-обобщенный. Таким образом, референтами редуцированного субъекта выступают:

а). Субъект неопределенный единичный.

(19) «*Un bruit confus s'entendit. Naoh rampa dans l'herbe haute* (J.-H. Rosny. «La guerre du feu», p. 97);

(20) «*Des branches bruient; il surgit une créature souple et puissante. Personne n'aurait pu dire si elle était survenue à quatre pattes comme les bêtes velues et les reptiles ou à deux pattes comme les oiseaux et les hommes*». (J.-H. Rosny. «La guerre du feu», p. 240).

В.В. Виноградов по поводу подобного явления в русском языке говорил: “Здесь как бы ищется, хотя и не всегда находится производитель действия, лицо. Это неопределенность не обобщения, а неведения” [Виноградов 1947, 462]. В дальнейшем это “неведение” может разрешиться, и тогда имя семантического “субъекта”, реального деятеля занимает по праву ему принадлежащее место в согласованном предикатом предложении.

б). Неопределенный деятель в собирательном значении.

(21) «— Comment, tu sais ça? *On* t’a mêlée à ces histoires? Elle inclina la tête gravement. — C’est grand-mère et tante Alicia» (S.G. Colette. «Gigi», p. 38);

(21) «Il y a une bonne femme qui a été dénoncée par un voyageur. *On* l’a fouillée: elle était véritablement empaquetée dans la dentelle» (A. Maurois. «Dentelle de Bruxelles», p. 26).

в). Определенный акциональный субъект (актант).

(22) «*Qui* parle d’insulter personne? Je dis ma pensée tout net, mais je ne veux pas vous blesser» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 227). – «*Qui parle = Pas moi*» = «*Кто сказал?*»;

23) *Une gifle* claqua. “*Monte* à ta chambre. *Que je ne te voie plus* jusqu’au dîner” (F. Mauriac. «Le sagouin», p. 227);

(24) «Justement *il* a cru entendre des pas, les pas se rapprochent, puis s’éloignent. Et la raie de jour qui était sous sa porte a disparu. C’est minuit; *on* vient d’éteindre le gaz, *le dernier domestique* est parti et il faudra rester toute la nuit à souffrir sans remède» (M. Rheims. «Permis d’exhumer», p. 30).

Как видим, семантический субъект в пропозиции присутствует имплицитно или эксплицитно, но на синтаксическом, линейном уровне он выражается, помимо акциональных существительных, местоимениями “*on*”, “*qui*”, “*ça*”, “*quelqu’un*”, etc. Имплицитный семантический субъект вербально редуцируется вплоть до **0-ой** формы, хотя семантика предиката продолжает существовать как интерпретанта предложения-знака. Грамматически это соответствует признанному факту, что синтаксическая категория лица шире морфологической категории [Илия 1978; Benveniste 1966]. Семантическая категория поднимается над морфологической и синтаксической, прямо или косвенно обозначая субъект. Нередкая невыраженность семантического субъекта в предложениях с акциональным субъектом, по нашему мнению, семантически значима, поскольку в коммуникативном фокусе оказываются продуцируемые им действия, направленные на объекты (субъект-объектные

отношения). Форма имплицитного семантического субъекта всегда обнаруживается как «субъектная позиция» или «точка зрения» [Эко 2007].

Если во французских безличных предложениях [Pieltain 1966] невыраженность субъекта за пределами **воли говорящего**, то редукция семантического субъекта в личных предложениях — один из способов представления субъекта, лингворечевая стратегия, находящаяся в распоряжении говорящего [Ducrot 1982], которая опирается на контекстные или ситуативные презумпции [Алисова 1969; Бондарко 1991; 1995; Попова 1974; Стивенсон 1985; Brown 1979; Coquet 1983; Fauconnier 1984, 1999; Grice 1979; Kerbrat-Orecchioni 1986; Sperber 1989 и др.].

Таким образом, использование конструкций с индексально выраженным или формально редуцированным семантическим субъектом зависит от выбора говорящего. Однако иногда субъект вынужден употреблять лексико-семантические средства, которые весьма приблизительно указывают на реального деятеля (on, ça, qui) [Гуревич 1983], что определяется лексико-синтаксической нормой и узусом речи.

Ю.Д. Апресян отметил некую вероятностную закономерность в механизме формирования центра и периферии того или иного лексико-грамматического класса (поля): «...лексические единицы, находящиеся в центре данной системы или подсистемы и поэтому, как правило, более употребительные, обнаруживают по сравнению с периферийными единицами меньшую специфичность (большую свободу) по всем лингвистически существенным параметрам. В частности, они (а) менее специфичны семантически, (б) стилистически не маркированы, (в) просодически и коммуникативно нейтральны, (г) имеют более полную парадигму, (д) располагают более широким набором синтаксических конструкций, (е) имеют более широкую сочетаемость. По мере продвижения от центра какой-то языковой системы или подсистемы к ее периферии падает употребительность входящих в нее единиц и одновременно нарастает их семантическая специфика, причем чаще всего у

них развиваются или усиливаются модальные компоненты значения. Семантическая специализация языковых единиц в свою очередь порождает их морфологическую, синтаксическую, коммуникативно-просодическую и сочетаемостную специализацию, т. е. вызывает рост числа ограничений, налагаемых на их реализацию в текстах. Естественным завершением такой эволюции является изменение самой природы языковой единицы, т. е. ее превращение в другую, обычно полуслужебную или служебную часть речи — частицу, предлог, союз и т. п.» [Апресян 2004, 20-21].

В результате вышесказанного можно выделить объективные и субъективные факторы употребления конструкций с трансформацией семантического субъекта [Колшанский 1975]. Лишь речевая ситуация или контекст и интенциональность говорящего [Алферов 2007] определяют степень объективности или субъективности в выражении семантического субъекта.

2.2.2. Лексико-грамматическая парадигма форм редукции семантического субъекта

Говорящий для передачи мысли о действии использует семантико-синтаксическую структуру, соответствующую логическому, смысловому фрейму “действие субъекта”, что в свою очередь приводит к использованию говорящим определенных категориально-семантических групп слов. Однако на практике пропозиция “действие субъекта” подвергается языковому моделированию и трансформациям [Мухин 1968; Kleiber 1990].

Сопряжение субъективного и предикативного компонентов в определенной форме и с определенным категориальным значением (деятель — действие — объект) дает соответствующую грамматико-семантическую структуру, которую называют моделью предложения.

Типологическое соотнесение моделей, описывающих действие, предполагает конвенциональное установление признаков, наличие которых

характеризует основную модель, а их отсутствие указывает на структурную модификацию в её речевой реализации [Gochet 1980]. Отсюда следует, что существует основная (ядерная) модель предложения с заданным значением и равнозначные ей по смыслу — периферийные модели-трансформы.

За исходное положение выделения базисной модели простого предложения, выражающего действие субъекта, принимается признак соответствия и полной симметрии плана выражения и плана содержания предложения — пропозиции, обрамленной эмоционально-оценочной и дискурсивной рамками, которые превращают предложение в высказывание. Таким образом, модель предложения принадлежит языку, а помещенное в речевую и деятельностную ситуации предложение становится высказыванием.

Таблица 3. Ядерная уровневая модель предложения, выражающая субъект-объектные отношения:

	Субъект	Действие	Объект
Онтологический уровень анализа	Производитель действия	В поле деятельности субъекта	Объект воздействия (предмет, орудие, среда)
Семантический уровень	Семантический субъект – одушевленный. Разумный, активный деятель	Активно-направленное действие	Пассивный \ интерактивный (<i>‘Je me suis fait volé une montre’</i>)
Средства выражения	Антропоним, имя существительное, личное местоимение, имеющее категорию рода, лица, числа	Обозначенное глаголом действительного залога	Одушевленное – неодушевленное существительное
Синтаксическое ядро	Подлежащее	Сказуемое	Дополнение

Определяющей для нас является структура представления семантического действия, в которой функционально можно выделить три основных компонента:

1). Первый компонент связан со значением, соотносимым с той внеязыковой ситуацией, информация о которой передается адресату. Описываемая нами внеязыковая ситуация состоит из некоторого типа действия и его участников (реального деятеля – субъекта и объекта воздействия).

2). На семантико-синтаксическом уровне такую внеязыковую ситуацию отображает пропозиция, состоящая из предиката и его аргументов, которые выражены соответствующими частями речи.

3). Части речи расположены в соответствующих, заданных порядком слов, синтаксических позициях.

Базисная модель предложения образуется необходимыми для адекватного описания действия языковыми средствами, путем первичной номинации компонентов, ее составляющих, с целью передачи смысла предложения. В базовой модели семантический субъект выражен именем существительным или определенно-личным местоимением, его действие представлено глаголами, подчеркивающими целенаправленный характер воздействия на объект, входящий в сферу деятельности или отношений субъекта при соблюдении установленного во французском предложении порядка слов.

Таким образом, элементы базовой модели характеризуются единством и соответствием семантических, морфологических и синтаксических признаков. Центральная модель, в нашем понимании, зиждется на принципах денотативного семантико-морфо-синтаксического равновесия, и если оно нарушается, мы имеем дело с периферийной моделью [Dominicy 1977; Dubois 1963]. Основная, базисная модель предложения должна быть в денотативном и коммуникативном плане независимой от контекста и ситуации, и если такая зависимость обнаруживается, перед нами — вариант основной модели [Кунина

1978]. Базисному предложению свойственно наиболее полное деноминативное выражение семантического субъекта. В вариантах основной модели, при сохранении значения, семантический субъект представлен в структуре предложения в редуцированном виде или имплицитно.

Формы редукции семантического субъекта образуют семантико-синтаксическое поле, которое представляет собой систему, объединяющую вокруг исходной структуры ее формальные модификации [Васильев 1971; Полевые структуры 1989; Павлов 1995; Щур 2009]. Варианты базисной модели позволяют по-новому, разнообразно описывать реальную действительность, концентрировать внимание на отдельных ее фрагментах.

Если между разными способами выражения одних и тех же структурно-смысловых компонентов в системе синтаксиса существуют парадигматические связи, а совокупность выражения каждого компонента составляет его парадигму, следовательно, можно построить парадигму форм редуцированности семантического субъекта.

Базовая, прототипическая структура французского предложения (ср. [Перлмупер 1982; Серль 1986; Warnant 1982]) представлена таким образом:

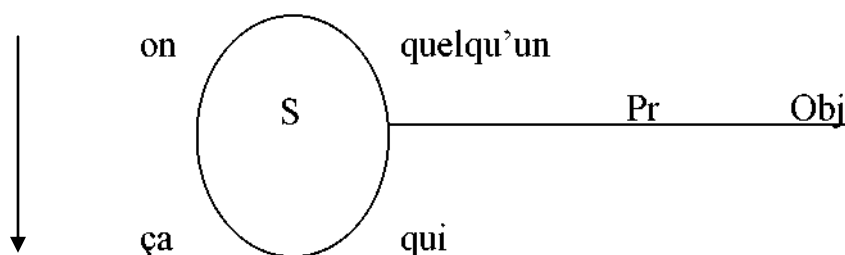
Таблица 4. Базисная модель французского предложения

Деятель—Действие—Объект	
Синтаксический план	S + V + Comp
Семантический план	Ag + Pr (Act) + Obj

где S – субъект; V – сказуемое; Comp – дополнение;
Ag – деятель; Pr (Act) – предикат – действие; Obj – объект.

Отталкиваясь от базовой модели, мы вычленили последовательность форм редукции субъекта, существующую во французском языке (ср. [Corbeil 1968]). Трансформацию базовой модели, позволяющую сохранить на поверхностном уровне предложения формальный маркер семантического субъекта, назовем эксплицитной редукцией. Вектор направления эксплицитной редукции семантического субъекта имеет вертикальную направленность.

Схема 3. Вектор направления эксплицитной редукции

Из приведенной схемы следует, что редукция семантического субъекта воплощается в дейктико-местоименной парадигме (ср. Схему 3), причем, референтное размывание семантического субъекта в большей степени касается: а) обобщенно-личной и б) неопределенно-личной семантики местоимений [Гак 1965, 39].

В этих двух видах предложений субъект существует только на экзистенциально-пропозициональном уровне знаний адресанта и адресата (см. выше номенклатуру знаний по О. Йокояма) — для его референции необходимы контекст или ситуация. В зависимости от коммуникативной интенции, говорящий, обладающий референтными знаниями относительно субъекта, может представить его в обобщенно-личной или неопределенно-личной формах в прагматических целях (см. ниже).

Таким образом, под эксплицитной редукцией мы понимаем замещение деноминативного элемента, отражающего референциального деятеля, другим, семантически широким компонентом, выполняющим, в случае крайнего обобщения, устранения из информативного фокуса высказывания или полного игнорирования субъекта, грамматическую, строевую (асемантическую) функцию.

Эксплицитная редукция семантического субъекта происходит в разных по цели высказывания предложениях.

1) В повествовательных предложениях выраженный номинативной лексической единицей семантический субъект, в зависимости от

вышеизложенных коммуникативных причин, может быть заменен местоимениями “on”, “ça”, “qui”, “celle”, “celui” и т.д. Для получения референциальных знаний о семантическом субъекте требуется ситуативная контекстуальная поддержка. Семантика данных местоимений в отдельно взятом предложении мало что сообщает о реальном деятеле.

2) В интеррогативных конструкциях семантический субъект выражен вопросительным местоимением “qui”.

Происходит замена S на S int: *Quelqu'un court.* → *On lit un livre.* → *Qui dit cela?* :

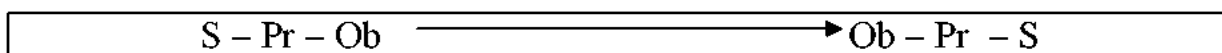
$$\frac{S \text{ int} + V + \text{Comp}}{\text{Ag} + \text{Act} + \text{Obj}}$$

где S int — вопросительный субъект.

Несмотря на незначительную информацию о реальном деятеле, передаваемую данными структурами, предложения с эксплицитно редуцированным семантическим субъектом больше соответствуют запросу референциального знания по отношению к конструкциям, где семантический субъект отсутствует. Полное формальное устранение семантического субъекта происходит в силу трансформационных процессов, имеющих эллиптическую природу. Позиция предиката в этом случае повышается в ранге, становясь семантическим центром, относительно которого осуществляются интерпретация интеррогатива, независимо от части речи: “*Contente?* – *Oui, très*”; “*Heureuse?* – *Pas trop, tu sais*”; “*Pigé?* – *T’inquiète!*”, etc. Такие формы (речевые стереотипы) характерны для неплавной диалогической речи во французском узусе (ср. [Александрова 1987; Борисова 2007; Кустова 2009]).

Соответственно имя или местоимение, выражающие семантический субъект, затрагиваются подобными трансформациями, которые приводят к низведению и устранению субъекта из поверхностной структуры предложения. Отсутствие формально выраженного семантического субъекта приводит к возведению в позицию подлежащего категориально иной частеречной и лексической единицы, обозначающей орудие, предметы деятельности человека,

передвижения и т.д.: «*A qui tu proposes ça?*» = Je ne veux pas, moi!; «*Un train, encore?*» = Je déteste ça!; «*Manger, toujours manger!*» = Il faut manger pour vivre et pas vivre pour manger, etc.:

В системе языка-речи нет жестких линий, имеют место промежуточные формы и пересечение разных признаков (двучленность — одночленность, номинализация — глагол). Сложность логического исчисления поля как системы заключается в отсутствии четких границ между разными явлениями: так, примерами промежуточных форм являются конструкции с презентативами *il y a, c'est + N*. Пересечение дифференциальных признаков происходит, если мы различаем два основных способа понижения валентности: пассив и номинализация — с одной стороны, и наличие однокомпонентных и двусоставных семантических структур — с другой.

В таком случае пассив является двухкомпонентной структурой, субъектная номинализация — однокомпонентной, а объектная — двухкомпонентной, и поэтому равнозначна пассиву (см. ниже).

В предложениях при невыраженности реального деятеля формальным синтаксическим подлежащим может стать номинализированный элемент, местоимение “*ce*” или семантически пустое “*il*” в безличном обороте *il y a + N*.

Полное, формальное устранение семантического субъекта из синтаксического состава предложения назовем **импликацией субъекта**.

Формы импликации субъекта действия свойственны в первую очередь повествовательным предложениям.

Для импликации субъекта свойственны косвенные, компенсирующие способы обозначения реального актанта. Формальное устранение субъекта $Ag = 0$ имеет место:

- 1). а) В безличных конструкциях: *Il se vend des livres*:

$$\frac{0 (Il) + Vr\acute{e}f + Comp}{Ag + Act + Obj}$$

б) В пассивных конструкциях: *La maison est construite*:

$$\frac{S + V_{pass} + 0}{Obj + Act + Ag}$$

в) В возвратно-каузативных конструкциях: *Il s'est laiss  prendre; il s'est vu d cerner un prix*:

$$\frac{S_{pass} + V_{caus} + 0}{Obj + Act + Ag (imp)}$$

г) В аналитических глагольно-именных конструкциях: *Le canal est en construction*:

$$\frac{S_{pass} + V(ex) + Compl(N)}{Obj + Act (\acute{e}tat) + Ag (imp)}$$

д) В возвратно-пассивных конструкциях: *Ces livres se vendent bien*:

$$\frac{S_{pass} + V_{r f-pass} + 0}{Obj + Act (\acute{e}tat) + Ag (imp)}$$

2). Семантически реальный деятель имплицирован с помощью номинализации:

а) Инфинитивом в полипропозициональных предложениях типа: "J'entends chanter...", который классифицируется как полуноминализация:

б) Субъектной номинализацией: *Le combat se poursuit*.

в) Объектной номинализацией: а). *Il y a des propositions*;

б). *C'est un combat*.

3). Формально реальный деятель не выражен в именных предложениях (Ag=0):

а) *Des cris*.

В предложениях с зависимой пропозицией:

б) *Apr s la lecture, ...*

4). Имплицитно семантический субъект представлен в личных конструкциях:

а) с центростремительными глаголами типа “reçevoir” (trouver, bénéficier, subir, connaître): *Il reçoit une aide.*

б) путем метонимической замены формы выражения реального деятеля: *La ville travaille.*

Имплицитно семантический субъект содержится в повелительных предложениях, которые представлены одним одушевленным или неодушевленным существительным, которое обозначает объект воздействия невыраженного реального деятеля, или инфинитивом, выражающим категорический приказ, который обращен к реальному деятелю.

в) а) *De l'eau!*

б) *Ne pas toucher la porte!*

Отсутствие на поверхностном уровне семантического субъекта позволяет предложить понятие синтаксическо-конструктивной редукции, под которой мы понимаем работу языка и мышления, направленную на элиминацию информационно необязательного синтаксического элемента предложения.

Вычленив предложением фрагменты действительности, в которых отражается действие, наше сознание прямо, а язык косвенно, отмечают присутствие “Человека – деятеля”.

Уходя эксплицитно с субъектно-предикативной оси (S — Pг), субъект пропозиции все же сохраняет свое значение за счет так называемого признакового компонента, оставляя в объекте действия свой семантический след, «позицию», «точку зрения». Следовательно, несмотря на формальную невыраженность реального деятеля, в отношениях между субъектным и признаковыми компонентами сохраняются смысловые отношения, которые не всегда выражаются, но всегда виртуально существуют.

В этом проявляется особенность языковой коммуникации, суть которой состоит в том, что не все содержание мысли находит воплощение в языковых

элементах («Принцип абстрактивной релевантности» по К. Бюлеру (см. выше), «Избирательность высказывания» по В.Г. Гаку [Гак 1973] и т.д., см. тж. [Grice 1979; Kerbrat-Orecchioni 1986; Sperber 1989 и др.]) и наряду с эксплицитными способами выражения существует область имплицитной передачи информации [Лухт 1982, 346].

В таком случае предикативная связь предиката с субъектом в синтагматическом плане может не обозначаться, но она потенциально поддерживается виртуальным парадигматическим планом.

Таким образом, выражение реального деятеля лексической единицей интенционального значения и даже формальное устранение семантического субъекта в синтаксической структуре предложения говорят о переменных признаках его выражения. Таким образом, в процессе коммуникации обозначение семантического субъекта в предложении не является облигаторным, что возможно служит еще одним доказательством в пользу тезиса о вербоцентрической концепции, где центральным компонентом в семантическом плане является предикат [Золотова 1982, 183].

Как отмечал Э. Бенвенист, “предикативный член достаточен сам по себе, т.к. он детерминирует субъект, субъект же сам по себе недостаточен для предложения” [Бенвенист 1974, 138]. Однако, случается, что предикат также подвержен устранению в случае его коммуникативной избыточности, например, в некоторых императивных конструкциях.

Возникающий определенный недостаток знаний о семантическом субъекте, вызванный лакуной в синтаксическом плане предложения, компенсируется семантикой предиката, предварительными знаниями говорящих, контекстом и ситуацией, поэтому редукция и импликация семантического субъекта заметным образом не сказываются на коммуникации.

Предложенные нами конструкции, в которых семантический субъект редуцирован в той или иной форме, составляют функционально-семантическое поле, в центре которого модель с полифункциональным местоимением “*on*”.

Выбор модели с “on” в качестве ядра системы не случаен, во-первых, она находится ближе из всех представленных к эталонной модели, обозначающей ”действие субъекта”, во-вторых, она наиболее употребительна в речи, так как заменяет во французском языке практически всю парадигму личных местоимений (см. Схему 3), и, в-третьих, конструкция с “on” является как бы общим знаменателем для всех остальных моделей [Вукович 1974].

Вычлененные конструкции могут быть в принципе семантически равны модели с “on”. Это позволяет одну и ту же ситуацию “Действие субъекта”, например, “Строительство дома” представить целой парадигмой конструкций с большей или меньшей редукцией субъекта. При этом парадигма остается открытой, так как не все виртуально возможные формы могут реализоваться [Там же: 177]. Парадигма (открытая) форм редукции субъекта представляется нам в виде последовательности вариантов пропозиции ‘*Вот дом, который построен ...(кем?)...*’:

Michel a construit la maison.

- 1). On a construit la maison.
- 2). Quelqu'un a construit la maison.
- 3). Qui a construit la maison?
- 4)² Ça a construit une maison (cet abruti de Pierre).
- 5). La maison s'est construite bien vite.
- 6). La maison est construite.
- 7). La maison est en construction.
- 8). Michel s'est fait construire une maison.
- 9). Une main habile a construit cette maison.
- 10). La construction de la maison s'est terminée.
- 11). Cette année, il y a eu la construction de la Maison de culture.
- 12). C'est cette construction de maison qui mange tout mon argent.
- 13). On voit construire la maison.
- 14). L'année 2011 s'est vue notre Maison de culture construite.

- 15). *Voici la maison est construite.*
- 16). *Construire une maison, il faut s'y connaître.*
- 17). *Je sais que Michel a construit la maison.*
- 18). *Il faut que la maison soit construite.*
- 19). *Je veux absolument qu'on construisse cette maudite maison.*
- 20). *Enfin, notre maison à nous* и т.д.

Последние трансформации (16-20) осложнены модально-оценочной рамкой, показывающей отношение говорящего к пропозиции, меняющее модальность (эпистемическую, волитивную, деонтологическую) и аксиологию пропозиции. Такого типа трансформации могут редуцировать или не редуцировать субъект, но они изменяют его языковой образ. Такие конструкции также относятся к периферии категории «действие субъекта», трансформируя его пропозициональное отношение, выявляя в субъекте те или иные черты языковой личности [Караулов 2007].

Таким образом, отклонение от исходной модели (имя собственное – местоимение – импликация) в сторону «затушеванности», редукции семантического субъекта вызывает не прямые, косвенные способы маркирования субъекта действия, что порождает целую серию относительно синонимичных предложений, связанных общим смыслом, который, варьируясь, в целом остается неизменным (*On {a} construit une maison*) [Абрамов 1995; Greimas 1964; 1986]. Изменение формы выражения при сохранении общего смысла категории достигается путем семантической компрессии. По существу, представленными вариантами обозначаются разные ступени категориальной абстракции, выражающей «действие субъекта».

Процесс редукции семантического субъекта, от редуцированных СР и импликации до полной семантической невыраженности («игнорирования»), приводит, в конечном итоге, к свернутости отдельных смысловых звеньев высказывания.

Для анализа представленных в схеме моделей с эксплицитно-имплицитным представлением референции субъекта мы опираемся на две фундаментальные характеристики предложения:

1). его линейно-предикативный (синтагматический, поверхностный) строй;

2). его деривационный предикативный (парадигматический, глубинный) строй, возводящий любое предложение к его ядерной деривационной основе [Блох 1986].

На любой ступени деривационного этапа возможно установить синтаксическую единицу, служащую основой парадигматического производства предложений с трансформированным семантическим субъектом. В структурном и семантическом плане этой единицей выступает местоимение “он”, которое совпадает с базовым компонентом синтаксической парадигмы. Однако следует заметить, что между базисной моделью и ее дериватами (коррелятами) при сохранении семантического стержня категории “действие субъекта” абсолютной синонимии все же быть не может, поскольку синтаксическая структура определяет семантическую [Gross 1977; 1978; 1981]. Любое же изменение в семантической структуре приводит к трансформации в синтаксической. Тем не менее, так называемое частичное семантическое дублирование является одним из главных свойств парадигматической системы, оно выступает в качестве принципиальной основы существования парадигмы как инвариантно-вариативного ряда [Henrichsen 1987].

Приведенные модели с редуцированным семантическим субъектом, относительно семантически дублирующие друг друга, выявляют между собой заметные конструктивные отличия, что сказывается определенным образом на их смысле. Периферийные модели в информационном плане проигрывают эталонной модели, зато каждой такой модели присуща своя индивидуальность, которая явственно противопоставляет ее всему набору форм, удовлетворяющих требованиям семантической эквивалентности. Как можно заметить, в этом

соотношении формы и содержания обнаруживается известное явление асимметрического дуализма языкового знака, и на нем же основываются возможности относительной синонимичности. В парадигме представленных моделей с редуцированным семантическим субъектом наблюдается различие в форме сообщений по горизонтали (синтактика знака) и их семантическая общность по вертикали (парадигма, последовательность, интерпретант (см. выше)).

Чем дальше модель находится от базовой основы, тем выявляется большая ее референциальная зависимость от контекста или ситуации. Таким образом, представленная схема указывает на расхождение между содержанием мыслительного отображения действительности и способом ее репрезентации.

Приведенная таблица синтаксического устранения семантического субъекта говорит также о том, что способы названия и описания одного и того же события достаточно многообразны [Гак 1992]. Действие может быть выражено не только через номинацию актантов, в нем участвующих, но и благодаря актантам, не обозначенным формально в предложении, но выводимых, однако, из смысла всей пропозиции, из значения предиката, ситуации и контекста.

При неназванности реального деятеля его позиция виртуально сохраняется и при необходимости может быть заполнена.

Анализ представленного функционально-семантического поля структур с устраненным семантическим субъектом указывает на то, что значение категориального поля "действие субъекта" делится на три, два и, наконец, один компонент его составляющий. Степень трансформации "действие субъекта" зависит от количества семантически наполненных синтаксических элементов, входящих в состав модели [Chomsky 1964; Лакофф 1981; Хомский 2010]. Прототипическая модель категории "действие субъекта" способна трансформироваться в полипропозитивное предложение и принимать неполные формы выражения [Пинто 1995].

В пределах данного понятия, в зависимости от ситуации и контекста, волею говорящего или объективно, семантический субъект трансформируется. Производится это по причине перераспределения тема-рематических ролей описываемой ситуации. Однако, несмотря на все структурные изменения, неизменным остается значение “действие” и его производитель — семантический субъект — актанта. Он — в центре антропоморфного действия, именно поэтому семантический субъект в центре нашей схемы как главное действующее лицо мира, о котором он сам и говорит.

2.3. Роль предикативного центра в определении функционально-семантического поля субъекта

С онтологической точки зрения, принадлежность слова к той или иной части речи определяется морфологическими формами и валентностью, в которых получают выражение семантико-синтаксические отношения между этим словом и другими лексическими единицами в данном языке. Так, имена лиц *un étudiant, un garçon, un homme, un directeur, un aviateur, etc.* преимущественно будут встречаться в позиции подлежащего в роли действующего субъекта или субъекта — носителя состояния, признака. Имена предметов *une pierre, un livre, un couteau, une fleur* чаще будут называть те предметы, которые становятся объектами человеческой деятельности.

Если имя неодушевленного предмета оказывается в позиции подлежащего в конструкции, выражающей процесс, — перед нами периферия семантико-синтаксического поля, одна из трансформ основной модели.

Что касается субъекта, можно выделить прямую зависимость его конструктивной роли от роли его референта во внеязыковой действительности. Агентивная функция отличается наличием у актанта всех тех характеристик, которые делают одушевленную сущность семантическим субъектом.

Однако даже в позиции подлежащего одушевленное имя существительное не гарантирует формы семантического субъекта. Между

одушевленными именами существительными, их позициями в предложении, выраженностью-невыраженностью в конструкции предложения, конкретными формами субъекта [François 1994], объекта, адресата, получателя и т.д. (термины, обозначающие элементарную схему коммуникативного акта Р. Якобсона [Якобсон 1975], см. тж. [Апресян 1986, 12-14]) не всегда существуют прямые соответствия в поверхностной структуре выражения.

Мы считаем, что категория предикативного признака и его носителя — субъекта являются, прежде всего, категориями логико-семантическими, выраженными грамматическими (структурными) средствами. Причем логический уровень является глубинным по отношению к семантике.

Мы, вслед за французским ученым Ж.К. Коке, считаем, что еще со времен Грамматики Пор-Рояля [Арно 1990] предложение (высказывание, дискурс) имеет два уровня: поверхностный уровень выражения (Я говорю, что Р) и глубинный, имманентный уровень содержания (Я полагаю/утверждаю, что Р). Воспользуемся для примера фразой Ж-К. Коке “*Dieu est infini*” [Coquet 1984, 14]:

Таблица 5. Два уровня предикации (поверхностный и глубинный):

Предикация	
План выражения	Je dis que P (Dieu est infini)
План содержания	J’asserte que P (Dieu est infini)

Английский вариант таких эксплицитных перформативов находим у Дж. Лакоффа: поверхностный — «say» и глубинный — «state» [Lakoff 1970]. Первый выражает лингвистический (речевой) акт, второй — логико-семантический акт.

Таким образом, очевидно, какую роль играет глагол в идентификации субъекта: в плане выражения (высказывания) мы видим энунциатора (говорящего субъекта), а в плане содержания — мыслящего (интенционального) субъекта, который в реальном высказывании представляет

собой единое целое (сливается с протагонистом). При этом в аналитическом плане, на метауровне анализа происходит *расчленение субъекта*, а в высказывании (поверхностный уровень) наблюдается *синкретизм триединого субъекта*: говорящего, рефлексивного и деятеля (особенно в случае «Je dis que Je pense que Je n'y suis pour rien» → «Je n'y suis pour rien»)

В реальном высказывании перформативные глаголы и глаголы пропозиционального отношения (см. ниже), как правило, опускаются (нужны определенные условия для их экспликации [Арутюнова 1988]), «увлекая за собой» и личные местоимения. В поверхностной структуре остается только протагонист:

Таблица 6. Редукция субъекта и устранение перформативного (пропозиционального) глагола

Предикация	
План выражения	Dieu est infini
План содержания	Relation (ego, l'infinité de Dieu)

Семантика и форма выражения субъекта и предиката в предложении показывает их взаимную избирательность [Вейнрейх 1981; Катц 1981]. Согласование, основанное на соответствии гармонии между именными и глагольными классами, следует назвать семантическим [Степанов 1981а, 257]. В значении синтаксически соединяемых между собой слов должен присутствовать один и тот же смысловой компонент — общая сема [Гак 1972]. Оба предикативно сопрягаемых компонента предложения своими семантико-синтаксическими потенциями, по выражению И.П. Распопова, подготовлены к встрече друг с другом [Распопов 1976]. Естественно, описывая какой-либо процесс или действие, говорящий использует для построения предложения лексические единицы, несущие в себе семантический заряд динамики. Это касается как выбора семантического субъекта, так и соответствующего ему предиката [Gross M. 1981; 1986; Gross G. 1994]. Неотделимость событий от людей, которые в них участвуют, ведет к проникновению антропонимов в

позицию подлежащего или дополнения, связанные же с ними по смыслу акциональные глаголы оказываются в позиции предиката [Кубрякова 1992; Падучева 1974; 1992; Рылов 2006; Benveniste 1949].

Таким образом, лексико-грамматическое поле субъекта-протагониста пересекается с лексико-грамматическим полем акциональных глагольных предикатов.

Акциональные глаголы по характеру своего действия подразделяются нами на три группы (ср. [Золотова 1982, 162-163]). Такие группы могут быть исчислены логически [Гак 1987], они универсальны и наблюдаются также во французском языке:

а) глаголы, обозначающие физические действия людей: *frapper qch; jeter qch; donner qch à qn, etc.*;

б) глаголы, выражающие речемыслительные действия: *penser à qn; à qch; dire qch; raconter qch; etc.*;

в) глаголы движения субъекта: *arriver à; voler à; partir pour; etc.*

С полем чувственного (переживающего, интенционального) субъекта сопрягаются следующие типы глаголов:

1). Глаголы эмоционального действия (термин Г.А. Золотовой): “*aimer*”, “*détester*”, etc., которые являются по преимуществу выражением разнообразных чувств и эмоций. Одушевленное имя существительное при таких глаголах, хотя и играет определяющую роль в формировании чувств (интенциональных состояний [Searle 1985]) субъекта, в то же время не является собственно агентом [Селиверстова 1982, 142]. Многие лингвисты включают глаголы **эмоционального** (пропозиционального, интенционального) **отношения** (этот термин предпочтителен) в класс стативов [Comrie 1976; Lyons 1977].

В предложениях с глаголами “*aimer*”, “*détester*”, etc лексические обозначающие субъекта принимают роль экспериенцера (термин У. Чейфа).

2). Одушевленная субстанция, обозначенная именем или местоимением, также становится экспириенцером в сочетании с глаголами восприятия “voir”, “entendre”, etc. [Кибрик 1990, 17; Чейф 2003, 168].

3). Глаголы обладания “avoir”, “posséder”, etc. требуют в свою очередь выполнения роли, семантически отличной от функции семантического субъекта-агенса (протагониста). Отношения, имеющие место в бенефактивной ситуации и описываемые этим типом глаголов, поддерживаются лицом, именуемым “бенефициантом” [Чейф 2003]. Таким образом, далеко не каждый глагол может предоставить возможность одушевленному имени быть акциональным субъектом. Семантическая роль актанта предиката зависит от семантики, сочетающегося с ним глагола, и, в целом, от характера ситуации, которую глагол отражает [Рылов 2006].

Приведенные выше глаголы, требующие заполненной позиции субъекта, включают в свое значение компонент намеренности (интенциональности), что подчеркивает семантическую теснейшую связь субъекта и предиката; они составляют в предложении одно грамматически-семантическое целое (ядро), имеющее свое значение и смысл [Золотова 2001; Ломов 1994].

Таким образом, центр поля семантического субъекта всегда связан с предикатом, в лексическое значение которого, помимо уже включенных понятий о действии, способе его осуществления и направления, входит мета-знание о его типовых аргументах [Лакофф 1981].

Это знание является самым надежным индексом, безошибочно указывающим на наличие – отсутствие семантического субъекта-деятеля [Сильницкий 1973]. Например:

(25) «Il faut que nous ayons un témoin de notre force: *quelqu'un qui marque les coups, qui compte les points, qui nous couronne* au jour de la récompense ...» (F. Mauriac. «Le noeud de vipères», p. 131).

В данном примере семантический субъект (un témoin) катафорически мультиплицируется за счет редукции в местоимение *quelqu'un qui*, которое

сохраняет семантику деятеля за счет глаголов действия (*marquer, compter, couronner*).

Семантическая редукция здесь связана со стилистически-текстовой необходимостью замены конкретной номинации деятеля обобщенными редуцированными формами семантического субъекта вообще, связанными с первичной номинацией лишь анафорически. Следуя концепции Ю.Д. Апресяна, можно утверждать, что такие редуцированные формы относятся к центру лексико-семантического поля субъекта (см. выше), что доказывает нашу гипотезу, отраженную в *Схеме 3*, о центральном положении местоимений в функционально-семантическом поле персональности.

(26) «Thérèse, poursuivit-elle, avant de monter te coucher, préviens notre brave intendant Dollon de donner les ordres nécessaires pour qu'on atelle la voiture, demain matin à six heures» (P. Souvestre, M. Alain. «Fantômas», p. 139).

В примере (26) предикат определяет профессиональную принадлежность реального деятеля (прислуга на конюшне).

Процесс редукции семантического субъекта сопровождается приведением в функциональное соответствие сказуемого с возможными в таких случаях подлежащими. Семантическое равновесие достигается лексическими и морфологическими средствами. Например, может измениться залог сказуемого [Гуревич 1983]. Именно категория залога указывает на соответствие-несоответствие семантического субъекта занимаемой им позиции в предложении, его выраженности-невыраженности. В определенных случаях, о которых речь пойдет в следующих главах, зависимость подлежащего от реального деятеля выражена семантикой некоторых глаголов, таких как: “recevoir”, “entendre”, “regarder”, “voir”, “écouter”. Эти глаголы подчеркивают неагентивную роль субъекта, одушевленной субстанции в позиции подлежащего.

Таким образом, порядок слов во французском предложении не ответственен (за редким, правда, исключением) за распределение

семантических ролей [Филлмор 1981]. Семантика отдельных лексических единиц (т.к. семантический признак 'одушевленность' и т.д. и даже сема 'человек' может выполнять как роль субъекта, так и функцию объекта воздействия) также не всегда способна это сделать. Только предикат, отражающий определенную ситуацию действия, ранжирует актанта по ролям. Каждый говорящий, в зависимости от сведений о ситуации, выбирает и соответствующим образом выражает реального деятеля, пациента, адресата и т.д. Иногда, по тем или иным причинам, семантический субъект редуцируется. Более подробно эксплицитно-имплицитные формы устранения семантического субъекта нами будут рассмотрены во второй и третьей главах данного исследования.

ВЫВОДЫ

1. СЕМАНТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ является прежде всего активная, разумная (мыслящая) субстанция, каузирующая причину некоего действия (отношения) и осуществляющая его в реальном (или возможном) мире: существо, или артефакт, или, как правило, ИНДИВИДУУМ, либо его «сублимат», онтологически или метафорически замещающий «позицию субъекта», либо определенная «точка зрения», либо как «среда субъекта», восстанавливаемая из контекста или ситуации.

2. Центральным элементом категориального поля «Субъект» становится семантический субъект, когда он выступает в роли **агенса**.

3. Под функционально-семантическими трансформациями субъекта следует понимать в разной степени формальную невыраженность лексико-грамматических категорий имени субъекта (существительного, местоимения), референтом которого является реальный деятель, интенциональный (переживающий), либо выражающий чувства (волитивный) и говорящий (сообщающий, диалогизирующий) индивидуум. **Редукция как основная выявленная трансформация субъекта** представляет собой тенденцию к

свертыванию в плане выражения и синкретизму в плане содержания высказывания (предложения, текста и т.п.) информации относительно семантического субъекта.

4. В предложениях с *трансформацией редукции* функция номинации субъекта проявляется в особой форме или практически не реализована. Это вызвано тем, что мысленное отображение события предложением предполагает глобальное его выделение посредством названия (номинации), либо же расчленение события на предикат, семантический субъект и остальные аргументы. Подлежащее во французском языке — обязательный компонент глагольного предложения, имеющего двусоставную структуру. Даже в случае коммуникативной избыточности семантического субъекта, или когда предложение описывает бессубъектное событие, позиция подлежащего будет занята формальным подлежащим “il”, “ça”, “on”.

5. Актант, означающий реального деятеля в позиции подлежащего, несмотря на свою семантико-синтаксическую релевантность, так же как и остальные субъекты, может быть синтаксически непостоянным элементом. Предикат, обычно насчитывающий несколько аргументов, является тем стержнем, который позволяет каждому члену предложения выступить в роли подлежащего. В то же время каждый предикат функционально ориентирован на подлежащее. Выбор подлежащего задает семантико-грамматическую перспективу, определяющую в какой-то мере возможности синтаксического развертывания остального предложения. Актантно-предикатные структуры нами рассматриваются как структуры семантические, включающие семантические актанты (переменные) и семантический предикат (константа).

6. Главной тенденцией антропологического варьирования выступает редукция семантического субъекта, т.е. замена семантически полных имен на редуцированные и семантически более синкретичные местоименные (дейктические) формы. Причины устранения семантического субъекта порождены:

а) ситуацией неопределенности (неизвестности) – определенности (известности) реального деятеля;

б) несущественностью семантического субъекта, вследствие его информативной избыточности;

в) использованием редуции субъектом при выражении различных экспрессивно-стилистических и модальных оттенков, коннотативных сем субъекта;

г) тема-рематической перспективой (в коммуникативном фокусе высказывания находится действие, глагол);

д) обобщающей функцией некоторых местоименных РС, закрепленных в речевых стереотипах, фразеологизмах и т.п.

7. Референтами редуцированного субъекта выступают:

а) Субъект неопределенный единичный;

б) Неопределенный деятель в собирательном значении;

в) Определенный акциональный субъект (актант).

8. Семантический субъект в пропозиции присутствует имплицитно или эксплицитно, но на синтаксическом, линейном уровне он выражается, помимо акциональных существительных, местоимениями “on”, “qui”, “ça”, “quelqu’un”, etc. Имплицитный семантический субъект вербально редуцируется вплоть до **0-ой** формы, хотя семантика предиката продолжает существовать как интерпретанта предложения-знака.

9. Если во французских безличных предложениях невыраженность субъекта за пределами **воли говорящего**, то редуция семантического субъекта в личных предложениях — один из способов представления субъекта, лингворечевая стратегия, находящаяся в распоряжении говорящего, которая опирается на контекстные или ситуативные презумпции.

10. Базисная модель предложения образуется необходимыми для адекватного описания действия языковыми средствами, путем первичной номинации компонентов, ее составляющих, с целью передачи смысла

предложения. В базовой модели семантический субъект выражен именем существительным или определенно-личным местоимением, его действие представлено глаголами, подчеркивающими целенаправленный характер воздействия на объект, входящий в сферу деятельности или отношений субъекта при соблюдении установленного во французском предложении порядка слов.

11. Формы редукции семантического субъекта образуют семантико-синтаксическое поле, которое представляет собой систему, объединяющую вокруг исходной структуры ее формальные модификации. Варианты базисной модели позволяют по-новому, разнообразно описывать реальную действительность, концентрировать внимание на отдельных ее фрагментах. Трансформацию базовой модели, позволяющую сохранить на поверхностном уровне предложения формальный маркер семантического субъекта, назовем эксплицитной редукцией.

12. Редукция семантического субъекта воплощается в дейктико-местоименной парадигме, причем, референтное размывание семантического субъекта в большей степени касается: а) обобщенно-личной и б) неопределенно-личной семантики местоимений.

13. Эксплицитная редукция семантического субъекта происходит в разных по цели высказывания предложениях:

а) В повествовательных предложениях, в зависимости от вышеизложенных коммуникативных причин, S заменен местоимениями “on”, “ça”, “qui”, “celle”, “celui” и т.д. Для получения референциальных знаний о семантическом субъекте требуется ситуативная контекстуальная поддержка.

б) В интеррогативных конструкциях семантический субъект выражен вопросительным местоимением “qui”. Полное формальное устранение семантического субъекта происходит в силу трансформационных процессов, имеющих эллиптическую природу. Позиция предикатива в этом случае повышается в ранге, становясь семантическим центром, относительно которого

осуществляется интерпретация интеррогатива, независимо от части речи: “*Contente?* – *Oui, très*” ; “*Heureuse?* – *Pas trop, tu sais*”; “*Pigé?* – *T’inquiète!*”, etc. Такие формы (речевые стереотипы) характерны для неплавной диалогической речи во французском узусе.

14. Полное, формальное устранение семантического субъекта из синтаксического состава предложения назовем **импликацией субъекта**. Возникающий определенный недостаток знаний о семантическом субъекте, вызванный лакуной в синтаксическом плане предложения, компенсируется семантикой предиката, предварительными знаниями говорящих, контекстом и ситуацией, поэтому редукция и импликация семантического субъекта заметным образом не сказываются на коммуникации.

15. Невыраженность семантического субъекта в предложениях с акциональным субъектом, по нашему мнению, семантически значима, поскольку в коммуникативном фокусе оказываются продуцируемые им действия, направленные на объекты (субъект-объектные отношения). Форма имплицитного семантического субъекта всегда обнаруживается как «субъектная позиция» или «точка зрения».

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СРЕДСТВ РЕДУКЦИИ СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Результат ряда проведенных экспериментов с носителями русского и французского языков показал⁴, что, несмотря на открытую парадигму лексического представления синтаксического субъекта, в подавляющем большинстве имманентной характеристикой языкового субъекта, его категориальным ядром становится одушевленность, а семантическим ядром выступает семема «человек» [Верхотурова 2010 – эл. рес.].

Человек в языке, как уже указывалось, получает множество разнообразных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, отношению к нему говорящего и многому другому, но нередко, в силу определенных причин, лексическая единица, конкретно выражающая Человека, заменяется в речи, в предложении неопределенными или обобщенными средствами выражения. Такое потенциальное разнообразие, по нашему мнению, приводит к эксплицитной редукции семантического субъекта. По-видимому, чем важнее для языка какое-нибудь понятие (*‘воплощенная категория’*), тем более разнообразными способами оно обозначается. Определяющим оказывается интенциональный вектор: выразить в предложении присутствие субъекта.

В третьей главе рассматриваются предложения с редуцированными РС, отражающими предметную ситуацию, в которой действие осуществляется тем или иным лицом. Эксплицитная редукция субъекта на синтаксическом уровне предложения позволяет в полной мере выразить все компоненты ситуации

---

⁴ В частности, одним из экспериментов стала интерпретация известной фразы «Глокая куздра...». Показательно, что среди респондентов (18-25 лет) большинство замен сводилось к «человеческим» семемам «плохая мама», «нехорошая девушка (обидела парня, а теперь жалеет)». Психологически эксперимент доказал, что приоритет «личностных смыслов» лежит в сфере человеческих отношений (ср. [Залевская, 26-265]).

действия. Все семантические составляющие структуры “Субъект – Действие – Объект” в таких языках, как французский (фиксированный порядок слов), находят в предложении свое формальное соответствие [Перлмуттер 1982]. Семантические значения выступают в предложении в их речевых реализациях последовательно, по порядку следования словоформ. Таким образом, реализуется симметричная валентная связь предиката с его основными актантами.

Предложение с эксплицитно редуцированным субъектом выражает действие, протагонист которого, реальный деятель, семантически затушеван и представлен не в полной мере. Круг ядерных местоимений, наделенных функцией эксплицитно замещать субъект, весьма ограничен. Местоимения “on”, “quelqu’un”, “ça”, “qui” составляют достаточно рекуррентную группировку лексики, которая несет в себе изначально самое общее, приблизительное представление о реальном деятеле. Какие-то из них обозначают признак одушевленности, другие только виртуальную связь с предикатом, т.е., отмечают (маркируют) «позицию субъекта» в той или иной синтаксической роли или актантной функции (по Филлмору). Эксплицитно устраненный семантический субъект теряет значительную часть информации, характеризующую человека (референциальное знание по О. Йокояма). Действительно, совокупность сем источника действия не конкретизирована. Род и одушевленность реального деятеля не всегда обозначены явно. В силу языковой асимметрии все указанные местоимения принадлежат к группе третьего лица, за которым часто скрывается первое или второе лицо, а формальное единственное лицо данных местоимений реально может отражать семантическую множественность субъекта. Эксплицитные средства редукции субъекта направлены на максимальную невыраженность характерных сем, составляющих категорию “человек”.

Как видим, эксплицитная редукция субъекта проводится лексическими средствами, которые служат лишь формальным показателем присутствия

реального деятеля, репрезентативом субъекта (РС) на синтаксическом уровне предложения. Эксплицитные средства устранения конкретных форм выражения реального деятеля составляют отдельную подсистему в лексико-семантическом поле средств редукции семантического субъекта.

Местоимения “on”, “quelqu’un”, “ça”, “qui” находятся в оппозиции к конкретным формам выражения реального деятеля, а также к имплицитным формам редукции семантического субъекта. Описывая действие, продуцированное человеком, говорящий прибегает к выбору одной из противопоставленных друг другу форм выражения семантического субъекта или его полной имплицитности. Выбор средств языкового выражения реального деятеля соотносится субъектом речи с контекстуальными, ситуативными и энциклопедическими знаниями (см. выше концепцию О. Йокояма [Йокояма 2005]). В синтаксическую структуру предложения входят лишь те элементы плана содержания, которые являются информативно значимыми, т.е. релевантными в пределах одной речевой ситуации. В случае формальной редукции семантического деятеля восстановить его семное содержание, конкретизировать его, а тем более идентифицировать референт без ситуации и контекста невозможно [Растье 2001].

3.1. Выражение реального деятеля дейктическими местоимениями в повествовательном предложении

3.1.1. Выражение редуцируемого семантического субъекта местоимением “on”

Местоимение “on” выступает центральной формой устранения семантического субъекта во французском языке, т.к. оно содержит сему самого общего характера одушевленности и персональности [François 1984; Muller 1979; Vinay 1958]. Именно благодаря этому местоимению реализуется самый

распространенный тип эксплицитного способа редукции семантического субъекта.

Референтом замещаемого местоимением “on” субъекта могут быть определенно-личный, неопределенно-личный и обобщенный субъект. Вопрос о том, к какому референту относится данное местоимение, определяется семантическим согласованием высказывания, в которое входит “on”, с предметной ситуацией, предикативным ядром и контекстом:

(27) «Un jour, *on* trouvera le truc pour acheter même le talent. *On* endormira les gens, *on* leur fera dans la tête une petite opération et *on* leur donnera du talent, de l’intelligence, tout ce qu’ils voudront (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 239).

Неопределенно-личным местоимением “on” может быть обозначена позиция протагониста на уровне экзистально-пропозиционального знания, которая направлена на достижение стилистико-катафорического эффекта узнавания:

(28) «Un dimanche matin, on sonne à la porte de mon petit appartement de l’époque. A moitié habillé, pas rasé, bref lamentable, j’ouvre. Jean Nohain se tenait là, sur mon paillason» (S. de Pasquale. «Paroles de stars, p. 97»).

С другой стороны, онтологически универсальной ситуацией является сочетания персональной неопределенности в таких контекстах, когда субъект или объект не подлежат идентификации из-за отсутствия одного из перцептивных источников (в основном окулесики) как модулей, поставляющих информацию [Fodor 1986]: «что-то упало», «кто-то звонит!» и т.п. Мысль, идущая от незнания к знанию, закономерно обуславливает переход от семантического интенционала к экстенционалу субъекта, к его референциальному представлению: неопределенно-личное значение семантического субъекта уступает место определенно-личной референции через имя собственное: *on* — *Jean Nohain*.

Экспликация или импликация семантического субъекта, полнота информации о нем [Йокояма 2005] зависит от релевантности данной информации как для адресанта, так и для адресата [Sperber 1989; Попова 2004]. Редукция конкретного, определенного референта может быть обусловлена дискурсивно-текстовой ситуацией (анафорические связи, тематическое выделение [Тарасова 1992] и др.):

(29) «D'ailleurs, avec l'argent, *on* ne prend jamais trop de précautions. Pour *ça*, Joseph n'a pas tort (G. Duhamel). «Vue de la Terre promise», p. 285).

В примере (28) оба местоимения выполняют практически одну и ту же функцию обобщения, однако, если одушевленное *on* обозначает совокупное суждение выводно-аргументативного характера, референтом которого выступает совокупное мнение («топос», т.е. «общее место»), то местоимение *ça* относится в большей степени к дискурсивно-коммуникативной рамке высказывания и анафорически выполняет обобщающую функцию.

Обобщающая функция *on* как неопределенно-личного местоимения позволяет ему становиться опорным компонентом семантической структуры высказываний фразеологического типа (поговорок, пословиц, сентенций всякого рода):

(30) «*On* ne converse pas avec les fous ni avec les clochards» [André-Larochebouvy, 1984, p.5].

Часто такая функция конкретизируется, местоимение трансформируется в определенно-личное инклюзивное (*on* = *nous*) с такой же иллокутивной силой (речевой акт аргумента):

(31) «*On* ne s'entend pas avec ces imbéciles. Laissez-les passer» (N. Calef. «Ascenseur pour l'échafaud», p. 19);

(32) «Le destin? Mais ne serait-ce pas simplement une auto-justification de l'échec? *On* ne l'évoque jamais que dans la défaite. La victoire, l'homme s'en pare. Vaincu, il accuse le destin». (N. Calef. «Ascenseur pour l'échafaud», p. 93);

(33) «—“Allô? Qui?” “Mais qui demandez-vous, monsieur?”

—“Qu’est – ce que c’est? ” *On* ne réveille pas les gens à une heure pareille». (N. Calef. « Ascenseur pour l’échafaud», p. 104).

В обобщенно-личных предложениях позиция семантического субъекта как бы объединяет в одно целое действующий субъект с неким множеством других действующих лиц. Но не выводит на передний план номинативный семантический субъект, маскирует его, затушевывает среди подобных субъектов, что и придает обобщенный характер выражению субъекта и всему высказыванию. Говорящий представляет реального деятеля как любое лицо, к которому возможно отнести называемое в высказывании действие. Таким образом, говорящий приходит к обобщению, он выражает свое суждение относительно всего происходящего. Местоимение эксплицитно устраняет определенный номинативный субъект также в том случае, когда субъект заранее известен всем участникам коммуникации, поэтому не возникает никакой необходимости говорить о нем еще раз (дискурсивно-коммуникативная рамка высказывания). В этом случае семантико-грамматический статус “*on*” – определенно-личное местоимение:

(34) «Ils ont entendu les coups de feu. Puis la porte s’est ouverte et M-me Hennigsen est venue tomber sur le palier de son étage. Elle avait une balle dans le ventre. Pour Valdemar, il râlait quand *on* est entré chez eux et il est mort tout de suite» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 34);

(35) «*On* venait de me donner cette somme après bien des discussions (G. Duhamel). «Vue de la Terre promise», p. 197);

(36) «— Ou’est-ce qu’on ferait?

— *On* louerait un appartement au Ritz, *on* se fringuerait.

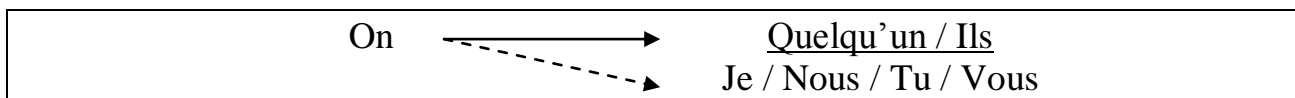
— Tu m’épouserais?

— Bien sûr, mais faudrait que ça soit ... attends» (N. Calef. « Ascenseur pour l’échafaud», p. 38);

(37) «*On* procède à la reconstruction du crime. *On* lui passe son imperméable. *On* lui glisse un revolver entre les doigts. *On* le pousse dans sa voiture, on l'en tire; sa tête éclate. Il doit faire quelques pas (N. Calef. «Ascenseur pour l'échafaud», p. 129).

Редукция субъекта – реального деятеля местоимением “on” как неопределенным, так и определенным не приводит к устранению представления о субъекте как отдельной семантической позиции, вбирающей свойства и признаки актанта. В подтверждение того, что “on” является ядерным средством редукции семантического субъекта, отметим его лексико-грамматический синкретизм (число, лицо, род) и полисемию, реализующуюся в том или ином контексте или ситуации говорения.

Таким образом, базовая функциональная схема местоимения *on* может быть представлена следующим образом:

3.1.2. Выражение редуцируемого семантического субъекта местоимением “quelqu'un”

Эксплицитно субъект действия редуцируется также местоимением “quelqu'un”. Производное от числительного “un”, местоимение “quelqu'un” выражает только неопределенный референт. Неизвестность может быть двоякого рода: неизвестность самого лица или неизвестность его имени. В этом случае можно говорить о денотативной или номинативной неопределенности [Гак 1991, 83]. Таким образом, степень неопределенности субъекта бывает разная, иногда для говорящего семантический субъект неизвестен, однако определить деятеля не вызывает у него затруднений, поскольку семантический субъект входит в весьма ограниченную группу определенных реальных деятелей, состав которой говорящему известен. Например:

(38) «Je dis: “*Quelqu’un* marche dans l’allée”. Nous rentrâmes dans la chambre. Ce devait être Prudent ou sa femme». (F. Mauriac. «Adolescent d’autrefois», p. 357);

(39) «*Quelqu’un* je ne sais qui, a sacrifié sa chaise pour me la rendre». (G. Simenon. «Lettre à ma mère», p. 16);

(40) «*Quelqu’un* entrebâilla la porte et demanda si l’on se mettait à table» (F. Mauriac. «Le noeud de vipères», p. 197).

Иногда говорящий констатирует лишь факт наличия реального деятеля.

Неопределенный семантический субъект входит в очень широкий диапазон неизвестных субъекту речи. Это может быть протагонист, опознанный впоследствии как известный (референциально знакомый) субъект:

(41) «*Quelqu’un* court sur la route. Un homme. C’est Vallone. Il sort de la gare aérienne et sans doute il cherche Laurence» (P. Vialar. «Pas de temps de mourir», p. 124).

В данном случае текст воспроизводит процесс распознавания по мере физического приближения субъекта и способности говорящего его идентифицировать. Этот пример ещё раз демонстрирует градуальность лексико-грамматической категории не/определенности, в которой проявляется некий плеоназм форм: *Quelqu’un* → *Un homme* → *C’est Vallone*.

(42) «Généviève poussa un hurlement. *Une* passante, à tout hasard, fit chorus. *On* s’attroupa. *Quelqu’un* interrogea: “**Ça ne va pas, madame?**”» (N. Calef. «Ascenseur pour l’échafaud», p. 30).

Пример (41) дает нам целый ряд редуцированных субъектов, что позволяет автору сосредоточиться на главном протагонисте повествования — Женевьеве. Причем, единичность (*Une* passante; *Quelqu’un*) здесь противостоит кумулятивному *on*, опирающемуся на семантику предиката *s’attroupa*. Пример заканчивается стереотипным вопросом *Ça ne va pas*, о семантике и прагматике которого речь пойдет ниже. Ср.:

(43) «*Quelqu'un* risquait d'entrer dans son bureau, de découvrir les preuves de son crime. N'importe qui pouvait le trouver à l'intérieur de ces murs qui abritaient un cadavre» (N. Calef. «Ascenseur pour l'échafaud», p. 30).

В примере (42) субъект действия не определен потому, что его определенность нерелевантна в контексте высказывания и невозможно обозначить его иначе, не потеряв интенциональность автора — *Quelqu'un = N'importe qui*. Здесь неопределенность стремится к обобщенности семантического субъекта.

3.1.3. Выражение редуцируемого семантического субъекта местоимением “ça”

Во французском *разговорном языке* (ФРЯ) (о термине «разговорный язык» см. [Земская 2004, 290]) или, как принято традиционно, «разговорной речи» семантический субъект довольно часто эксплицитно редуцируется посредством местоимением “ça”.

Как уже указывалось, дейктические знаки, в частности, местоимения в их регулярном употреблении наиболее абстрактны и в высшей степени ситуативно обусловлены. Исходя из этого, например, А. А. Уфимцева относит их к группе средств «субъективного указания» [Уфимцева 1977, 5] (см. тж. [Репина 1992]).

Обладая безгранично широкой семантикой, «*pronoms neutres* “cela”, “ça”» [Grevisse 1980] способны заменять одушевленные и неодушевленные имена конкретной и абстрактной семантики, а соответствующие им предикаты отражают как признаки людей, так и вещей.

Субъект речи прибегает к помощи местоимения “ça” как при полной неопределенности реального деятеля, так и при полной его определенности.

В своей первичной функции “ça” указывает на неодушевленные предметы, иногда приобретая функцию (вторичная) обобщения:

(44) «Il a une bicyclette ...— *ça* se faufile partout (B. Clavel. «La grande patience», p. 185).

Однако в разговорном языке [Репина 1992; Cressot 1959; Maillard 1985] дейктическое местоимение “ça” достаточно часто в переносном значении указывает на семантический субъект как на одушевленную, разумную, целенаправленно действующую субстанцию, под которой понимается ”Человек” или его метафорический «сублимат» (симулякр) [Обухов 2008]. В случае, если предикат действия служит маркером семантического субъекта, объективно возможна замена деноминатива указательным местоимением “ça”, за которым остается, благодаря глаголу (ко-тексту), более широкому контексту или ситуации, только один, но определяющий признак субъекта — одушевленность. Остальные лексико-грамматические характеристики (род, число, семантика конкретного имени) не выражены, что приводит к утрате субъектом индивидуальности.

Употребление “ça основывается на коннотации, опирающейся на “знания о мире”, фоновые знания или общее когнитивное пространство собеседников. Говорящий, номинируя местоимением “ça” реального деятеля, привносит в его семантику некоторый уничижительный, пейоративный оттенок. При этом может приобретать обобщающее значение:

(45) «Les détenus qui se parlent, mais surtout les cris de ceux qui sont en manque. Et ça hurle, les prisonniers drogués en manque dans leurs cellules» (Paris-Match 11.12.92, p. 53).

На основе уничижительного значения возникают различные смысловые нюансы: пренебрежение, презрение? фамильярность, ирония и др. [Гак 1965, 50]:

(46) «Imaginez un salon de coiffure tout en longueur. “Palace-Coiffure”, que ça s’appelle, avec quinze ou vingt fauteuils articulés sur un rang, devant les glaces et autant de commis ... C’est la bousculade du matin au soir là dedans. Ça entre, ça sort et je te taille, et je te savonne, et je te lotionne» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p. 137).

В рассматриваемом примере первое ζa_1 выполняет несколько функций:

Для идентификации семантического субъекта, редуцированного местоимением “ça”, необходимо наличие общего фонда знаний собеседников или индивидуализирующего контекста. Например:

(47) «Ben, c’est comme un officier, *ça* commande des tas de soldats, *ça* donne des ordres» (Sempé-Gosciny « Joachim a des ennuis», p. 103). (Ça₂ = tous les officiers);

(48) «Je n’y coupais pas alors de mes “quinze ans” à propos des comptes. Ici au moins *ça* bougeait et *ça* c’était déjà de l’espérance» (L.F. Céline. «Voyage au bout de la nuit», p. 234). (Ça₁ = qch en moi, un sentiment = Je_{int}).

В современном французском разговорном литературном языке получил развитие особый способ лексико-грамматического выражения субъекта путем его повторного выражения местоимением “ça” (ср. [Александрова 1987; Репина 1992]).

В своих вторичных функциях “ça”, с одной стороны, служит средством повторной номинации уже упомянутого субъекта, а иногда целой пропозиции высказывания или её части [Гак 1972a] (см. выше – примеры (41); (55)), с другой — анафорически указывает на лицо с целью выделить тот или иной признак семантического субъекта и отношение к нему говорящего. Чаще всего “ça” употребляется как анафора к существительному с неопределенным артиклем, который вводит в информационный фокус интенционал (содержание понятия) субъекта. В этом случае “ça” становится синонимичным экзистенциально-указательному ‘c’est’. Например:

(49) « Le père: Les filles, *c’est* pur comme l’enfant, *ça* vous tend leur front pour le baiser du soir avec des yeux bien clairs» (J. Anouilh. «L’alouette», p. 18);

(50) «Vingt enfants, *ça* chouine, *ça* crie, *ça* griffe un peu comme les chats dans le machin. — *Ça* chie, *ça* chante, *ça* pipiculotte, *ça* fait des pieds et des mains pour s’évader» (A. Stil. «Dieu est un enfant», p. 26);

(51) «— César: Les femmes *c'est fier*, et *c'est délicat*. On a beau ne rien leur dire: *Ça voit tout, ça comprend tout, ça devine tout*» (M. Pagnol. «Marius», p. 215).

В приведенных выше примерах *ça*, как и *on* выполняют функцию кореференции и обобщения, в общем коррелируя с 3 лицом протагониста (см. схему 2).

Отдаленность анафорического местоимения от antecedента может быть минимальной. В таком случае местоимение относится к дискурсивной рамке высказывания и его основная структурно-стилистическая цель – структурно-стилистическая – избежать повтор номинации (в основном в жанровом диапазоне ФРЯ, приобретая уничижительный оттенок):

(52) «J'ai commencé par m'occuper du troisième étage où les agents ont trouvé les locataires dans leur lit. *Ça rouspétait ferme*, vous vous en doutez» (G. Simenon. «On ne tue pas les pauvres types», p. 164).

Вообще любой демонстратив (в том числе и “*ça*”) является одним из средств, разрушающих общие суждения и переводящих их в класс суждений об индивидуализированных объектах [Вольф 1974, 144].

Замена демонстративом “*ça*” семантического субъекта придает последнему дополнительный смысловой акцент [Шигаревская 1980].

Структуры с “*ça*” коннотативно передают информацию как об эмоциональном состоянии самого говорящего, так и выражают его модальную оценку не только субъекта-протагониста, но и всей пропозиции высказывания, выполняя при этом анафорическую функцию. Например:

(53) «Je ne sais pas si Monita était amoureuse. Une femme, *ça cache mieux ses sentiments*. Mais lui l'était certainement" (G. Simenon. «Maigret se fâche», p. 56).

(54) Tu iras le voir et tu lui diras: “ C'est notre nièce, *ça c'est vrai*, on ne peut pas nier, mais les enfants comme *ça*, on ne sait jamais ce que *ça* devient, élevés dans ces maisons” (J. Giono. «Annette», p. 66).

Таким образом, употребление “ça” в позиции подлежащего способствует повышению стилистической нагрузки высказывания. Вбирая в себя положительную или отрицательную оценку, амбивалентное местоимение “ça” становится семантическим коррелятом мейотических или пейоративных форм выражения [Шаховский 2008]. Например:

(55) «Ils vont tous se marier. C’est comme une épidémie. Vous ne connaissez pas Claire. Vous n’y perdez pas trop. Une vraie femme pour Ferdinand. *Ça* parle bas, dans les coins, le futur ménage, toute la journée du dimanche. Alors, vous pensez: l’amour? Qui’che? *Ça* parle interminablement de la chambre en noyer ciré, de la moquette clouée, du service de Baccarat, enfin de ce qu’ils appellent “le nid”. Je vous demande pardon, mais ça me dégoûte, ça me dégoûte» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 197).

Выражая пропозициональное отношение, говорящий субъект, сливаясь с интенциональным, употребляет местоимение *ça*, функциональной сферой которого остается ФРЯ, в обобщенно-аксиологических клише (фразеорефлексах – термин В.Г. Гака [1994; 1995; 1996]), выполняющих различные прагматические функции: *Ça me dégoûte*, *ça me fait chier* (груб.); *Ça vous dérange?*; *Ça va?* / *Ça va pas ?*, etc.

Таким образом, идентификация семантического субъекта, выраженного дейктическим местоимением “ça”, осуществляется по семантике эксплицитных предикативных маркеров (глаголы действия), через ближайший ко-текст (анафорическая, структурная функция), с эффектом субъективного модально-аксиологического значения, отражающего отношение говорящего к субъекту-протагонисту. Функциональной средой “ça” является французский литературный разговорный язык и просторечие.

3.1.4. Редукция семантического субъекта местоимением “qui”

Непрозрачность [Récanati 1979] семантического субъекта, редуцированного местоимением “qui” в составе повествовательного

предложения, передает обобщенное обозначение протагониста пропозиции высказывания. Например:

(56) «Personne, chez moi, ne doit frapper, et l'Évangile a dit: “*Qui* frappe par l'épée périra par l'épée”» (P. Souvestre, M. Alain. «Fantômas», p. 281).

В данном случае “*qui*” имеет коннотативное значение, свойственное фразеологизмам и паремиям, и передает экспрессивные, эмоциональные, образные оттенки, отражающие то, что относится не только к сфере “что сказано”, но и “как сказано”. Стимулом для цитирования библейского афоризма с эксплицитно редуцированным субъектом послужила реминисценция (ассоциация), вызванная глаголом *frapper*. Библизм направлен конкретному адресату и выполняет аргументативно-коннотативную функцию (влияние на когнитивно-поведенческую сферу адресата), не теряя при этом иллокутивную силу топоса, «общего места» [Маров 1996] (см. тж. ниже).

В речевом акте цитация приобретает силу суждения, аргументирующего отношение к собеседнику, его высказыванию (пропозиции) или поведению (интерперсональная функция [Алферов 2007]). Высказывание с местоимением “*qui*”, имеющее обобщенное значение, коррелирует с местоименным дейксисом адресата: “*tu*”/“*vous*”.

Поэтому обобщенное значение “*qui*” будет иметь в пословицах, поговорках, сентенциях как направленных, так и не направленных на реального партнера по речевой интеракции [Meschonnic 1976]. Последние могут иметь в пресуппозиции модус «*Tout le monde sais que*»: «*qui va à la chasse perd sa place*», «*qui ne risque rien n'a rien*», etc.:

(57) «*Qui fait soi-même ses affaires ne se salit pas les mains*» (M. Maloux. «Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes», p. 12);

(58) «*Qui apprend et oublie est comme une femme qui conçoit et avorte*» (M. Maloux. «Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes», p. 38).

Однако в речевой интеракции эти высказывания направлены конкретному адресату, они актуальны, поскольку в качестве аргумента приводят общий опыт

людей, который в каждом конкретном случае связан с деятельностной ситуацией и с моментом речи. Контекстуальная информация не является обязательной для таких высказываний. Информация, заключенная в этих пословицах, сходна в некоторых отношениях с энциклопедической информацией: в обоих случаях речь идет об элементах опыта и знаний, накопленных человечеством.

Как показывает анализ языкового и речевого материала, таким употреблением свойственна определенная парадигматика, синтагматика и функциональная прагматика.

Тем не менее, референтом “*qui*” может быть и определенный семантический субъект.

Местоимение “*qui*” в дистрибутивной функции способно также эксплицитно редуцировать семантический субъект.

Предложениями с дистрибутивным “*qui*” отражается денотативная ситуация, участниками которой является некое множество субъектов. Например:

(59) «Les clients de l’hôtel prenaient *qui* du thé, *qui* du porto, *qui* un cocktail, *qui* un whisky au soda» (P. Bourget. «Le danseur mondain», p. 32);

(60) «Aussi les immigrants arrivent-ils, *qui* en chariot traînés par des boeufs, *qui* en voiture, *qui* à cheval, *qui* même à pied» (J. Chastenet. «En avant vers l’ouest», p. 218 – цит. по Grevisse: Le bon usage, 1975. – P. 518).

Поскольку обычно множественный семантический субъект известен говорящему, дистрибутивным “*qui*” заменяются более конкретные формы выражения реального деятеля с целью избежать необоснованных повторов и сконцентрировать все внимание на выборе, произведенном семантическим субъектом-протагонистом. Особые функции субъектное местоимение “*qui*” приобретает во французских интеррогативах.

3.2. Редукция субъекта в вопросительных конструкциях французского языка

3.2.1. Выражение субъекта местоимением “qui” в интеррогативах

Практическая деятельность людей невозможна без познания окружающего мира – она требует постоянного совершенствования когнитивного аппарата индивидуума [Apostel 1981]. Прототипическим выражением стремления к новому знанию является вопрос [Langue française 1981]. Вопрос представляет собой необходимый момент в процессе познания. Он осуществляет переход от старого знания к новому. В этом сложном процессе познания вопросом выражается сомнение, основу которого составляет внутренняя противоречивость и изменчивость вещей. Сомнение же возникает у человека тогда, когда реальность остается неясной и неопределенной. Сомнение и вопрос предполагают друг друга. Неполное знание, сомнение характеризует такой момент в познании, когда картина происходящего еще точно не определилась.

Вопросительное предложение как знак имеет свой денотат. Интеррогатив отражает сложную ситуацию, образующуюся в результате взаимодействия двух ситуаций референтного уровня:

1). Когнитивную ситуацию, которая характеризуется как проблемная и вследствие которой возникают вопросы [Лимантов 1975].

2). Пропозициональную ситуацию, которой управляет акциональный глагол, коррелирующий с глаголом повествовательного предложения.

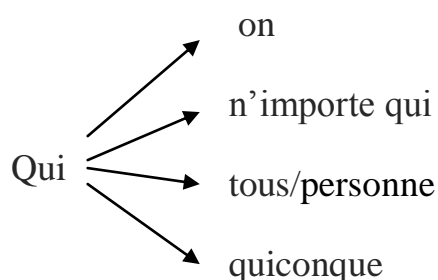
Как мы видим, для того, чтобы возник вопрос, ситуация обязательно должна включать в себя проблему. Эту ситуацию можно определить также как ситуацию неразрешенной неопределенности. Она характеризует собой ту среднюю ступень размышления — ступень сомнения — *questionnable*, которая, по словам О. Есперсена, лежит между положительной ступенью — *positive* и отрицательной — *négative*, поэтому в семантическую структуру вопросительного предложения включается сема ‘дубитативности’ (сомнения,

неуверенности) [Есперсен 1958]. Структура интеррогативной фразы, в которой выражается субъект речи, отражается человеческим мышлением и фиксируется в языке в виде той или иной конкретной вопросительной синтаксической конструкции [Барулин 1980].

Обозначенное формой вопроса событие содержит заявление о том, что отношения реальности в этом событии не представляются до конца ясными, т.к. неизвестен один из членов отношения [Hintikka 1974; 1981]. В рассматриваемых конструкциях с местоимением “qui”, выполняющим роль подлежащего, ведется поиск семантического субъекта, производителя действия. Поскольку деятель неизвестен для говорящего, вопросительный элемент “qui”, входящий в структуру вопроса, является формальным выражением семы дубитативности, лежащей, как уже было отмечено, в основе проблемной ситуации. Следует сказать, что вопросительный элемент “qui”, выполняющий функцию синтаксического подлежащего, уже сам по себе содержателен. Он несет некую, далеко неполную информацию о семантическом субъекте. Местоимение “qui” является носителем семы “одушевленности” и как таковой соотносится с активной одушевленной субстанцией и её акциональными предикативными характеристиками (глаголами, причастиями и т.д.). В интеррогативных конструкциях, входящих в состав динамических ситуаций, местоимение “qui” встречается в сочетании с активными предикатами, в которых выделяются семы сознательности и усилия, добровольности, целенаправленности и т.д., — предикатами, которые допускают постановку вопросов: ‘Что делает?’; ‘Зачем?’ [Алисова 1971, 29]. Динамика ситуации, в которой задействован субъект, отмечается наличием семы “активность” в лексическом значении переходного или непереходного глагола. Вопросительное слово “qui” как один из основных компонентов семантической структуры местоименных интеррогативов рассматривается нами в качестве носителя информации, характер которой, её конкретика раскрывается в так называемом “постцеденте” (катафоре) — элементе

последующего текста (как правило, хотя и не всегда, выраженном в ответной реплике), к которому данное вопросительное слово отсылает [Dubois 1965]. Местоимение “qui” называют единственным выразителем категории вопросительности в интеррогативных конструкциях, направленных на выявление семантического субъекта. Значение, смысл “дубитативности”, заложенный в семантике “qui”, придает характер вопросительности всей структуре. Местоимение “qui” в вопросительной конструкции, скорее, направлено на выяснение, на поиск реального деятеля, а не на его конкретное, адекватное реальности, выражение. С помощью “qui” в роли синтаксического подлежащего субъект речи пытается добиться от адресата идентификации, референциальности семантического субъекта. И хотя по своему семантическому объему местоимение “qui” в интеррогативе не равно неопределенному “on” (“on” — семантически шире), “qui” в состоянии отражать любого деятеля или вообще никого. Это вопросительное местоименное слово соотносится с личными местоимениями. Иллюстрируя эту мысль, предлагаем следующую схему (ср. [Pottier 1992]):

Схема 4. Семантическая корреляция вопросительного субститута субъекта с неопределенными местоимениями

Соотносительность вопросительного “qui” с неопределенными местоимениями “quelqu’un”, “quiconque”, “personne” в позиции подлежащего в интеррогативе подтверждает наличие “дубитативности” в структуре вопросительного местоимения. На связь этих двух типов – вопросительных и

неопределенных – местоимений указывал еще А. Фрейд в 1940 году [Frei 1940]. Взаимосвязь этих местоимений отнюдь не случайна: она предполагает общность в их семантической структуре семы “неуверенности”. Однако дубитативность предполагает дополнительную дистрибуцию элементов, выражающих её в ответной реплике — она редко допустима в ответе: “Qui a crié ? — Personne (n’a crié)”; ”Qui a crié? — Quiconque ”. (Кто кричал? – Кто-то).

Семантическая структура семемы “qui” включает общекатегориальную сему вопросительности, состоящую одновременно из сем дубитативности, неопределенности и одушевленности в оппозиции к “que”. Пресуппозиция одушевленности спрашивающего существует на уровне экзистально-пропозиционального знания, референциальные характеристики субъекта выявляются в ответе. Поэтому ответ на уровне общеэкзистентальных знаний представляется неинформативным (иррелевантным). Хотя в определенных ситуациях вопрос направлен не на субъекта (его действие принимается как данное в пресуппозиции), напр., «Кто кричал?» (пресуппозиция ‘Кто-то кричал’), а на всю пропозицию: «Кто спросил?» (пресуппозиция ‘Спросил ли кто-то кто-то?’, т.е. неизвестно, имело ли место само действие). Во французском языке, как и в русском, маркером становится более интенсивно восходящий тон в конце фразы: “Qui ↑ a crié?” (в пресуппозиции утверждение – «On a crié») VS : “Qui a crié↑?” (в пресуппозиции вопрос «Est-ce que quelqu’un a crié?»). Последний тип можно назвать вопросом с двойной дубитативностью. (О просодии как о коммуникативной базе и прагматическом операторе см. [Потапова 2003; 2006; Martin-Baltars 1977]).

Иными словами, вопросом “qui?” говорящий как бы перебрасывает мостик между неопределенностью, незнанием субъекта к знанию конкретному, к его референту. Несмотря на невыраженность семантического субъекта, в вопросе отмечается презумпция его существования и обозначается его

действие в динамике пропозициональной ситуации: он пока неизвестен, но постановка вопроса объективно каузирует его существование.

Говорящий, задающий вопрос, вербализует конструкцию, в которой “qui” эксплицитно выражает редуцированный субъект. Например:

(61) «— Pozzo, s’agrippant à Lucky qui, sous nouveau poids, chancelle: Qu’y-a-t-il? *Qui* a crié?

— Estragon: C’est Godot» (S. Beckett. «En attendant Godot», p.43);

(62) — Messalinus: Et *qui* t’a loué à moi pour un sou par jour?

— Jeune garçon: Un type quelconque» (J. Giono. «Domitien», p.9).

Анализ примеров (60) и (61) выявляет градуальность референциальной информации (знания) в ответе на вопрос с “qui”: как уже отмечалось, имена собственные ориентированы исключительно на персональное, референтное знание [Йокояма 2005], в то время как неопределенность референции требует комментария, аргументации или её маркеров — неопределенно-личных местоимений или прилагательных (quiconque, quelconque), субъектных номинаций – ‘омнибусов’ (Un type).

Сопоставительный анализ синтаксической и семантической структур данного вида интеррогативов обнаруживает ряд особенностей, характерных для вопроса с его диафорическими (анафоро-катафорическими) связями. Например:

(63) « Argire: *Qui* combattra ?

Tancrede: *Qui*? Moi». (F. Voltaire. «Tancrede», p. 44);

(64) « Fraenkel: *Qui* vient avec vous? Riri lève la main.

Pierre Fournier: Moi (A. Adamov. «Le printemps», p. 87);

(65) « Madame de Thauzette: Monsieur de Bardannes aime Denise.

Madame de Bardannes, avec une sorte d’effroi: *Qui* vous a dit cela?

Madame de Thauzette: Lui-même» (A. Dumas fils. «Denise», p. 103);

(66) «Pierre Fournier: *Qui* a pris possession de l’hôtel de ville?

Premier garde: Brunel» (A. Adamov. «Le printemps», p. 18).

В приведенных примерах в качестве катафоры выступает “qui” интеррогатива. Анафорой вопросительного местоимения “qui” выступают, как правило, личные местоимения (moi, lui-même), неопределенные (personne), имена собственные (Brunel). Следовательно, вопросительный элемент “qui” является катафорическим субститутутом субъекта, лица, деятеля. Референция “qui” носит анафорический характер, т.к. устанавливается через денотативную соотнесенность со своими анафорическими коррелятами: личными, неопределенными и т.д. местоимениями, именами собственными и проч.

Связь вопросительного “qui” со своим референтом графически выглядит так:

Таблица № 7. Примеры диафорической связи редуцированного субъекта - интеррогатива (qui)

Пример (62)	qui ↔ moi = Tancredi
Пример (63):	qui ↔ moi Pierre Fournier
Пример (64):	qui ↔ lui-même = monsieur de Bardannes
Пример (65):	qui ↔ Brunel

Как известно, местоимения первого и второго лица не имеют постоянной референтной связи с действительностью. Их референтные связи устанавливаются лишь в момент речи, распадаются, как только этот момент проходит, и вне его не существуют [Бенвенист 1974; Бюлер 2000; Падучева 1985; Benveniste 1966; Kerbrat-Orecchioni 2002 и др.].

Например, вопросительные предложения *Qui t'a dit cela?*; *Qui te le demande?* могут пониматься как запрос информации о семантическом субъекте, неизвестном для адресанта, и как реплика, подчеркивающая реакцию с иллокутивной силой несогласия с предыдущими высказываниями, т.е. *Moi, je ne l'ai rien dit; Personne ne te demande rien.*

При этом 'qui', теряя сему субъекта действия, десемантизируется и выполняет функции иллокутивного маркера оправдывания, несогласия и т.д. Здесь также одна и та же синтаксическая структура может соответствовать нескольким семантическим, т.е. одно означающее соотносится с несколькими означаемыми. Эта асимметрия формы и содержания объясняется тем, что область семантики обладает большей подвижностью, тогда как сфера синтаксиса чрезвычайно стабильна и сочетательные возможности на уровне синтаксиса достаточно ограничены [Тарасова 1992].

Принятое в исследовании объяснение речевых употреблений вопросительной формы базируется на положении о "первичных" и "вторичных" функциях (см. выше). Явление асимметрии формы и содержания реализуется в возможности формы иметь ряд функций. В свете практического использования языка под функцией следует понимать назначение языковой единицы в речи. В более узком смысле понятие функции используется как роль языкового элемента в высказывании. Всякая грамматическая форма существует в языке для того, чтобы отобразить реальность в когнитивной системе человека. Эта семантическая значимость составляет фундаментальную и первичную функцию грамматической формы. Первичная функция всегда значащая, так как она отражает реальные связи вещей и базируется на существовании оппозиции [Гак 1974, 76]. Появление вторичных функций связано с существованием смысловых связей между понятиями. Среди вторичных функций выделяются функции нейтрализации (расширение смысла, генерализация), вторичная значащая функция (перенос смысла, метафора) и вторичная незначащая функция (десемантизация), которая теряя семантическое значение, приобретает либо строевую функцию, либо прагматическую [Гак 1998].

Генетически исходной функцией вопросительного предложения следует считать функцию вопроса. Однако развитие и обогащение самого языка вело к тому, что вопросительное предложение употребляется в различных условиях,

переосмысливается, приобретает вторичные функции. Субъективное, т.е. по воле говорящего субъекта, модальное употребление вопроса с “qui” в позиции подлежащего вместо редукции семантического субъекта приобретает функции выражения косвенного утверждения, косвенного отрицания, разных эмоциональных реакций говорящего в результате приобретения интеррогативом вторичных функций.

Формальным показателем изменения функции является, прежде всего, позиция вопросительной реплики в составе вопросно-ответного комплекса [Борисова 2007; Гак 1988; Девкин 1979; Roulet 1985]. Вопросительное построение в своей первичной функции занимает позицию исходной реплики. Для выявления семантического субъекта оно требует референциального ответа (см. Табл.7).

Вопросительное построение, назначением которого является намеренное сокрытие субъекта и, тем самым, выражения различных дополнительных смыслов, занимает позицию ответной реплики. Здесь в какой-то степени нарушается семантика «иллокутивного вынуждения» при формальном его соблюдении [Арутюнова 1970; Баранов 1992; Демьянков 1982].

Рассмотрим субъективные причины невыраженности семантического субъекта вопросительной конструкцией с “qui” в позиции подлежащего.

3.2.2. Редукция субъекта местоимением “qui” в вопросительных предложениях, выполняющих вторичную функцию

Коммуникативная роль адресата заключается в ответной словесной реакции (реплике), ответном речевом действии, замысел и исполнение которого, как считают исследователи, возникает на высшем (реализующем) уровне процесса восприятия и понимания [Караулов 1987, 51-52], имеющего, кроме того, иерархическую структуру, идущего от понимания смысла слов и словосочетаний до понимания замысла субъекта – автора дискурса. Ответ коммуниканта, который в речевой ситуации поочередно становится то адресантом, то адресатом, может иметь самые разнообразные формы.

Иногда для утверждения или отрицания некоего факта, какого-то мнения, чьего-либо суждения говорящий использует вопросительную конструкцию с местоимением “qui”, которая способна завуалировать реального протагониста (носителя действия). Коммуниканты обладают определенным запасом знаний (см. выше), которые отождествляются с его способностью интерпретировать речь другого лица, понимать его и адекватно реагировать.

Высказывание, выраженное вопросительной формой, имеет свою иллокутивную цель, а говорящий выражает при этом свое речевое намерение.

Категория “речевое намерение” (интенция) трактуется как “известное психологическое состояние” [Searle 1995], стимулирующее социально-значимую коммуникативную деятельность говорящего. По поводу намерения говорящего в процессе коммуникации Д. Фоллесдаль замечал: “Существует неопределенность между пониманием самого сообщения и пониманием того, почему данное высказывание было произведено. Когда мы рассматриваем речевой акт как действие, нас должен интересовать именно этот вопрос” [Фоллесдаль 1986, 144].

Синтаксическая форма вопросительного предложения формируется, как уже было сказано, в структуре вопросно-ответного комплекса.

Первичная функция вопросительного предложения, как известно, предназначена для запроса информации о ком-либо или о чем-либо. Будучи полным знаком [Гак 1973], вопросительное предложение включает в себя референтную ситуацию, ситуацию общения, участников коммуникации, включенных в деятельностную интеракцию и т.д. [Алферов 2001] и пр. Приспособление к конкретным условиям коммуникации порождает у форм вопросительного предложения с местоимением “qui” в роле подлежащего разнообразные вторичные функции, одна из которых заключается в сокрытии семантического субъекта. Например:

(67) «Hoederer: Ça peut provoquer la guerre civile.

Hugo: *Qui* parle de guerre civile?» (J-P. Sartre. «Les mains sales», p. 193).

Анализируемый местоименный интеррогатив, являясь репликой-реакцией, выражает через вопросительную форму отрицание выдвигаемого собеседником суждения. Отметим тот факт, что отрицательная форма глагола грамматически не обозначена. Местоимение “qui” обобщенно представляет и тем самым маскирует реального энунциатора. Свою первоначальную задачу данная интеррогативная конструкция не решает: поиск семантического субъекта не ведется, поскольку говорящий опровергает интерпретацию, которую ему приписывает собеседник.

Помимо функции опровержения (контраргументации), такие риторические вопросы могут выражать и согласие, подразумевающее абсолютную правоту собеседника:

(68) «Le Maître: Mais à ce comte, ton lot vaudrait mieux le mien.

Jacques: *Qui* vous le dispute?» = (Je ne vous le dispute pas; personne ne vous le dispute) (D. Diderot. «Jacques le Fataliste», p.89).

Интеррогативы в подобной функции используются субъектом речи с целью произвести замену конкретного субъекта на обобщенный и, тем самым, более категорично выразить свое согласие-несогласие с мнением собеседника [Карасик 2008].

Отдельно взятое, вырванное из вопросно-ответного единства, вопросительное предложение может вызвать трудности понимания. Зависимость от контекста играет принципиальную роль для верной интерпретации (финальной интерпретанте – по Пирсу) языковых выражений. Например:

(69) «Hoederer: Tu tiens à elle?

Hugo: Naturellement.

Hoederer: Alors, défends-lui de remettre les pieds ici. Quand j’ai à choisir entre un type et une bonne femme, c’est le type que je choisis.

Hugo: *Qui vous demande de choisir?»* (J-P. Sartre. «Les mains sales», p. 134).

В данном диалоге речь идет о приеме на работу. Последняя фраза может быть верно истолкована только в контексте предшествующих фраз. Причем, гипотетический ответ “ Je ne vous demande pas de choisir” звучит не только менее экспрессивно, но и связан с прямым значением иницирующей реплики. На самом деле здесь реализуется отрицание аргумента, в пресуппозиции которого: «Un homme vaut mieux qu'une femme», причем возможность такого отрицания заложена в форме самого аргумента: «Я бы выбрал...». Отсюда контраргумент — « А кто Вас просит выбирать?». Такие речевые стратегии аргументации и контраргументации, также построены на асимметрии плана выражения и плана содержания.

Решающая роль в понимании вопросительных предложений отводится пресуппозиции, которая предопределяет само появление данной реплики и позволяет использовать те семантические компоненты, которые удовлетворяют речевой интенции говорящих. Например:

(70) «Honorine: *Qui l'aurait dit? Une petite Sainte-N'y-Touche, qui faisait la pudeur, qui faisait l'enfant»* (M. Pagnol. «Marius», p. 206).

В русском языке есть аналогичное речевое клише, менее изысканное, но точное: «Чья бы корова мычала...». Пресуппозиция помогает понять причину столь агональной (агрессивной) речевой стратегии матери. Дело в том, что её восемнадцатилетнюю дочь застают наедине с мужчиной. Ее доброй репутации нанесен непоправимый ущерб. Однако девушка пытается оправдываться с позиции «невинного дитя, недотроги, нравственной добродетели», чем вызывает такую бурную реакцию матери.

Этот пример еще раз демонстрирует положение о том, что экспрессивно-прагматические маркеры и операторы той или иной речевой стратегии сочетаются и усиливают друг друга. После риторического “qui” употребляется

кондиционал, ироническое употребление реминисцентных имен (petite Sainte-N'y-Touche) и т.д.

Т.А. Репина, М.К. Сабанеева и др. отмечают: «Следует обратить внимание на то, что структура вопросов с полемическим кондиционалом отличается совокупностью специфических черт. Вопросительное предложение представляет собой частный вопрос, в котором вопросительное слово побуждает адресата речи к конкретному обоснованию информации, заключенной в предшествующем высказывании. Форма кондиционала указывает на то, что с точки зрения говорящего информация собеседника не соответствует действительности. Таким образом, выражению диалогической модальности здесь служит комплекс языковых средств: вопросительное слово и соответствующая структура предложения, присущая данному коммуникативному типу, форма кондиционала, лексический состав предложения, повторяющий или перефразирующий предыдущее высказывание.

Особо важную роль играют вопросительные слова. *Они обозначают в сжатом виде основание, на базе которого говорящий опровергает собеседника, выявляя несостоятельность пресуппозиции его высказывания»* [Репина 1992, 80 – выделено нами – А. Ч.].

Интеррогативы с вопросительным “qui” широко используются в диалоге для выражения “отрицания”, “несогласия”, “отказа”, и делается это, по-видимому, для того, чтобы сконцентрировать внимание воспринимающего на отрицательной реакции говорящего, затушевывая при этом свою собственную позицию, позицию субъекта, а значит и сам субъект. Например:

(71) «Sorbier: *Qui t'a parlé de mourir?* = (on n'a pas parlé de mourir; personne n'en a parlé). On cause sur ce qu'ils vont nous faire avant ... Il faut bien qu'on s'y prépare» (J-P. Sartre. «La P. respectueuse suivi de morts sans sépulture», p. 110);

(72) «Gérard: Que fais-tu ici, toi?

Adé : Gérard!

Gérard: *Qui t'a permis de venir ici?*» (A. Salacrou. «Histoire de rire», p. 19).

В исследуемых вопросительных структурах местоимение “qui” из вопросительного трансформируется в обобщенное с оттенком неопределенности. Семантика этого местоимения шире значения определенно-личных местоимений: “je”, “tu”, etc. поэтому оно как бы поглощает, вбирает в себя реального деятеля. Замещение наименования конкретного субъекта местоимением “qui” в указанной функции приводит к неконкретному, “размытому” выражению семантического субъекта.

Приведенные примеры употребления вопросов во вторичной функции подтверждают определенную закономерность: в роли сказуемых анализируемых интеррогативов выступают, как правило, глаголы говорения и глаголы мышления: *verba dicendi*, *verba putandi*. Семантика глаголов “songer”, “penser”, “demander”, “dire”, etc. косвенно связана с субъектом, которому свойственны роли говорящего (энунциатора) и рефлексирующего, поскольку “qui”, какую бы функцию ни выполняло в вопросительных конструкциях, всегда указывает на одушевленное лицо. Например:

(73) «Cléonte: Non, vois-tu, tous tes discours pour la détendre ne serviront à rien.

Covielle: *Qui songe à cela?* (J-B. Molière. «Le Bourgeois gentilhomme», p. 9);

(74) « Maman se prit la tête à deux mains: C'est à devenir folle. *Qui parle de jeter l'argent dans l'eau? Qui jette l'argent?* (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 269).

Таким образом, утверждение или отрицание, выраженное интеррогативом с “qui”, не эквивалентно их выражению в повествовательном предложении.

Как показывает семантический анализ, суждение субъекта речи, выражаемое в подобного рода вопросах, часто не имеет категоричного характера. Не случайно, по-видимому, сказуемое анализируемых конструкций часто употребляется в “гипотетическом будущем” в результате семантического

согласования: сема “дубитативности”, входящая в состав означаемого местоимения “qui”, легко совмещается с семой той же природы в составе означаемого “гипотетического будущего”. Неконкретный, обобщенный субъект сочетается с действием, выполнение которого носит предположительный характер. Например:

(75) « Le Monsieur: *Qui aurait pensé* que le premier train offrirait un spectacle aussi tragique? (A. Adamov. «Le printemps», p. 4);

(76) «*Qui ne rendrait hommage* à sa conduite charitable, à son abnégation? *Qui douterait de sa vertu*, de son désintéressement?» (P. Moustiers. «La paroi», p. 30).

“Oui” в интеррогативе, указывая на обобщенное лицо деятеля, легко вступает в контакт с модальными глаголами, которые отмечают потенциально возможные действия субъекта. Например:

(77) «*Qui aurait pu prévoir* une défaillance pareille? (P. Moustiers. «La paroi», p. 90);

(78) «*Qui aurait pu supposer* que le jeune homme, entendant du bruit pendant la nuit, était descendu dans la cuisine, et là avait été attaqué par le ou les mystérieux visiteurs» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p. 131).

Комплекс операторов “редуцированный семантический субъект + модальный глагол (“pouvoir”) + “futur hypothétique” + инфинитив антропоморфных глаголов” используется субъектом речи для самооправдания, для «создания» такого «возможного мира», где описываемые реальные события невозможны, с его *точки зрения*. Соединив себя с неким множеством других субъектов (обобщающая функция), местоимение “qui” выполняет катафорическую функцию, вводя реальную пропозицию как «невозможную» в ментальном пространстве говорящего субъекта. Местоимение “qui” с глаголом “savoir” в вопросительной конструкции часто превращается в речи в разговорный фразеологизм, реплику-реакцию модального типа, в которой семантический субъект практически десемантизируется. Например:

(79) « Domitia: Vous ne m'apprendriez rien.

Vibius: J'ai su avant vous qu'on ne peut pas caresser un chien à deux bêtes.

Domitia: *Qui sait?* » (J. Giono. «Domitien», p. 13);

(80) «César: Toi? Il est fou, mais pas au point d'être jaloux d'un homme de ton âge.

«Panisse: *Qui sait?*» (M. Pagnol. «Marius», p. 104).

Реактивная вопросительная реплика “*Qui sait?*” выражает сомнение говорящего по поводу сказанного и является контраргументативной.

Таким образом, проанализированный фактический материал подтверждает мысль о том, что местоимение “*qui*” в интеррогативе во вторичной функции принимает обобщенное, с семой неопределенности, значение. Обобщенно-неопределенное или обобщенно-определенное “*qui*” вытесняет личное местоимение, указывающее на определенного деятеля, из диалогической конструкции. Семантический субъект определяется с помощью контекста, речевой ситуации, пресуппозиции.

3.3. Редукция субъекта и актуальное членение предложения и текста

Высказывание — единица сообщения не существует в речи изолированно, но создается в речи, служа звеном в цепи ситуативно-связанных сообщений [Блох 1986, 97].

При построении текста основная модель и периферийные выступают как равноправные единицы, а выбор той или другой из них в каждом конкретном случае детерминируется предшествующим контекстом [Le langage 1980] и установкой субъекта речи на определяющую “актантную перспективу” или “фокусировку” конструкции.

В выборе той или иной конструкции проявляется субъективность порождения текста как процесса отражения ситуации. Однако эта субъективность определяется объективными правилами и культурными

нормами говорящего коллектива, она, таким образом, — intersубъективна [Алферов 2007] и intersубъектна [Бахтин 2000; Бюлер 2000], т.е. определяется «субъект-субъектными» отношениями (термин В.Ф. Петренко [Петренко 1970]).

Связный текст описывает непрерывный ряд фрагментов ситуации, членя их на отдельные моменты, которые переходят друг в друга, подобно тому как из кадров фильма складывается динамическое целое [Беллерт 1978; Laparra 1982]. В подобном тексте по мере развертывания изложения разными способами обозначается одна и та же ситуация, что порождает устранение избыточных синтаксических компонентов. Формально невыраженным или затушеванным в отдельных фрагментах может оказаться и семантический субъект. Две модели, выражающие одну пропозицию, могут одна за другой следовать в тексте или, что имеет место не менее часто при формальной невыраженности семантического субъекта, одна из них является эксплицитной, или редуцированной, другая же становится имплицитной, благодаря пресуппозиции [Ducrot 1968; 1969; 1972; Tutescu 1978].

Например: *La porte venait de s'ouvrir. Mère nous regardait avec étonnement* (G. Duhamel. «*Vue de la Terre promise*» p. 272) = (*La mère a poussé la porte et ...*)

При порождении нового предложения перед говорящим стоит задача осуществить выбор подлежащего так, чтобы намеченная функциональная перспектива предложения оптимальным образом “вписывалась” в более широкую функциональную перспективу всего предшествующего текста [Fornel 1987]. В позиции подлежащего, как правило, фигурирует тот элемент предложения, который семантически и тематически наиболее тесно связан с предшествующим текстом, и вместе с тем служит опорной точкой для развертывания остальных элементов предложения.

Как видим, одним из главных организаторов связности текста, движения мысли от предложения к предложению, порождающего устранение семантического субъекта, выступают категории актуального членения.

Именно функция темы, присоединяясь к одному из аргументов, не всегда обозначающего субъект действия, превращает его в подлежащее модели предложения, что приводит к формальному устранению субъекта. Тема определяется говорящим как предмет, заслуживающий внимания. Начальным компонентом предложения могут быть, таким образом, не только слова, обозначающие деятеля, но и лексические единицы, указывающие на его объект воздействия и даже на само действие, произведенное семантическим субъектом.

Кроме того, для текста, как известно, типична последовательная организация, когда темой следующего предложения становится рема предыдущего [Cornulier 1979], т.е. предметы вводятся в описание по цепочке. Это дает возможность устранить ранее названный или всем известный компонент, в том числе и семантический субъект, поэтому для определенной части сообщения не представляется необходимым сообщать о реальном деятеле. В тексте информация поступает по принципу последовательного, порционного введения новой информации. Постепенность ввода информации заключается в том, что в каждом новом сообщении объем информации увеличивается на одну единицу значения, а это ведет к тому, что коммуникативно малозначимый элемент подвергается устранению из состава отдельного предложения, что, однако, не сказывается на смысле всего текста [Лузина 1995].

Само же актуальное членение, как известно, производно от двух величин: семантико-синтаксической структуры предложения и конкретного текста (ко-текста).

Семантико-синтаксической структурой предложения предопределяются потенции актуального членения или коммуникативного использования предложения [Золотова 1973, 292].

Актуальное членение входит в глубинную структуру предложения, его модели [Сусов 1974], т.к. говорящий заранее знает, что будет в его тексте

темой, а что ремой, что будет выражено вербально, а что формально имплицитно.

Таким образом, движение от известного к неизвестному, от темы к реме, вопрос, скорее, не языковой структуры предложения, а отражения когнитивного развития мысли в некоем контексте [Nagège 1978]. Подобное движение мысли не терпит семантико-синтаксических излишеств, но позволяет понять сказанное, определить реального деятеля, осмыслить его роль, ведь осмысленность — это основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус [Бенвенист 1974, 132].

В данной работе мы подвергли анализу отдельно взятое предложение с устраненным семантическим субъектом, поскольку в изолированном предложении отражаются контекстные связи, а это ведет к обнаружению устраненного семантического субъекта. По мнению У. Вайнрайха, возможна обратная задача: по отдельному предложению восстановить контекст, его знаки способны предсказать контекст [Вайнрайх 1970, 210], а уж он совершенно определенно укажет семантический субъект [Колшанский 1980; Kleiber 1994]. Как известно, в речи, как и в тексте, предложение приобретает дополнительные функции, оно выступает как часть некоего целого, его звено, его композиционно-синтаксическая ячейка [Конева 1995]. Средства, которыми связаны воедино эти звенья целого, заключены в каждом предложении и, главным образом, актуальным членением предложения.

Именно силой актуального членения выносятся в препозицию слова с объектными и другими несубъектными значениями, а лексические единицы, обозначающие семантический субъект, не находят своего выражения в модели предложения. Реализуясь в конкретном тексте, эталонная языковая модель предложения подвергается разнообразным структурным изменениям.

В тексте, описывающем действие, лексическая единица, обозначающая семантический субъект, находится в пост- или препозиции по отношению к конструкции, формально его устранившей. Например:

(81) *Elle* mit une main sur mes cheveux et les rejeta en arrière comme pour son baiser de soir quand j'étais enfant, mais ce soir-là, il n'y eut pas de baiser (F. Mauriac. «Un adolescent d'autrefois» p. 403);

(82) Un matin, le domestique qui faisait les pièces du bas, entend un revolver au premier étage, un cri d'angoisse; il se précipite; la chambre de ses maîtres est fermée... La porte s'ouvrit, *Madame de Villenave*, les cheveux défaits, vêtue d'une robe de chambre, se tenait debout au pied du lit, un revolver à la main (F. Mauriac. «Le noeud de vipères» p. 129-130).

Контекст компенсирует недостаток информации о реальном деятеле. Можно сказать, что он выступает своего рода ограничителем использования средств конкретизации и идентификации семантического субъекта.

Таким образом, семантика текста складывается из множества в разной степени выраженных составляющих. В формальном плане текст состоит из различных конструкций с эксплицитно и имплицитно выраженным субъектом.

ВЫВОДЫ

1). Эксплицитный тип устранения семантического субъекта осуществляется лексическими средствами, способом прямой замены, иногда объективно вынужденной, иногда субъективно избранной говорящим. Формы выражения реально существующего деятеля местоимениями “on”, “qui”, “quelqu'un”, “ça” лишь маркируют формальное наличие одушевленного, разумного, контролирующего ситуацию деятеля на синтаксическом уровне повествовательных и вопросительных предложений.

2). Эксплицитное устранение имеет вертикальную направленность, что позволяет избежать асимметрии семантического и синтаксического уровней и

таким образом формально сохранить за семантическим субъектом позицию подлежащего во французском предложении.

3). Несмотря на то, что данные местоимения составляют единую определенную систему средств формального устранения субъекта, можно вычленить их некоторые дифференциальные черты:

А) Объективной причиной — неизвестностью, отсутствием знания вызвано устранение семантического субъекта с помощью местоимения “quelqu’un”.

Б) Дейктическое “ça” заменяет конкретную форму выражения семантического субъекта по субъективным причинам.

В) Причины объективного и субъективного плана вынуждают говорящего использовать “on”, “qui” вместо конкретно выраженного семантического субъекта.

Г) Референт РС (неопределенный, обобщенный, определенный) соотносится с обозначающими его местоимениями следующим образом:

№	Референт	Репрезентативы субъекта			
		quelqu’un	on	ça	qui
I	неопределенный	quelqu’un	on	ça	qui
II	определенный	—	on	ça	qui
III	обобщенный	—	on	ça	qui
IV	Коэффициент синкретичности	1	2	3	4

Д) Из группы анализируемых местоимений лишь “quelqu’un” имеет форму множественного числа и изменяется по родам “quelques” — “quelques-unes”. “Quelqu’un” во множественном числе приобретает дистрибутивную функцию, как и местоимение “qui”. Но дистрибутивные РС не относятся к парадигме форм эксплицитно устраняемого семантического субъекта в силу сильной диафорической (анафоро-катафорической) связи с антецедентом.

Е) Местоимение “quelqu’un” всегда используется в своей первичной функции – редукции субъекта. Местоимение “ça” эксплицитно устраняет семантический субъект только во вторичной функции. “On” и “qui” устраняют семантический субъект как в первичной, так и вторичной функциях.

Дейктическим “ça” говорящий выражает свое отношение к реальному деятелю. Эксплицитно устраняя семантический субъект, говорящий уменьшает тем самым возможность выражаемого лица выступать в качестве активного субъекта и самостоятельного деятеля. Эксплицитная форма устранения семантического субъекта с помощью указательного “ça” используется говорящим для выражения различных дополнительных смысловых нюансов: грубоватой фамильярности, уничижительности, пренебрежения или снисходительности.

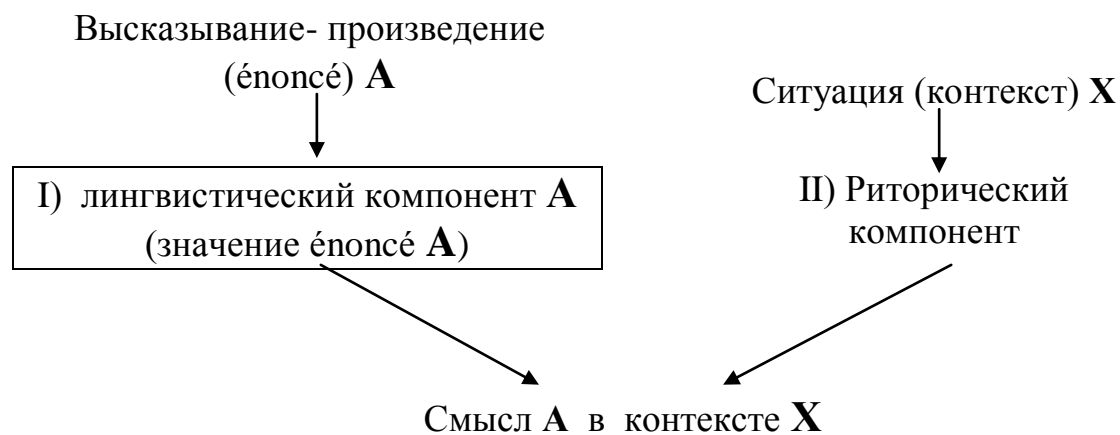
Местоимения “on” и “qui”, выражающие определенный референт обобщенно, используются для усиления аргументации высказанного субъектом речи суждения. Местоимение “quelqu’un” в большинстве употреблений нейтрально. (Исключение может быть представлено окказионально, например: «Nicolas, qui a cassé le vase? – Quelqu’un»).

Для определения и формального выражения эксплицитно устраненного семантического субъекта следует выйти за рамки отдельного предложения. Семантический субъект конкретизируется ситуацией и контекстом. Референт получает свое обозначение также с помощью анафоры и катафоры (ко-текст).

ГЛАВА IV. ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Под имплицитностью мы, вслед за К. Кербрат-Орекиони [Kerbrat-Orecchioni 1986], понимаем то содержание высказывания, которое не выражается в лингвистическом компоненте высказывания, а логически вычисляется (выводится) путем инференций (термин П. Грайса [Grice 1979]), т.е. умозаключения, которые включают общую информативную базу интерпретатора («энциклопедические знания» [Залевская 2005; Йокояма 2005]), к которой добавляются знания предыдущих (прецедентных) текстов, и извлечение смысла высказывания в соответствии с ситуацией его порождения, и опережающее знание, «импозиция», т.е. ожидание релевантного в данных обстоятельствах высказывания [Там же]. О. Дюкро схематично выразил формулу финальной интерпретанты (по Ч.С. Пирсу [Пирс 2000]), иначе говоря, смысла, который возникает у адресата (интерпретатора) в результате учета как лингвистических, так и экстралингвистических знаний:

Схема 5. Зависимость смысла высказывания от ситуации (по О. Дюкро)

[Ducrot 1984, 15-17].

Существенные компоненты смысла предложения (в том числе и значение семантического субъекта) выявляются только при рассмотрении

предложения в контексте речевого акта, что требует перехода от предложения как единицы системы языка к его реализации в речи, т.е. к высказыванию.

В условиях коммуникации предложение функционирует в виде речевого ('языкового' по К. Бюлеру – см. выше) произведения, традиционно называемого высказыванием [Гак 1973; Матезиус 1967, 237; см. тж. Алферов 2001б; 2007; Борисова 2007]. Э. Бенвенист в своей «Теории высказывания» выделил две ипостаси функционирующего в речи высказывания: «énoncé» и «énonciation» — результат и процесс порождения высказывания [Бенвенист 1974]. Последнее учитывает все прагматические факторы, сопутствующие реальной речи, — тип иллокутивного акта, взаимоотношения между собеседниками, «модально-экспрессивную, оценочную и дискурсивно-коммуникативную рамки [Арутюнова 1988; Вольф 1985; Гак 1998]. К. Кербрат-Ореккиони подчеркивает, что в образовании смысла сообщения значительную роль играет семантика предложения (énoncé), но для интерпретации самого акта высказывания (énonciation) необходимо учитывать еще три фактора: ко-текст (ближайшее языковое окружение смыслообразующего элемента), контекст (далекие прецедентные части текста или сами тексты) и пара-текст (все, что относится к условиям порождения высказывания: коммуникативное поведение (жесты, мимика, интонация и т.д.) и коммуникативную среду, в которой совершается речевое взаимодействие) [Kerbrat-Orecchioni 1986, 17].

Предложение (или фраза) становятся частью реального дискурса (устного или письменного) и анализируется с точки зрения его синтаксиса (синтактики), семантики и прагматики [Моррис 1983].

Выделенные нами модели базового предложения (см. выше) становятся высказываниями или его частью [Roulet 1985] при условии их речевого употребления. В конструктивном плане высказывание (модель в речи) может быть как синтаксически равнообъемным, так и более сжатым по отношению к полнооформленному эталонному предложению, что никак не сказывается на

его информационной ценности [Auchlin 1987]. Как было отмечено, это происходит благодаря смысловой компенсации нечетко выраженных или формально устраненных синтаксических компонентов предложения. Для преодоления возможных коммуникативных лакун интерпретатор обладает неким фоном знаний, в той или иной мере совпадающим с когнитивным багажом говорящего [Йокояма 1988]. В ходе речевого акта говорящий только приводит в действие те механизмы референции, которые заложены в предложении [Стросон 1982]. Определяя высказывание полным знаком, В.Г. Гак отмечал, что референтом высказывания является отражаемая ситуация, т.е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент “сказывания” (речевого действия по К. Бюлеру, *énonciation* – по Э. Бенвенисту – А.Ч.) и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании высказывания [Гак 1973, 358].

Поскольку только высказывание имеет непосредственное отношение к действительности, к живому говорящему лицу, то по воле последнего или по объективным вышеназванным причинам имя реального деятеля в высказывании не всегда актуализируется. Общая структура высказывания зависит также от понимания говорящим того, что, по его представлениям, адресату известно и что неизвестно, что окажется в последующем в фокусе высказывания и ради чего говорящий может пожертвовать даже выражением семантического субъекта.

Предложение, функционирующее как целое высказывание, становится выражением позиции индивидуального говорящего в конкретной ситуации языкового общения [Бахтин 1979, 263]. Как уже отмечено, само осуществление референции, связанное с прагматикой акта коммуникации, отражается в семантике референциальных элементов языка, которые обращены к общему фонду знаний коммуникантов [Катц 1981; Серль 1982; Milner 1976].

Говорящий, прежде чем о чем-то сказать, мысленно в целом представляет ситуацию, о которой пойдет речь [Гак 1972]. Лишь представив ситуацию, определив действие, протекающее в ней, адекватно детерминировав каузатора и производителя действия, закончив мысленный проект, говорящий прибегает к языковому оформлению данной ситуации, к выраженности-невыраженности некоторых ее элементов [Горелов 2003; Растье 2001].

Реципиент восстанавливает, притом однозначно, значение и семантическую роль элементов, затушеванных или окончательно устраненных из синтаксической структуры модели. Предложение восполняется компенсационной смысловой связкой, поддерживающей коммуникацию. Опора на знание о реальном мире позволяет коммуникантам высказываниями с редуцированным или устраненным субъектом передавать и дозировать объем информации, касающуюся реального деятеля.

В ходе общения, несмотря на то, что субъективный компонент высказывания затушеван или совсем не входит в собственно синтаксическую структуру предложения, слушающий в состоянии вычислить смысл высказывания. Такое высказывание в коммуникативном плане признается оптимально достаточным, т.к. строится только информационно необходимыми элементами [Блох 1986, 40]. Высказывание характеризуется избирательностью. Оно не дает полного описания отрезка действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями. Формируя в сознании предметно-логическую модель ситуации, говорящий может по-своему избирать и группировать ее элементы [Гак 1986, 29]. Это позволяет одну и ту же ситуацию описывать разными способами. Высказыванию свойственна экономия. Устранение семантического субъекта в высказывании происходит либо способом замены лексической единицы, конкретно обозначающей реального деятеля, дейктическими словами (редукция), либо способом элиминации семантического субъекта на синтаксическом уровне.

Однако семантический субъект находит свое отражение в семантической структуре предложения [Дюкро 1982; Растье 2001]. Субъектный элемент, экспликация которого не отвечает коммуникативной задаче на данный момент речи, имплицитруется (подразумевается). Из вышесказанного следует: между действительностью и отражающим ее высказыванием лежит процесс структурирования действительности языковыми средствами с целью обозначить, выделить какой-то элемент ситуации или, наоборот, завуалировать, устранить его [Горелов 1987]. Знания о предметной ситуации (пропозиции) и сам коммуникативный акт общения (дискурсивно-коммуникативная рамка) диктуют необходимость — возможность — невозможность трансформации семантического субъекта. Существует обратно пропорциональная зависимость между сведениями о ситуации и языковыми средствами, которые достаточны для ее отображения высказыванием [Ducrot 1984].

Как видим, информация, заложенная в высказывании, не сводится к одному речевому сообщению (лингвистический компонент), она — результат соотношения ситуации и того, что было сказано. Чем больше известно собеседникам о предмете речи, тем менее информативно насыщенным (релевантным) может быть само сообщение.

Одним словом, трансформация семантического субъекта происходит в процессе референции, которая соотносит высказывания с объектами, ситуациями, положениями вещей в реальном мире [Падучева 1985, 3]. Само выражение слота *действие субъекта* высказыванием складывается из связи лексических единиц, способных выражать смысл, воспринимаемый коммуникантами как суждение о некоем, иногда абстрактном, иногда конкретном, иногда определенном, иногда неопределенном семантическом субъекте и его первом признаке — действии.

Высказывания, которые сообщают о действии субъекта, не называя самого деятеля, составляют функционально-семантическое поле имплицитных форм выражения субъекта. При полном формальном устранении субъекта в

синтаксических структурах, на семантическом уровне предложения-высказывания реальный деятель присутствует постоянно, независимо от категории неопределенности/определенности. Он мыслится субъектом речи и реципиентом [Булыгина 1991].

При формальной невыраженности деятеля в информативном фокусе высказывания оказываются другие составляющие фрейма *действие субъекта*: характер самого действия, его фаза протекания, объект его воздействия, место, время, орудие, цель и результат действия.

4.1. Устранение семантического субъекта в повествовательном предложении

4.1.1. Имплицитность семантического субъекта в безличных конструкциях

Семантический субъект имплицитно выражен в так называемых безличных конструкциях. Эти синтаксические структуры, несмотря на семантически пустое “il”, наиболее близки моделям, которые имплицитно выражают семантический субъект. Проявление в предложении деятеля связано с семантикой глагола, выражающего действие, характерное для субъекта. Объект воздействия имплицитно выраженного субъекта, как правило, находится в позиции дополнения. Например:

(83) «De leur côté, les ventes de logiciels sur CD-ROM ne cessent de grimper: «*Il s'en est vendu* environ 300000 cette année soit près de 4 fois plus qu'en 2003»—ajoute-t-il» (Figaro 3.01.95, p. 7).

Безличные конструкции, описывающие действия имплицитного субъекта (ИС), используются говорящим с целью обратить внимание слушающего на наиболее важную часть передаваемой информации, на действие и объект воздействия субъекта, а также возможный результат действия:

(84) «*Il se produisit* un incident minime» (le Petit Robert, p. 1537).

Безличные конструкции (БК) с формальным, заполняющим в соответствии с синтаксическими правилами построения французской фразы субститутом “il”, необходимо отличать от омонимичного местоимения 3л., ед. ч. м.р. Ср. в примере (81) *il*₁ и *il*₂. Для их различения необходимо обращение к семантике, контексту и т.д. (см. выше). Е.Е. Корди приводит наиболее точное определение БК французским исследователем М. Вильмэ: «Безличная топикализация снабжает грамматическим подлежащим высказывание, лишенное логического субъекта, или устраняет логический субъект с первого места» [Цит. по Корди 2004; см. тж. Wilmet 1986]. Ю.С. Степанов выделил четыре семантических типа БК: 1) стихийные явления природы; 2) стихийные явления организма, внутреннего мира и психики человека; 3) сфера модальности; 4) значение существования, наличия [Степанов 1990, 273]. Однако, по мнению Е.Е. Корди, понятийная область «стихийные явления организма, внутреннего мира и психики человека» во французских БК не представлена [Корди 2004, 333]. Тем не менее, мы находим примеры, в частности, идиоматизированные, которые трудно не связать с имплицитным субъектом (в данном случае переживающим):

(85) «*Il est plus dur d'être exécuté et de tomber dans le troisième dessus. A ton aise... Oh ! à ton aise, dit Molina qui enfonçait son chapeau sur sa tête*» (J. Claretie, «Le Million », p. 118-119). (– Будет хуже, если у тебя все опишут, ты окажешься в нищете... Как хочешь, – сказала Молина, надевая шляпу...)» (ФРФС) = (ИС — субъект воздействия, бенефициант).

Симптоматично, что в переводе безличная форма, устраняющая субъект, передана эллипсисом (Будет хуже = Тебе/нам и т.д. будет хуже), что косвенно доказывает семантическую передачу французским безличным оборотом «внутреннего мира и психики человека».

Справедливости ради, нужно отметить, что в классификацию безличных конструкций входят БК ([Корди 2004]), имплицитно обозначающие субъект, ипостаси которого разнятся:

(86) «Vers les huit heures du soir, *il faisait nuit noire* » (H. Stendhal. цит. по «le Petit Robert», p. 753). – К восьми часам вечера уже *стояла темная ночь*;

(87) «*Il y faisait chaud*» = (там жарко было (о яростном бое, серьезном деле, горячем споре)) (авт.) = (ИС— акциональный обобщенный субъект – протагонист).

Основным (первичным) значением БК считается бессубъектность [Grevisse 1986] процессов и явлений, обозначаемых глаголами и оборотами *il pleut* 'идет дождь', *il neige* 'идет снег', *il gèle* 'морозит', *il tonne* 'гремит гром', *il fait chaud* 'тепло', *il fait froid* 'холодно', *il fait frais* 'свежо' *il fait nuit* 'темно' и т. д. Для такой группы имперсоналов, по мнению Е.Е. Корди, свойственно «употребление формального подлежащего — нереферентного местоимения *il*, которое не имеет никакого лексического значения и является служебным словом» [Там же]. Однако в учениях, близких психомеханике и психосистематике [Гийом 1992; Скрелина 2002; Тюкалова 2005], высказывалась мысль о том, что прототипически в этих оборотах присутствует персональность в виде «мирового лица», которое может быть противопоставлено «человеческому лицу» [Moignet 1980]. Косвенным подтверждением того, что в когнитивном представлении французов о языке (см., напр., [Язык 2000], или «метафункции языка» в [Якобсон 1975]) безличное “*il*” коррелирует с некоторыми грамматическими значениями личного местоимения “*il*” 3 л. (в частности, тот факт, что его грамматический род онтологически соотносится с гендером и физиологическим полом), мы можем считать такой анекдот (*petite histoire drôle*), трактуя его исключительно в традициях З. Фрейда [Фрейд 1990; 1997]: «*C'est une fille qui est tellement 'féministe', que quand elle regarde sa montre, elle dit: – Quelle heure est-elle?*» (ND-I, p. 428).

Трудно не согласиться, что БК является крайним проявлением устранения личного субъекта. К вышперечисленным БК природных явлений примыкают «темпоральные и метеорологические обороты, которые являются

лексикализованными именно в безличном употреблении» [Корди 2004, 233-234]. Однако идиоматизация, предполагающая метафоризацию, а значит, импликацию и инференции (перенос смысла приводит к сокрытию прямого значения, с одной стороны, и необходимости его логического исчисления – с другой) вносит коррективы в интерпретации «безличной персональности» даже в этих БК:

(88) «*Demain il fera jour (à demain les affaires sérieuses)*» (le Petit Robert, p. 1051) = (Оставим дело на завтра; Утро вечера мудренее)» = (ИС — акциональный обобщенный субъект – протагонист).

Совсем по-другому классифицируются БК, выражающие модальности: экзистальную (эпистемическую), долженствования (деонтическую), волеизъявления (волитивную) и оценочную (аксиологическую). Такие конструкции часто называют двупредикатными БК, разделяя такое высказывание на 'модус' и 'диктум' [Балли 2011] или 'пропозициональное отношение' и 'пропозицию' [Арутюнова 1976; 1988; Шатуновский 1988; 1989]. Глагол модуса является глаголом-оператором, который выявляет отношение говорящего к предметной ситуации с разных точек зрения и имеет валентность либо на придаточное предложение, вводимое союзом *que*, либо на инфинитивный оборот. Отличие модальной безличности в том, что она производна от персональности суждения 'il est certain' — 'je suis certain'; 'il semble' — 'il me/lui semble' и т.д.

Как отмечает Е.Е. Корди, «модусные БК являются самыми частотными из всех БК французского языка и имеют разнообразные значения: модальные значения необходимости (il faut 'нужно', il est nécessaire 'необходимо'), возможности (il est possible 'возможно', il se peut 'может быть'), оценки достоверности (il est probable 'вероятно'), значения эвиденциальности (il paraît 'кажется', il semble 'кажется'), прагматической оценки (il est facile 'легко', il est difficile 'трудно', il est utile 'полезно'), оценки истинности (il est vrai), положительной и отрицательной оценки какого-либо действия (il vaut mieux

'лучше', *il importe* 'имеет значение', *il fait bon* 'хорошо', *il serait dommage* 'было бы обидно'), оценки частотности, узуальности (*il arrive* 'случается', *il est rare* 'редко бывает') и др.» [Корди 2004, 234]. Причем, когда в безличную модусную конструкцию вводится отрицание, т.е. говорящий субъект (энунциатор) либо не согласен с пропозицией, либо не берет на себя ответственность за её истинность, усиливается грамматическая субъективность: вводится соответствующее наклонение – *субжонктив*, который, как известно, в современном французском языке связан с обозначением объекта субъективной оценки (того, что выражено в пропозиции): при оборотах, выражающих сомнение: *'Il est possible qu'il soit malade'* = *'Il est douteux qu'il soit malade'*; *'Il est certain qu'il n'est pas venu'* → *'Il n'est pas certain qu'il soit venu'*.

Модальным (модусным) субъектом в таких высказываниях выступает говорящий (энунциатор), синкретично совпадающий с субъектом оценки [Вольф 1985; 1998; 2003]. Как справедливо отмечают некоторые ученые [Репина 1992], такой субъект во французском языке может быть выражен двумя способами: с помощью неопределенно-личного местоимения 'on' и безличного 'il'. Различие состоит в том, что в таких сочетаниях, как: 'on dit que', 'on pense que', 'on croit que', 'on estime que', 'on suppose que' энунциатор, синкретичный с субъектом оценки, занимает обособленную позицию, он не присоединяется к общей модальной оценке факта, выражаемого пропозицией. Его собственная оценка может не соответствовать общему мнению, так же как и ответственность за истинность пропозиции.

В БК с местоимением "il" предполагает глобальное обобщение всех возможных лиц, и субъект речи оказывается включенным в число носителей модальной оценки достоверности высказывания. При безличном 'il' говорящий не выделяется из глобальной совокупности лиц, выносящих ту или иную модальную оценку. Безличные обороты модуса, включающие в качестве именной части сказуемого прилагательные *normal*, *logique*, *naturel*, выражают совпадение простого знания с логически ожидаемым [Репина 1992].

Таким образом, совершенно ясно, что первичной функцией безличной конструкции с формальным сублиматом субъекта “il” (безл.) является устранение семантического субъекта, отсутствие содержательного подлежащего. Общее значение БК может проявляться в следующих вариантах грамматических значений (по Е.Е. Корди):

1. Бессубъектность, свойственная БК с метеорологическими и темпоральными значениями;

2. Устранение субъекта с позиции подлежащего, свойственное БК, имеющим значения бытия, существования, способа существования;

Каждый вариант грамматического значения БК имеет в языке свои способы выражения и свое лексическое наполнение.

В своих вторичных значениях БК является инструментом для других преобразований, как то: инструмент актуального (коммуникативного) членения [Корди 2004] и др.

Существует и прагматическая функция БК. Так, безличный оборот ‘il est certain’ отличается от личной формы составного сказуемого ‘je suis certain’ тем, что «безличность придает семантике модуса глобально обобщенный характер, а следовательно, большее прагматическое воздействие на адресата речи в силу авторитетности всеобщего убеждения. Безличные обороты типа *Il est normal; il est logique; il est naturel* и т.д. служат для объяснения и как бы оправдания в глазах адресата речи факта, отраженного в придаточном предложении (пропозиции – А.Ч.). С помощью подобных безличных оборотов подчеркивается объективная беспристрастность в оценке ситуации» [Репина 1992, 23].

4.1.2. Элиминация семантического субъекта в пассивных конструкциях

Рассматривая процесс порождения предложения-высказывания, необходимо уточнить соотношение понятий «субъект» и «объект», как и уточнить понятие «время действия/состояния» (объекта). Как указывалось

ранее, субъект грамматический и семантический в роли протагониста (субъект пропозициональный) может обладать как одушевленностью, так и неодушевленностью, независимо от частеречной принадлежности: «Pierre qui roule n'amasse pas mousse» (Под лежащий камень вода не течет); «L'hiver approche», «La pluie tombe», etc. Однако любое высказывание, несомненно, обладает иллокутивной силой, направленной на собеседника [Searle 1972], может иметь (или не иметь) определенный перлокутивный эффект [Серль 1986] и реакцию адресата, который в свою очередь становится энунциатором и т.д. Такое речевое воздействие и взаимодействие мы называем «субъект-субъектным», или “интеракциональным” [Алферов 2007].

Объектом в таком отношении является внеязыковая действительность, передаваемая в пропозиции (референт). Поэтому в диалоге, по существу, происходит «договор по поводу референта» («когнитивная трансакция» по О. Йокояма [Йокояма 2005]).

Однако не менее драматичны и отношения с объектом (референтом) высказывания, который подвергается сначала кодированию (упаковке) в словах и предложениях, обретая свою языковую семантику, а затем «распаковывается» путем интерпретации и извлечения этой самой семантики (смысла) [Ивин 1986а.б]. Но, как известно, в этом первую скрипку играет субстанция плана выражения — фонемы, формирующие морфемы, слова, а затем синтаксические модели предложений и, наконец, высказывания, ориентируемые на собеседника [Бюлер 2000].

Поэтому, по нашему убеждению, существуют «субъект-объектные» отношения, т.е. отношения внутрипропозициональные, обусловленные речевой ситуацией или волей говорящего субъекта, его отношениями с референтом [Ван Дейк 1989]. По утверждению многих современных ученых [Касевич 1985; Колшанский 1979; Кравченко 2008; Auchlin 1987; Brown, 1979; Charaudeau 1996; Fauconnier 1999; François 1994; Goffman 1981; 1987; Jacques 1985; Kerbrat-Orecchioni 1990; Leech 1983 и др.], дескриптивная функция языка

давно превратилась в коммуникативную, целенаправленную языковую и речевую деятельность. Следовательно, содержание-«пропозиция», её просодическая и синтаксическая модели, формируют в конечном итоге речевое произведение как речевой акт с его прагматическими характеристиками [Gochet 1980]. Однако, как уже указывалось, ввиду асимметрии плана выражения и плана содержания, между говорящим, его пропозицией и собеседником возникают, по существу «'субъект-объект-субъект'-ные» отношения при активном участии объекта (метаязыковая, метаречевая, поэтическая функции по Р. Якобсону [Jakobson 1985]). Следует отметить, что интеракционные субъект-субъектные отношения опосредованы прежде всего отношением говорящего к пропозиции, которые мы предлагаем назвать интерактивными, в силу «сопротивления материала», активности плана выражения и постоянного стремления говорящего «договориться» с планом выражения и добиться вариативного (динамического) равновесия при указанной асимметрии. Именно в этом ракурсе проблема выраженности-невыраженности субъекта в трех его ипостасях (энунциатор, интенциональный субъект и протагонист) и трансформации, сопровождающие интерактивные субъект-объектные отношения, нам кажется актуальной и еще далеко не решенной окончательно [Петренко 1988; Coquet 1984; Йокояма 2005; Степанов 1985; Тарасова 1992; Эко 2007 и др.].

Устранение лица – деятеля из поверхностной структуры высказывания осуществляется с помощью пассивных аналитических конструкций. Ввиду того, что предельные глаголы составляют большую часть французских глаголов, синтаксические конструкции аналитического пассива, в основном, обозначают результат действия семантического субъекта или состояние объекта, возникшее вследствие его воздействия. Формы презенса и имперфекта предельных глаголов аналитического пассива описывают пассивный процесс только в особом контексте [Корди 1981, 243].

Практически во всех действиях, произведенных семантическим субъектом-протагонистом, можно отметить начальную и конечную точку их протекания (в терминах Дж. Серля — ‘интенция’ и ‘перформация’). Между этими двумя точками (А и В) находится временной интервал T^a _____ T^b . Начальная точка действия соответствует начальному состоянию объекта, конечная точка указывает на его конечное состояние. Фактически линейность речи приводит к тому, что T^a _____ T^b в пропозиции совпадает со временем её произнесения (энунциации). На этом свойстве построено немало стилистических и риторических приемов (антитеза, эффект обманутого ожидания, метафорические выделительные конструкции, парадокс и проч.):

(89) «*Chercher à l'humilier serait vouloir fendre l'eau avec une épée*» (A. Langevin, «*Poussière sur la ville*»). – ‘Пытаться унижить его – напрасный труд.’
(ФРФС, р. 379).

Точка В, в которой прекратилось действие субъекта, отражает его результат в виде нового признака или нового качества объекта, тем самым проявляется эффект деятельности семантического субъекта. Таким образом, происходит чередование действия с состоянием относительного покоя (T^0). Состояния объекта можно разделить на первичные (естественные, «стативные») и вторичные (достигнутые в результате действия – «результативные»). Естественное состояние может возникнуть само собой, без желания субъекта или другого действующего лица (объективно), оно не требует приложений каких-то усилий для своего поддержания [Comrie 1976, 49].

Вторичное состояние достигается и поддерживается усилиями семантического субъекта (протагониста). Следовательно, возникшее качество объекта или его новое состояние зависит от действий разумной/активной субстанции, способной создать новый, несуществующий предмет или изменить статус-кво объекта, существующего до начала воздействия. В случае возникновения трудностей разграничения понятий состояния (статива) и результатива прибегают к помощи ситуации или контекста, благодаря которым

на глубинном уровне определяется наличие или отсутствие субъекта действия. Наличие семантического субъекта говорит о целенаправленном действии и, значит, его результате. Тем не менее, состояние при определенных условиях могло возникнуть само собой, без воздействия реального деятеля. Разграничение категории *результат* и категории *состояние* связано, на наш взгляд, не только с онтологией языка, но и с импликациями (логическими заключениями – по П. Грайсу) интерпретатора, т.е. когнитивной способностью, исходя из конкретной ситуации и контекста, делать заключение о действительном намерении говорящего выделить ли результат действия или состояние объекта. Например:

(90) «*Le feu était éteint. A bout de travail l'horloge s'était tue, elle écoutait avec son cœur*» (Н. Barbusse. «L'enfer», p. 54).

В данном отрывке наступившее состояние описывается как результат прекращения деятельности двух неодушевленных, но интерактивных субъектов: огня и работы (хода) часов. Ко-текст свидетельствует о самопроизвольном прекращении действия, а следовательно, результативом становится отсутствие действия. Но *точка зрения субъекта* сохраняется в личном местоимении *elle*, глаголе *écouter* и соматизме *son cœur* (шум её сердца), зазвучавшем в наступившей тишине. Таким образом, три эксплицитных субъекта *Le feu, l'horloge* и *elle* связаны следующим образом: 'T₁₊⁰ T₂⁰ → T^a.....(T^x)' = «Камин потух, часы остановились, и она прислушивалась через биение своего сердца».

Перцептивный глагол *écouter* не предполагает активного действия на объект, здесь протагонист *elle* сливается с переживающим субъектом, однако он является связующей семой между последовательностью описываемых действий. Именно отсутствие звука огня и тиканья часов заставили прислушаться к биению сердца, т.е. каузировали перцепцию субъекта. В целом, здесь мы имеем дело со стативной пропозицией (дескриптивом) с эксплицитно выраженным, но неактивным субъектом-протагонистом.

(91) «Tenez, une fois, *ce tiroir a été ouvert*. On a même retourné la pile de linge qui se trouve sur la planche, du dessus» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p. 195). — Импликация активного субъекта легко распознается в первой фразе благодаря форме пассива и пресуппозиции «ящики сами не открываются». Что в дальнейшем подкрепляется контекстным употреблением редуцированного неопределенно-личного “on”, номинирующего субъект действия.

Таким образом, на семантическом уровне присутствие реального деятеля может выражаться имплицитно через состояние объекта воздействия. Результатив становится импликацией (логическим выводом) из ближайшего ко-текста и более широкого контекста — группы предложений, объединенных единым смыслом повествования:

(92) «*Il y avait encore quelques salons bleus à Limoges, de plus en plus rares, et celui des Rouargue était un des derniers*. Il y avait eu, en effet, une sorte de toquade générale pour le velours bleu d'ameublement dans cette ville, des années auparavant et certaines familles, pour des raisons généralement financières – ou de fidélité – les avaient conservés» (F. Sagan. «Un peu de soleil dans l'eau froide», p. 47).

В отдельных (спорных на первый взгляд конструкциях) различие между стативом и результативом в том, что статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же — одновременно о состоянии и каузивовавшем его действии [Недялков, 1983: 7]. Например:

(93) «*Les champs de bataille sont préparés depuis longtemps*» (H. Barbusse. «L'enfer», p. 103). — (результатив/дескриптив).

В данном случае иллокутивный статус высказывания определяется контекстом, а скорее — речевой интенцией говорящего субъекта (автора повествования). Если говорящий производит высказывание (86) как возражение на упрек, что ‘ничего не готово к бою’, — это высказывание-результатив. Высказывание, описывающее местность, на которой будут происходить

военные действия, будет интерпретироваться как статив. Но в обоих случаях сохраняется имплицитный субъект, более или менее имплицированный.

(94) «*La table était disposée de façon à bloquer à demi l'accès de la porte*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 28). – Результатив;

(95) «*Le piano avait été transporté dans cette chambre déjà bourrée de meubles, parce que Paule ne pouvait souffrir d'entendre "tapoter" son mari*» (F. Mauriac. «Le sagouin», p. 232). – Результатив + аргумент в активном придаточном.

По нашему мнению, статив представлен вне действия или отдален от него достаточным интервалом в то время, как результатив возникает сразу после констатации завершеного действия. Субъект речи устанавливает факт совершенности как рему в коммуникативной перспективе предложения для себя и для других коммуникантов [Тарасова 1992], т.е. интервал $T^a\_T^b$ сокращается во времени с момента замысла (речевой интенции) до момента реализации (результата, эффекта).

Различие между стативом и результативом состоит в коммуникативной перспективе высказывания: первый описывает событие как некое *status quo* (83), (85); второй – сообщает факт с точки зрения результата действия субъекта пропозиции (87), (88).

Н.Д. Арутюнова отмечает: «Первый тип отражен в обобщающем значении таких слов, как *событие, состояние, свойство, действие, поступок, изменение, процесс* и т.п., и в конкретном значении таких имен, как *встреча, прощание, отъезд, краснота, работа, хождение* и т.п., восходящих к предикату предложения. Второй тип отражен в обобщающем значении таких слов, как *суждение, мнение, утверждение, сообщение, факт* и пр., и в конкретном значении соотносительного с ними изъяснительного придаточного. С небольшой долей метафоричности можно утверждать, что первый ряд объединяет все то, что составляет среду погружения человека в мир, а второй — то, что есть результат погружения мира в сознание человека. Для человека

жизнь складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» [Арутюнова 1988, 103 – *подчеркнуто нами – А. Ч.*].

Субъект становится то свидетелем, то непосредственным производителем действия, которое приводит к изменению состояния объекта:

(96) «*Les faits sont exactement relatés*» (R. Vailland. «Beau Masque», p. 16).

Говорящий — перцептивный субъект, свидетель действия.

(97) «D'ailleurs, il y avait encore des arêtes et des écailles dans *la poubelle qui n'avait pas été vidée* depuis quelques jours» (G. Simenon. «On ne tue pas les pauvres types», p. 184). Говорящий — свидетель действия.

(98) «De son côté, le commandant déploya l'énergie la plus active. Du haut en bas en tous les coins. *La Provence fut fouillée*. On perquisitionna dans toutes les cabines, sans exception, sous le prétexte fort juste que les objets étaient cachés dans n'importe quel endroit (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 24). В данном примере автор (говорящий) называет субъекта-протагониста действия и констатирует факт, резюмирующий эти действия.

(99) «*Trois dessins étaient superposés* sur la partie gauche de la feuille» (P. Boule. «Le coeur et la galaxie», p. 110). – Статив/результатив;

(100) «*Un mot des message était déchiffré*. Ils restèrent un moment silencieux, bouleversés par cette constatation» (P. Boule. «Le coeur et la galaxie», p. 112) – Результатив, констатация факта.

Омонимичность субъектного статуса в примере (97) определяется омонимичностью конструкции с экзистальным глаголом, который может обозначать как действие в пассиве, так и состояние. Смысл определяет контекст, что подтверждает пример (100), где ко-текст подкрепляется прямой номинацией '*cette constatation*'.

Состояние как результат действия семантического субъекта-протагониста может быть: кратковременным (точечным), относительно постоянным, или периодическим, а также непреодолимым для субъекта (необратимым).

Временное состояние может неоднократно прерываться и возобновляться вновь действием семантического субъекта или вмешательством других протагонистов. Например:

(101) «Henriette: Jean-Louis est impatient de partir. *Nos valises sont terminés*» (A. Salacrou. «Histoire de rire», p. 178);

(102) «*La scène, les balcons, l'orchestre étaient tout entiers drapés de drapeaux tricolores*» (P. Vaillant-Couturier. «Enfance», p. 143);

(103) «La jeune fille regarda d'un air perplexe. — *C'est que les canalisations sont détruites*. — Rassurez-vous, dit Maillât, tout ce que je veux c'est un peu d'eau pour me laver» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote»). [– выделено нами А. Ч.] .

В (101) – кратковременное состояние (чемоданы собирают только перед поездкой; в (102) – относительно постоянное (театр обычно украшают знаменами лишь в дни национальных праздников и торжеств); в (103) – факт поломки водопровода воспринимается девушкой как непреодолимое, с её точки зрения, в момент речи состояние – препятствие для выполнения просьбы собеседника.

Относительно постоянное, более длительное состояние, может сохраняться довольно долго — амплуа семантического субъекта — невмешательство, насколько это возможно, перцепция, сохранение положения вещей. Например:

(104) «*Le bureau était installé dans l'arrière salle du tabac. Ça sentait l'anis et la gauloise bleue*» (A. Lanoux. «Le commandant Watrin», p. 32). — Статив, определяющийся катафорически: последующий ко-текст выражен безличным *Ça sentait*, что предполагает результат действий протагонистов, но исключает их из информативного фокуса высказывания.

(105) «*Le clou est planté dans la bonne direction et l'anneau n'a pas trop souffert sous les coups*» (P. Moustiers. «La paroi», p. 89). – В отсутствие эксплицитно выраженного акционального субъекта его место занимает

оценочная «позиция субъекта», превращающая высказывание в оценочный результатив.

Иногда состояние объекта, раз возникнув, не может быть изменено, несмотря на усилия семантического субъекта. Такое состояние необратимо.

Например:

(106) «Il fit signe à un taxi, revint sur ses pas pour rappeler à Thérèse que *les consommations étaient payées*» (F. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux», p. 92). – Дело уже сделано, и нет необходимости его повторять.

(107) «C'est chose faite, dit celui qui a déployé le premier journal, *la guerre est déclarée*» (H. Barbusse. «Le feu», p. 62). Здесь сам текст говорит об обстоятельстве непреодолимой силы: война объявлена, данное событие в высказывании представлено как свершившийся факт. Результатив как коммуникативная доминанта высказывания представлен также в следующих примерах:

(108) «Sort de toutes ces maisons: *elles sont vendues une fois achevées*» (S. de Pasquale. «Paroles de stars», p. 170);

(109) «*Le jugement est prononcé, il est sans appel*» (авт.).

В возникших таким образом пассивных предложениях позицию сказуемого занимает особая, пассивная форма глагола, в которой подлежащее не соответствует субъекту действия. Следует сказать, что семантический субъект не представлен в составе синтаксической структуры подобного типа предложений как подлежащее. Роль подлежащего, по мнению некоторых ученых, берет на себя глагол [Brunot 1926].

Отметим, что объектный результатив может быть образован только от переходных глаголов в сочетании с экзистальным глаголом “être”, в форме 3-го лица + причастие прошедшего времени (р.р.) переходного глагола.

Participe passé в конструкциях, обозначающих результат, образован от глаголов активного значения, отражающих широкое, многофункциональное поле деятельности человека, семантика которого обычно складывается из

комбинации таких смыслов, как: ценность, сознательность, добровольность, усилие. Перед нами глаголы, о которых Э. Бенвенист говорил как о глаголах, обозначающих «движения и основные жизненные проявления существ ...» [Бенвенист 1974, 331-332]. К их числу относят глаголы, обозначающие действия, прямые последствия которых сохраняются и после их завершения: *faire, construire, fabriquer, produire, etc.* и глаголы деструкции, противоположные по семантике первой группе: *détruire, casser, briser, etc.*

Глаголам акциональной семантики соответствуют подобного же класса имена одушевленные, отражающие в реальной действительности разумного, деятеля, и имена неодушевленные, имеющие функцию объекта воздействия.

Следует сказать, что базовые глаголы, образующие результативные конструкции, характеризуются своим смысловым пределом, поскольку глаголы, обозначающие целенаправленные действия, не могут продолжаться после того, как цель была достигнута, результат получен:

(110) «*Et le courrier, dès 1931 fut transporté pour la première fois, en quatre jours, de Toulouse à Buenos Aires*» (A. Saint-Exupéry. «*Terre des hommes*», p. 104);

(111) « – *Le reste? Attends que je me rappelle bien. Le reste est divisé en 3 parts*» (G. Duhamel. «*Le notaire du Havre*», p. 46).

Семантика предельных глаголов указывает на переход объекта из одного состояния в другое, вызванное действием имплицированного семантического субъекта, удаленного из коммуникативного фокуса высказывания:

(112) «*Le papier des murs a été changé, mais les meubles d'acajou sont restés aux mêmes places*» (F. Mauriac. «*Thérèse Desqueyroux*», p. 102).

Левую часть этого сложносочиненного предложения можно рассматривать как результатив, правую — как статив (результат не-действия). Оппозиция действия – состояния отмечена союзом “*mais*” и семантикой глаголов “*changer*” – “*rester*”.

(113) «C'était sans doute ici, dans un des deux placards que *le reste des provisions était rangé* (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 62).

Наблюдаемое состояние объекта, выражаемое семантикой причастия, отсылает нас к глаголу, описывающему действие, а от него к имплицитному субъекту. Следует отметить, что процесс поиска субъекта идет от обозначения состояния к обозначению действия, вызвавшего это состояние, и далее к реальному деятелю. Категория “действие” осуществляет мысленную, неразрывную связь между семантическим субъектом и возникшим состоянием объекта:

(114) «*La chambre est usée, il semble qu'on y soit déjà infiniment venu*» (H. Barbusse. «L'enfer», p. 35);

(115) «*La concierge devait être en course: sa porte était fermée*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 101).

Во многих случаях статив (состояние) каузирует действие субъекта:

(116) «*Quand la serpillère fut saturée, elle la lui tendit et il la tordit audessus de la cuvette*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 135).

В некоторых случаях результатив провоцирует субъекта на дальнейшие действия, меняя состояние самого субъекта (интерактивная связь):

(117) «*Notre nouvelle salle à manger fut transformée, comme l'ancienne, en atelier de couture et maman commença de rêver sur des patrons de papier gris. Elle avait l'air d'un général qui consulte ses cartes et combine une bataille*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 55).

Несмотря на отсутствие субъекта в пассивной структуре, категория “деятель” имплицитруется в сознании говорящего через действие, результат действия или состояние объекта.

(118) «*Une assiette de charcuterie fut posée devant le retardataire*» (A. Lanoux. «Le commandant Watrin», p. 38).

Интенциональность субъекта речи направлена на конечный результат действия, а не его исполнителя.

(119) «Adé: Avec mon revolver! Oh! Que c'est drôle! Vous avez cru que *le revolver était chargé!*» (A. Salacrou. «Histoire de rire», p. 176).

В результате (120) реальный деятель не выражен, но отражен результат, его конечная точка, сконцентрированная в объекте. Интерактивность объекта, маркирующая имплицитный субъект действия, подкрепляется субъективным притяжательным прилагательным *mon*, отражающим пресуппозицию “*mon revolver et je le charge*”.

Действие и наступивший результат связаны между собой не только обязательными смысловыми узлами, но и определенными конструктивно-деривационными отношениями. В отличие от полной трехчленной активной конструкции в предложениях – результатах акциональный субъект не только устранен из центральной позиции подлежащего, но и вовсе из состава предложения [Храковский 1992]. Коммуникативным центром оказывается объект, интеракционально указывающий на действие и характеристики акционального субъекта.

Например:

(120) «*La camionnette était rangée au pied des trois sapins*» (R. Vailland. «Beau Masque», p.33);

(121) «*La villa avait été construite en 1955, dans le style côte d'Azur*» (R. Vailland. «Beau Masque», p. 115).

Имплицитность семантического субъекта сопровождается возведением неодушевленного интерактивного объекта в позицию подлежащего.

При этом субъект речи (энунциатор, автор) описывает ситуацию со стороны объекта, тем самым подчеркивая его интерактивность. Неодушевленный объект становится ремой сообщения, тема — имплицитруется (подразумевается).

Моделью *être + p.p.* передается результат или состояние, в котором находится объект к моменту речи. Результат действия представляется как интерактивно указывающий на субъект действия.

Имплицитный семантический субъект может быть выявлен с помощью диафорических отношений:

а) анафоры:

(122) «*Un homme* entra, qui tenait à la main une lanterne électrique. *Un autre homme* et *un troisième* surgirent qui portaient un rouleau de cordes et différents instruments. Le premier inspecta la pièce, et dit: “Appelez les camarades ”... Arsène Lupin passait d’un meuble à un autre, l’examinait et, suivant ses dimensions ou sa valeur artistique, lui faisait grâce ou ordonnait: “*Enlevez!*”

Et l’objet était enlevé, avalé par la gueule béante du tunnel ... Et ainsi furent escamotés six fauteuils et six chaises Louis XV ... En quarante minutes, le salon fut “désencombré ”...» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 64).

в) катафоры:

(123) «L’assassin a jeté dans la Seine tout ce qui pouvait le compromettre. *Une partie du paquet a été recueillie et me fut remise.*

— Par qui ?

— *Un batelier...*» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 125).

Анализ фактического материала показал, что одушевленная субстанция в позиции подлежащего в определенных синтаксических конструкциях не обозначает реального деятеля, поскольку он превращается в пациента. Признак неактивности одушевленной сущности означает, что она подобна объекту, вещи, телу [Кибрик 1990, 369].

Например:

(124) «Lorsque l’unique route de Saint-Clair menaça de devenir impraticable, *je fus ramenée au bourg*, dans la maison à peine moins ténébreuse que celle d’Argelouse» (F. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux», p. 59);

(125) «Pourquoi est-ce que vous n’êtes pas allé déjeuner chez les Malik, puisque *vous êtes invité?*» (G. Simenon. «Maigret se fâche», p. 55);

(126) «Mais *il a été renvoyé* de deux collègues» (F. Mauriac. «Le sagouin», p. 238).

Семантический субъект в пассивной конструкции не выражен, но подразумевается:

(127) «*L'homme a été enterré dans son abri et n'a eu que le temps de faire jaillir son bras*» (H. Barbusse. «L'enfer», p. 68);

(128) «*Les actions baissent un peu. Nous avons été prévenus. C'est une chose tout à fait normale*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 143);

(129) «*Professeur en Inde dans les années 55, j'ai, un jour, été pris dans une émeute sanglante*» (S. de Pasquale. «Paroles de stars», p. 255).

Для описания состояния объекта или результата действий субъекта используются глагольные лексемы, которые совмещают как минимум три роли: активную, свойственную акциональному субъекту, интерактивную, свойственную воздействующему на субъект объекту и пассивную, закрепленную за объектом, на который направлено действие. ИмPLICITНЫЙ одушевленный субъект (акциональный, перцептивный и т.д.), взаимодействует с одушевленным/неодушевленным объектом. Вследствие такого взаимодействия пассивный субъект или одушевленный объект приобретают новые качества:

(130) «*Mes parents Delahaie ont été expropriés, une fois, pour un terrain qu'ils avaient à la Rivière-Saint-Sauveur, quand on y a mis le chemin de fer*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 111);

(131) «*L'inquisiteur: Tu as été baptisée et toute petite tu as vécu à l'ombre de l'église qui touchait ta maison*» (J. Anouilh «L'alouette», p. 119).

Двучленные статальные конструкции фиксируют результат действия в отрыве от его семантического акционального субъекта. Первичным фактором, создающим потенцию пассивного преобразования, является семантика глаголов. Она подчеркивает одушевленную сущность как семантического субъекта, так и пациента:

(132) «*Il s'appelait Raskolnikoff: il a été empoisonné par des chocolats aux liqueurs*» (J-P. Sartre. «Les mains sales», p. 242);

(133) «La mère, trente-deux ans, née Léonte Durieux, avait commis l'erreur, quand *son mari avait été mobilisé* et depuis, de garder son fils dans son lit, comme lorsqu'il était enfant» (A. Stil. «Dieu est un enfant», p. 118);

(134) «Quand l'empire est tombé pour la seconde fois et que *le pauvre Ney a été fusillé* votre arrière-grand-père *s'est trouvé* par malheur et misère, dans le peloton d'exécution» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 56);

(135) «*Il a été révoqué de son poste* pour faute administrative. *Il a été reconnu coupable* de rébellion contre la personne du colonel (A. Lanoux. «Le commandant Watrin», p. 57).

Семантический объект — одушевленный пациент, оказывается, таким образом, в информативном фокусе. Выбор роли пациента, по-видимому, связан с речевой интенцией говорящего и его оценкой коммуникативной перспективы высказывания, с важностью того, что сообщается, с предшествующим и последующим контекстом. Употребление пассивного залога в высказывании в значительной мере объясняется различными экстралингвистическими причинами. При сравнительно одинаковой семантике пассивная и активная конструкции имеют различные синтаксические структуры — в пассивной конструкции акциональный семантический субъект элиминируется.

Темпорально длительная характеристика состояния пациента (статив) отмечается неопределёнными временами *Présent* и *Imparfait* глагола *être*. Например:

(136) «— Qu'est-ce qu'il y a? Répéta-t-il en anglais.

— Les Stukkas, Sir, *Nous sommes attaqués*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 76);

(137) «Un jour à l'école, il a passé toute une récréation au piquet, près d'un autre arbre, un vieux marronnier. *Il était appuyé* du cul, du dos et d'un pied au gros tronc rugueux, mauvais comme la gale de *s'être ainsi fait punir* (A. Stil. «Dieu est un enfant», p. 74).

Результат действия семантического субъекта (результатив) выражается формой точечных времен. Например:

(138) «Les Amable ont eu un seul enfant, *un fils qui a été tué* quelque part dans le nord de la France pendant la retraite de juin 1940» (P. Modiano «Les boulevards de ceinture», p. 17);

(139) «Vint enfin le soir où *je fus appelé* à mon tour dans le bureau du directeur» (A. Saint-Exupéry. «Terre des hommes», p. 91).

Такие употребления могут становиться устойчивыми речевыми клише:

(140) «*Il est reçu* dans les premiers» (A. Stil «Dieu est un enfant» p. 89).

На причину довольно частого употребления пассивных конструкций указывал Г. Шухардт. Он отмечал: “Если бы задача человека заключалась прежде всего в точном воспроизведении действительности, то он безусловно рассматривал бы агенс, насколько он доступен его познанию как субъект, и употребление пассива не было бы возможно: однако, когда человек создавал язык, он руководствовался лишь личным удобством. Углубление в действительность широко способствует пониманию языковых явлений” [Шухардт 1950, 109]. Таким образом, Г. Шухардт предвосхитил объяснение употребления пассивных конструкций как возможность объективизации онтологии языка, тогда как, по М.М. Бахтину, одушевленный субъект-протагонист, теряя амплуа «героя», становится пациентом, претерпевает действие, а субъект речи, не отождествляя себя с протагонистом, превращается в свидетеля, перекраивая, в соответствии с этой ролью, коммуникативную перспективу высказывания, меняя местами «тему» и «фокус» (см. [Алпатов 2001; Бахтин 2000]).

Такая трактовка может быть применена и к следующему типу редукции семантического субъекта действия (протагониста).

4.1.3. Латентность семантического субъекта в возвратно-пассивных конструкциях

Устранение субъекта из поверхностной структуры предложения приводит к возведению в позицию подлежащего неодушевленного объекта интерактивного типа.

Неодушевленный объект в роли подлежащего прямо или косвенно требует местоименных глаголов [Ruwet 1972], обозначающих действие, направленное на семантический объект. Заметим, что в нашей терминологии такой объект представляется как интерактивный (см. выше). Подобного типа местоименные глаголы, у которых подлежащим становится дополнение прототипического неместоименного глагола, называются объектными:

Les journaux s'achètent bien {Ob← Pr} = On achète bien les journaux.
{S(1) — Pr(2)→Ob(3)}.

Образованные от прямопереходных глаголов, местоименные — характеризуются уменьшением валентности на единицу по сравнению с исходными глаголами. Актуализированная облигаторная валентность глагола направлена на подлежащее:

(141) «*Toutes les lampes de l'escalier et du couloir venaient de s'allumer ...*» (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises» p. 27);

(142) «On entendit la portière de la voiture, puis *les phares s'éteignirent*» (R. Vailland. «Beau Masque» p. 99);

(143) «Et tu crois que ça va durer! *Les autres poêles vont se rallumer* d'un jour à l'autre» (B. Clavel. «La saison des loups», p. 76).

(144) *Les coupes de Champagne se sont entrechoquées* (P. Modiano. «Les boulevards de ceinture», p. 199).

В предложениях с местоименным пассивом подразумевается, но не называется семантический субъект [Храковский 1981]. Подлежащему соответствует семантический интерактивный объект. Эти конструкции

позволяют описать действие со стороны объекта. Субъект формально не выражен, однако семантика глаголов и неодушевленных имен, сумма их смысловых составляющих (ко-текст) предполагает его обязательное имплицитное присутствие.

Выражаемое семантикой глагола действие входит в поле деятельности человека, предметная ситуация не представляется возможной без имплицитного деятеля. Например:

(145) «*Toutes les sottises doivent se payer* » (A. Salacrou. «Histoire de rire», p. 188);

(146) «*Brasilia s'est bâtie très rapidement*» (le Petit Robert, p. 168);

(147) « *Bientôt, un attroupement se forma*» (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises», p. 127);

(148) «Dès l'instant où, rentrant à la maison, *la porte se referme*, je file dans la salle de bains me laver les mains et les pieds» (S. Pasquale. «Paroles de stars», p. 157);

(149) «*Cette jupe bleu marine se porte avec des chaussures à talon plat*» (авт.);

(150) «*Une fenêtre s'ouvrit et une lueur cireuse apparut. La fenêtre se referma. On entendit les bruits de verrous. Le gros homme parut*» (A. Lanoux. «Le commandant Watrin», p. 61);

(151) «Mais il fut interrompu par le bruit d'une serrure qui grince. *La porte en face de lui s'ouvrit*, et M-me Dugrival apparut» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 103).

Последовательность глаголов отражает возникновение состояния конкретных объектов (результатив), в частности изменение формы, цвета, размера, функционирования. Они могут передавать самый широкий спектр действий: от появления до разрушения и уничтожения интерактивного объекта.

Семантика глаголов, которая выявляет взаимодействие интерактивного объекта и реального деятеля в возвратно-пассивной конструкции, проявляет

достаточные и необходимые условия для имплицирования семантического субъекта.

4.1.4. Невыраженность семантического субъекта в возвратно-каузативных конструкциях

Одушевленный пациент сохраняет позицию подлежащего в предложении, выражающем действие, с помощью возвратно-каузативных конструкций “se faire + Inf”, “se laisser + Inf”, “se voir + Inf”. При этом синтаксическая позиция дополнения остается пустой, не занятой именем реального деятеля. Формально пропозиция выражена не полностью. Например:

(152) «On risque de pleurer un peu si *l'on s'est laissé apprivoiser* ....(A. Saint-Exupéry «Le petit prince», p. 8);

(153) «*Des premiers couillons voteurs et drapeautiques qu'emmena le Dumouriez se faire trouser* dans les Flandres» (L-F. Céline. « Voyage au bout de la nuit», p. 93);

(154) «Où était la gerbe étincelante? Dans quel temps, dans quel lieu *pourrait-elle se laisser cueillir?*» (P. Fleutiaux. «Histoire du tableau», p. 312);

(155) «*Muraille refuserait de se laisser bander les yeux* en déclarant qu'il voulait assister à cette comédie jusqu'au bout» (P. Modiano. «Les boulevards de ceinture», p. 206).

Возвратно-каузативная конструкция подверглась значительной грамматикализации, вследствие чего подлежащее выражает интерактивный объект действия, в качестве которого выступает сам субъект [Tesnière, 1959: 265].

Например:

(156) «Mais attention, si *tu te fais prendre, couic! La corde!*» (B. Taslitzki. «Interprétation libre», p. 45);

(157) «En arrivant *ils se voient retirer leur passeport* et doivent prendre un pseudonyme» (Figaro, 4.01.95, p. 21).

В позиции подлежащего могут оказаться и неодушевленные имена существительные, семантика которых метафорически (метонимически) предполагает неразрывную связь с одушевленной разумной субстанцией, с категорией “человек”. Например:

(158) «*Les Musées nationaux se voyaient offrir vingt objets de leur choix*» (M. Rheims. «Le cheval d'argent», p. 61);

(159) «Unanimement salué par la critique, *ce roman qui vient de se voir attribuer* le prestigieux prix Goncourt, prouve que le chant épique trouve un écho universel» (Paris-Match, 19.11.92, p. 39).

Отсутствие формы выражения семантического субъекта может быть объяснено его неизвестностью или, наоборот, очевидностью для коммуникантов. Кроме того, реальный деятель выводится из фокуса речевой интенции. Действие и его результат описываются с позиции наблюдателя, пациенса – бенефицианта [Бондарко 1978].

Например:

(160) «Après une nuit qui avait été courte, ce travail le fatigua un peu. Mais il fallait attendre le patron, lui rendre les clés. *Il se ferait payer*, et il s'en irait» (R. Jacik. «Place Sainte-Elisabeth», p. 47);

(161) «*Je me suis tout fait voler*. Mais pas en une fois. J'ai été cambriolé à huit reprises» (S. de Pasquale. «Paroles de stars», p. 137);

(162) «Sur le Lozère, les formes au moins étaient respectées: contre la brebis, le sac de pommes de terre, le fromage ou le double-décalitre de châtaignes, *le paysan se voyait accorder un reçu* auquel il ne faisait que semblant de croire ... (J-P. Chabrol. «Les comptes du maquis», p. 5).

Во французском языке эта конструкция используется как определенный технический прием выражения залоговых отношений, позволяющий не изменять подлежащее при изменении реальных производителей действия [Гак, Ройзенблит 1965, 59]. В случае невыраженности семантического субъекта

возвратно-каузативная конструкция по значению приравнивается к пассивной или неопределенно-личной формам (см выше).

Например:

(163) «Hugo: Rends-moi ce revolver.

Jessica: Jamais de la vie: Je l'ai gagné. Sans moi *tu te le serais fait prendre* (J-P. Sartre. «Les mains sales», p. 117-118) = 'On t'aurait pris; Tu aurais été pris' ;

(164) «Atkins, vous sauterez, vous m'entendez! Vous sauterez! Je vous donne l'ordre de sauter. *Atkins se laissait secouer* de droite et de gauche sans résistance. Il avait l'air morne et hébété (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 84). = On secouait Atkins de droite et de gauche; Atkins était secoué de droite et de gauche;

(165) «*Je me fais raser* dans le salon de coiffure. = On me rase dans le salon de coiffure (авт.).

Местоименные формы глаголов “se faire”, “se laisser”, “se voir” передают объектный характер одушевленной субстанции по отношению к действию. Семантическое значение действия сосредоточено в неопределенной форме глаголов. Агентивное дополнение, выражающее семантический субъект, не представлено в структуре “se faire + Inf”; “se laisser + Inf”, “se voir + Inf”: реальный деятель — имплицитен.

Например:

(166) «Pas de chance que, juste à ce moment-là *tu te sois fait emballer* pour une vieille affaire» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p. 154) ;

(167) «Hoederer: Cette affaire va finir.

Hugo: Quelle affaire?

Hoederer: L'affaire avec Karsky. *Il se fait un peu tirer l'oreille*, avec ça ira plus vite que je ne pensais» (J-P. Sartre. «Les mains sales», p. 189);

(168) Car celui-ci était un malin qui travaillait dans la droguerie. *Il s'était fait construire* une villa qu'il n'habitait que les 3 mois d'été et il entendait payer ses frais avec les locations d'hiver et de printemps» (G. Simenon. «Sous peine de mort», p. 246).

Пациенс в указанных конструкциях не полностью пассивен, он выступает в определенной мере каузатором действия. Например:

(169) «Comme la voiture entrait en ville, *Rivière se fit conduire* au bureau de la Compagnie» (A. Saint-Exupéry. «Vol de nuit», p. 42);

(170) «Où qu'il aille, *il risquait de se faire prendre*» (G. Simenon. «Sous peine de mort», p. 236);

(171) «*Le premier* qui entrouvre une porte *se fait terrasser d'un mot ou d'un signe*» (A. Stil «Dieu est un enfant», p. 17);

(172) «*Tous les gens*, qui défilaient dans les couloirs du Paritz *semblaient aller se faire tirer* et les employés derrière la grande caisse eux aussi, tout juste faits pour ça» (L-F. Céline. «Voyage au bout de la nuit», p. 81);

(173) «*Il s'est laissé entraîner* sur tout autre terrain» (R. Vailland. «Beau Masque», p. 114);

(174) «*Le laboureur consentait* non sans grondements et sarcasmes *à se laisser bouchonner*» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 230);

(175) «Ce jour-là pourtant, après une mauvaise nuit, *il était allé d'une traite à Bordeaux, pour se faire examiner*» (F. Mauriac «Thérèse Desqueyroux», p.50).

4.1.5. Имплицитность семантического субъекта в конструкциях, образованных глаголами-конверсивами типа “recevoir”

Изменение описания действия происходит способом конверсии. Возможность образования семантико-синтаксической конверсии создается имеющейся общностью значений двух или более лексических единиц. Например: значению “передачи” соответствуют глаголы: “передавать – получать”: “donner”/ “émettre”/ “transmettre”/ “envoyer”/ “offrir”/ “proposer” – “recevoir”/ “prendre”/ “trouver” и т.д. Следует отметить, что глаголы – лексические конверсивы, которые, несмотря на наличие общей семы, имеют обратные по характеру значения. На примере глагола конверсива “recevoir” рассмотрим, как глаголы подобной семантики употребляются в

соотносительных конструкциях с прямой и обращенной ролевой структурой. При конверсивном преобразовании имплицированный субъект действия и эксплицитный бенефициант синкретически совмещаются в семантике глагола:

(176) «*Mais maman voulait que notre début rue Vandamme fût considéré comme une date capitale et nous reçûmes tous des vêtements neufs* (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 54);

(177) «*Un jour, nous reçûmes une lettre portant la mention imprimée: Chambre des notaires*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 120).

Действия, выраженные глаголами “donner”, “émettre”, “envoyer”, “offrir” будут иметь смысл лишь при реализации семантики бенефицианта. Использование конверсива “recevoir” позволяет имплицировать субъект действия за счет бенефицианта в позиции подлежащего. Он становится в этом случае темой сообщения. Начальная позиция бенефицианта в предложении позволяет выделить его характерные функции: пассивность и зависимость от имплицированного акционального семантического субъекта:

(178) «*Je recevrai demain l’avis officiel du non-lieu*» (F. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux», p. 18);

(179) «*Nous pourrions peut-être prendre en location cet appartement vacant, l’appartement voisin. Pense: le double de place!*

— Mais Raymond ...

— Oh! Pas demain, bien sûr. Dès que *nous aurons reçu les nouvelles du Havre*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 80);

(180) «*Tout va bien, je reçois un message magnifique*» (A. Saint-Exupéry. «Vol de nuit», p. 100);

(181) «*Elle reçut une petite claque sur la joue*» (S.G. Colette. «Gigi», p.28).

Когда в высказывании употребляется глагол “recevoir”, его конверсив (“donner”/ “émettre”/ “transmettre”/ “envoyer”/ “offrir”/ “proposer”, etc.), связанный с семантическим акциональным субъектом, имплицирован и остается за пределами синтаксической структуры предложения. Таким

образом, происходит устранение семантического акционального субъекта из конструкций, образованных глаголом “recevoir”.

Глагол “recevoir” констатирует логическое завершение действия, направленного на его конечную цель – «бенефицианта» и придает высказыванию статус «результатива». Например:

(182) «Quelques jours après, *je reçus un billet* pour les grands autocars de l'autoroute» (P. Fleutiaux. «Histoire du tableau», p. 304);

(183) «*Il a reçu du papier timbré*, pour l'affaire de l'automobile» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 286);

(184) «*J'ai reçu, matin même, une première tranche*, la moitié» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 165).

В полипредикативных предложениях действие, передаваемое конверсивом, может каузировать действие или состояние семантического субъекта. При этом порядок слов может изменять анафоро-катафорические отношения имплицитного и эксплицитного субъектов. Например:

(185) «*Rivière décrocha l'écouteur, reçut le bourdonnement du monde*» (A. Saint-Exupéry. «Vol de nuit», p. 52);

(186) «Lorsque *Philippe avait reçu son poste* à la Filature, son grand-père lui avait abandonné le pavillon des concierges» (R. Vailland. «Beau Masque», p.66);

(187) «Muraille ne m'a-t-il pas montré *les lettres de menaces qu'il recevait* ?» (A. Stil. «Dieu est un enfant», p. 173).

Как следствие конверсивы используются как средства формирования актуального членения предложения. Часто конверсивы позволяют уводить в пресуппозицию ту или иную часть высказывания, а также выражать причинно-следственные связи.

4.2. Устранение семантического субъекта посредством номинализации

В грамматической организации дискурса глаголы и имена, отражающие разнообразные действия, связаны между собой линией взаимных переходов, обусловленных интенцией акта коммуникации.

Трансформация, с помощью которой процесс, имеющий место в действительности, обозначается не глаголом, а существительным, называется номинализацией. Именно в номинализированных конструкциях проявляется закономерность формальных глубинных связей имени существительного и глагола, которая вызывает устранение семантического субъекта. Глагольные и именные формы выражения варьируются, заменяют друг друга, используются в одном синтагматическом ряду.

Наглядную иллюстрацию взаимосвязи глагола и имени можно, например, обнаружить в равнозначных пассивным предложениях, в которых глагол заменен аналитической глагольно-именной конструкцией, а семантический субъект имплицитно подразумевается. Например:

(188) «*Le pantarobe, mi-courtelle mi-florgalle, est en vente au prix de cent francs*» (J. Forgère. « Libre service», p. 53);

(189) «A Swiecko, sur la rive polonaise du fleuve Oder, *un gigantesque terminal de 550 places est en constuction* pour le contrôle à l'entrée dans l'Union européenne» (Figaro, 3.01.95, p. 11);

(190) «La direction de Lens souhaite humaniser *un quartier* qui, pour l'heure, *est lugubre et en plein travaux*» (Figaro, 3.01.95, p.20);

(191) «2148 avaient été indemnisées à la fin décembre, tandis que *157 dossiers étaient toujours en cours de traitement ...*» (Figaro, 4.01.95, p. 9).

Глагольные характеристики в отглагольном существительном скорее не столько сняты производным словом, сколько эксплицитно не выражены и содержатся в нем в качестве семы «действие субъекта». Скрытые глагольные

признаки при необходимости актуализируются в процессе коммуникации. Отглагольное имя заменяется семантически равнозначным глаголом и наоборот. Например: «On vend ce pantarobe ...» ; «On construit ce gigantesque terminal ...»; « On aménage ce quartier»; « On traite encore 157 dossiers» и т.д.

Соотносительность именных и глагольных форм выражения порождает возможность выбора. Обращение к различным средствам языковой номинации действия дает возможность субъекту речи дифференцированно передавать дополнительные нюансы языковой интерпретации, весьма существенной для восприятия содержания высказывания. Таким образом, воплощение процесса в форме имени, в смысловой структуре которого имеется соответствующее глагольное значение, служащее характерной чертой номинализированных конструкций, достигается путем транспонирования. Важную роль транспонирования словесных знаков отмечал в свое время Ш. Балли. Он писал: “Замкнутые в своих категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегориальным заменам мысль освобождается, выражение обогащается и получает различные оттенки ” [Балли 1955, 143].

Отглагольные существительные, несущие основную информацию о действии представляют неизосемические с точки зрения выражения пропозиции предложения [Bonnard 1974].

Подобного типа существительные вторгаются в сферу функционирования глагола. Особенно сближаются существительные подобной семантики и инфинитивы, т.к. они выражают действия, отвлеченные от деятеля [Vikner 1980]. Наиболее наглядно сближение имени и инфинитива проявляется в конструкциях с глаголами восприятия. Например:

(192) «A ce moment, *nous entendîmes frapper doucement à la porte* (G. Duhamel). «Vue de la Terre promise», p. 295);

(193) «*Maman ne voulait pas entendre parler d'une rente*» (F. Mauriac. «Le noeud de vipères», p. 116);

- (194) «*Maillât entendit jurer d'une voix profonde. De nouveau Maillât perçut ce même cri étouffé*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 120);
- (195) «Je passe près de boutiques basses. *J'entends crier, hurler: "Oui! – Non!"*» (H. Barbusse. «L'enfer», p.44);
- (196) «A ce moment précis, *il entendit la grille de l'enclos grincer musicalement, puis une clé, en bas, dans la serrure*» (S.G. Colette. «Gigi», p.52);
- (197) «*On entendait des allées et venues, en bas*» (G. Simenon. «Maigret se fâche», p. 113);
- (198) «*On entendit un grondement au-dehors du tonnerre*» (A. Lanoux. «Le commandant Watrin», p.37);
- (199) «*J'entendis un galop qui se rapprochait et eus à peine le temps de m'écarter: Mme Martineau passa sans me voir...*» (F. Mauriac. «Un adolescent d'autrefois», p. 289);
- (200) «*Il entend une voix lointaine*» (P. Moustiers. «La paroi», p. 167);
- (201) «*J'entends un chant murmuré tout près de mon oreille*» (H. Barbusse. «L'enfer», p. 40);
- (202) «*Nous percevions les éclats de la voix vengeresse, des mots, des mots, des mots*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 155);
- (203) «*J'écoutais toute cette scène de mon lit*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 160);
- (204) «*Ils écoutèrent des pas qui s'éloignent*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 78);
- (205) «*Anthème a entendu les coups de marteau* (P.Moustiers. « La paroi», p.27);
- (206) «*Il surprend des voix basses, un sourd remue-ménage des pas précipités dans le cabinet de toilette*» (F. Mauriac. «Le noeud de vipères», p. 129);
- (207) «Un soir, en rentrant à la maison, *je perçus le bruit d'une vive querelle*» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p.242).

Некоторые имена, например: *un pas, un cri, une voix, etc*, обозначающие проявления (звучащие) деятельности человека, рассматриваются нами как номинализация, ее супплетивные формы проявления. В тексте семантический субъект определяется с помощью анафоры и катафоры.

Номинализация (имя в роли второстепенного члена предложения) и полуноминализация (инфинитивные обороты) способны объединить две и более пропозиции в одно высказывание.

Осложненные номинализацией предложения, референтом которой являются действия, процессы, представляют собой, если продолжить мысль Л. Теньера, пьесу в пьесе.

Различаются субъектная, в роли подлежащего, и объектная, в роли дополнения, номинализации [Гак 1976].

4.2.1. Субъектная номинализация

Процессное имя, занимающее позицию подлежащего, и глагол, выражающий характер действия и предикативные значения (время, модальность), составляют единое функционально-семантическое целое. Отглагольное имя соотносится с семантически ослабленными глаголами, выражающими [Martinet 1979]:

- 1) бытие: *avoir lieu, se manifester; etc.*
- 2) возникновение, развитие, изменение ситуации, названной предикатным именем: *se produire, se former, se réaliser, se faire, etc;*
- 3) изменение физических характеристик процесса, за которым стоит человек: *s'accélérer, ralentir, etc;*
- 4) повторяемость: *se répéter, reprendre, etc;*
- 5) аспектуальные характеристики процесса, в частности его фазу: *s'achever, se terminer, s'interrompre, s'arrêter, etc;*
- 6) движение: *aller, venir, bouger, etc*, употребленные в переносном значении [Guiraud, 1967];

7) оценку действия: *s'améliorer, empirer, etc.*

Использование имен со значением действия дает возможность имплицитно выражать субъект действия, он остается “за кадром”, и сфокусировать внимание на самом действии, подчеркнуть характер его протекания. Благодаря устранению семантического субъекта из поверхностной структуры предложения обозначаемое действие представляется как “данное”, осуществляющееся как бы “само по себе” без дополнительных указаний на деятеля, вследствие чего на действии сосредоточено внимание. Например:

(208) «L' enfant ne bougeait pas.

— Entends-tu ce que je dis? Sors! *La punition a assez duré*» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p.79). — Протагонист (кто наказал мальчика) не конкретизируется, речь идет о самом действии, его характере и времени протекания.

(209) «*L'implantation de l'industrie se poursuivait* après la Seconde Guerre mondiale» (R. Merle. «Derrière la vitre», p. 21).— Субъект речи намеренно не уточняет, кто развивает экономику, для него важнее, что промышленное внедрение продолжилось.

Отсутствие семантического протагониста в исследуемых структурах не нарушает их семантической завершенности. Нам представляется, что невыраженность реального деятеля имеет функцию организации коммуникативной перспективы и фокуса высказывания, которые предполагают несущественность обозначения семантического субъекта-протагониста и вследствие этого – важности проявления самого действия. В этой связи интересной и актуальной для нас является мысль А.Ф. Лосева о том, что язык говорит о предметах и явлениях именно в зависимости от того, что сознание намерено из них выбрать для передачи другому сознанию. А.Ф. Лосев выделяет в языковой коммуникации акт понимания предмета, отличая его от акта мышления. Акт понимания, по Лосеву, имеет своей целью выдвинуть в данном (предмете) одни стороны и отодвинуть, затемнить другие, с целью так или

иначе понять этот предмет и в том или ином свете сообщить его другому сознанию [Лосев 1983, 182].

Возможность представить событие действительности несколькими языковыми способами и, тем самым, дифференцированно отразить многообразие вариантов видения данного события, придает самому событию важную смысловую перспективу. Так, сопоставление разных возможных вариантов языкового представления одного и того же явления позволяет более точно воссоздать интенционал для случаев его семной конкретизации и референции.

В структурах с субъектной номинализацией обозначение семантического субъекта-протагониста несущественно. При несущественности выражения реального деятеля нет и референта. Протагонист представляется в сознании говорящего интенционально, на уровне «скрытой семы» [Растье 2001], что подкрепляется семантикой имен существительных.

Таким образом, сущность рассматриваемых конструкций заключается не столько в выражении неопределенности агенса, сколько в выражении несущественности его референтной релевантности как по признаку определенности, так и по признаку неопределенности. Например:

(210) «Nous arrivons à Paris et *l'entretien s'arrêta là*» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 286);

(211) «*La dispute se ralluma pendant le déjeuner*» (F. Mauriac. «Le noeud de vipères», p. 136);

(212) «Avec cette neige qui se prépare, *la descente serait plus longue que la montée*» (P. Moustiers «La paroi», p. 106). — Говорящий констатирует действие и фазу его протекания;

(213) «Un *rire fusa* de quelque part et il se retourna, l'oeil féroce, puis s'adressa enfin à Labre» (G. Simenon. «Sous peine de mort», p. 222);

(214) «Elle n'eut pas le temps d'achever, *les applaudissements crépitèrent*» (R. Merle. «Derrière la vitre», p. 433);

(215) «*La sonnerie avait retenti, brutale, le rappelant à l'ordre*» (G. Simenon. «*Maigret se fâche*», p. 103);

(216) «*Les raclements de la pelle retentissaient comme au fond d'une caverne sonore*» (E. Roblès. «*La croisière*», p.85). Действие, выраженное субъектной номинализацией, в своем интенционале имеет сему «перцепции».

Рассматриваемые конструкции с субъектной номинализацией содержат в себе весьма скудную косвенную информацию о семантическом субъекте. В предложении “*Un cri s'éleva*” мог закричать один человек и могли крикнуть тысячи. То же самое можно наблюдать и в предложении, в котором существительное “*un cri*” было бы во множественном числе: “*Les cris se suivent*”. Реальный деятель в данном предложении может быть как единственным, так и множественным. С уверенностью можно лишь сказать, что действие — антропоморфно. Употребление же отглагольных существительных во множественном числе является одним из основных показателей многократности и интенсивности семантики действия.

Предикативное имя в позиции подлежащего не указывает на количественную определенность семантического субъекта в привычном для нас смысле “один – больше одного”. В конструкциях с субъектной номинализацией количественная определенность несущественна.

Однако выявить количественные характеристики реального деятеля можно не только с помощью контекста и ситуации, но и с помощью семантического значения существительного. К примеру, семантика подлежащего “*le combat*” в предложении “*Le combat se termina*” подсказывает, что действующих лиц было несколько, не меньше двух.

Следует отметить, что конструкции с субъектной номинализацией встречаются в начале определенного смыслового континуума (повествования) или же, наоборот, в его конце. Если эта конструкция начинает впервые высказанную мысль, то следующая за ней фраза или часть сложного синтаксического целого, как правило, определяет действующее лицо, если,

конечно, это входит в замысел говорящего. Появлению в тексте конкретного субъекта предшествует информативная преамбула. Но такая номинация может быть косвенной или метонимической (см. ниже). Например:

(217) «*Le repas commença* par un potage, comme à la campagne, dans lequel nageaient des pâtes en formes de lettres. *Cela rappela à Olivier* le temps où il apprenait l'alphabet avec ces lettres molles qu'on amenait sur le bord de l'assiette pour former des mots (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises», p. 42);

(218) «*L'agitation prit fin* d'une seconde à l'autre. Il y eut un silence de quelques secondes, puis *une voix changée questionna*, méfiante: Qu'est-ce que vous savez?» (G. Simenon. «Maigret se fâche», p. 77);

(219) «*La discussion* autour de la table ovale *rebondissait*. *Les uns* parlant pour, *les autres* contre et Nunc suivait les débats avec un certain malaise» (R. Merle. «Derrière la vitre», p. 475);

(220) «*Les baisers claquèrent* sur les joues, puis *l'oncle* serra les mains des *jeunes gens* qui rentrèrent bien vite chez eux» (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises», p. 186);

(221) «*La persécution* avait suivi toutes les nuits et toutes les heures de la nuit, *des étudiants* se relayaient pour l'appeler au téléphone à son domicile et l'injurier sous le couvert de l'anonymat» (R. Merle. «Derrière la vitre», p. 412). Семантический субъект выявляется катафорически.

В конце высказывания (характеризующегося законченностью мысли) редукция субъекта подчеркивает объективность завершения некоторого процесса или действия. Например:

(222) «*Le dîner venait de s'achever* et l'on passait au salon» (P. Souvestre, M. Allain. «Fantômas», p. 135);

(223) «“Appellez les camarades”. De ces camarades, il en vint huit par le soulerrain, gaillards solides, au visage énergique. *Le déménagement commença*» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 64);

(224) «Les antécédents déplorables de Victor Danègre récidiviste, ivrogne et débauché, influencèrent le juge, et bien qu'aucune circonstance nouvelle ne vînt corroborer les deux ou trois indices primitivement découverts, rien ne put l'ébranler. Il boucla son instruction. Quelques semaines après *les débats commencèrent*» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 52).

Как можно заметить, субъект, будучи единственным протагонистом, пронизывает текст единой смысловой связью и существует в едином нарративном пространстве (une narration).

Семантико-смысловое пространство текста с имплицитным субъектом легко ограничивается структурами с субъектной номинализацией. Например:

(225) «Brusquement *une clameur s'éleva. Un des Stukkas avait dû être blessé* par la D.C.A. du torprilleur. Il revenait vers la terre péniblement. Il volait bas, à faible vitesse. On avait dit qu'il se traînait dans l'air. De tous les coins de la petite ville *une fusillade* rageuse *éclata*. Mais *les hurlements* de la foule la *dominaient* presque» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 45);

(226) «*Un cri immense, inhumain jaillit* de la foule. L'avion parut s'immobiliser comme si son hélice soudain n'arrivait plus à mordre dans l'air, et *Maillât* l'espace d'une seconde eut l'impression absurde qu'il reculait. Puis subitement, il reprit de la vitesse, disparut derrière les maisons. *La fusillade s'éteignit*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 45).

Как следует из примеров, адвербиальные компоненты при финитном глаголе чередуются с прилагательными и причастиями в структурах с субъектной номинализацией. Использование данных структур позволяет увеличить гибкость выразительных средств языка и выделить различные оттенки процессов и действий, протекающих в действительности. Семантика процесса обнаруживается в имени, а грамматические категории – в глаголах. Имя и глагол составляют неразрывные единства. Подобный тип развернутых номинализаций порождает более или менее идиоматизированные сочетания [Gross 1986] (см. ниже).

Номинализация вносит объективность в онтологию дескрипции процесса и создает возможность разнообразить косвенные способы выражения семантического субъекта. Она выступает как степень обобщенного выражения действия или протекания процесса в функционально-семантическом поле персональности. Номинализация существенно пополняет систему номинативных средств языка синкретичными, сжатыми, экономными способами выражения сложного содержания [Ли 1995].

В заключение отметим, что явление субъектной номинализации — явление универсальное, свойственное многим языкам. Частота употребления и способы ее выражения в разных языках неодинаковы, общим для них является способность устранять семантический субъект на поверхностном уровне (в плане выражения).

4.2.2. Латентность семантического субъекта в структурах с объектной номинализацией

Реальный деятель имплицитно устраняется из конструкций, в которых глагол “être” предшествует имени, выражающему понятие действия, процесс, событие.

В конструкциях с неназванным семантическим субъектом подлежащее обозначено указательным местоимением “ce”, в роли сказуемого выступает экзистенциальный глагол “être”, который выражает значение “наличия”, “существования” не только предметов и явлений, но и действий, процессов. Глагол “être”— лексически ослаблен, семантически неполнозначен, что обуславливает его теснейшую связь с местоимением “ce” и именем в позиции дополнения. Используя структуру $c'est + N^v$, говорящий выносит свое суждение о действии, оценивает истинность или ложность пропозиции. Например:

(227) «Nos adversaires crient que nous n'avons pas de programme. *C'est une calomnie*; nous avons un programme, mais... (A. France. « Monsieur Bergeret à Paris », p. 154).

(228) «Tout ça, *c'est du mensonge*, mon Père. Et pourtant, vous êtes prêtre» (B. Clavel. «La saison des loups», p.39).

(229) «— Racontez-moi une bonne crème au chocolat.

— Oh: *ce n'est pas l'examen*» (авт.);

С именами, выражающими действие или процесс, презентатив *c'est* образует пропозиции, с помощью которых субъект речи (энунциатор) идентифицирует, классифицирует, характеризует действие имплицитного субъекта-протагониста. Действие невыраженного субъекта идентифицируется в следующих примерах:

(230) «César, les yeux au ciel. Bonne mère, *c'est un meurtre*, mais c'est lui qui l'a voulu» (J. Anouilh. «L'alouette», p. 98);

(231) «Lampions, drapeaux tricolores, bal public, pense Paul. Alors ça aussi *c'est une bataille ... Vive la République!*» (P. Vaillant-Couturier. «Enfance», p. 75);

(232) «Le lendemain il me fit le plus beau cadeau que j'aie reçu de ma vie: un petit bloc de vrai papier à dessin et tout petit bout de crayon.

— Tiens, c'est pour toi, cela provient du bureau d'étude des S.S. Disons que *c'est une réquisition*» (B. Taslitzki. «Interprétation libre», p. 45).

Говорящий дает наименование референциальному действию, отграничивая его от других явлений объективной действительности. Конструкция *c'est + N^v* служит уточнению референтного содержания действия. Иногда суждение по поводу референта носит метаязыковой характер и касается идентификации речевой интенции говорящих (иллокутивной силы высказывания). Например:

(233) «— Pas un geste, vous m'entendez?

— *C'est une menace?*

— Peut-être. En tout cas, *ce n'est pas une plaisanterie*» (P. Moustiers. «La paroi», p. 14);

(234) «Hoederer: Fermez les volets et tirez les verrous, on ne sait jamais qui rôde dans le jardin. *C'est un ordre*» (J-P. Sartre. «Les mains sales», p. 112);

(235) «César: Je dis que je vais manger une soupe au poisson chez Mosteque. *Ce n'est pas une explication, c'est un renseignement*» (M. Pagnol. «Marius», p. 47);

(236) «— Ram, dit notre mère vivement, il ne s'agit pas d'une avance, puisque *c'est un remboursement*, c'est-à-dire tout le contraire» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 167).

Поскольку в рассматриваемых высказываниях основная информативная нагрузка сосредоточена в именном компоненте, особый интерес представляют детерминативы имени, т.к. именно они в значительной степени определяют семантику пропозиции, внося в высказывание дополнительные оттенки значения и коннотации. Например:

(237) «Hélène: Quelles vilaines choses veux-tu insinuer?

Jules: *Ce fut un voyage manqué*» (A. Salacrou. «Histoire de rire», p. 144);

(238) «Il y avait des cris autour d'eux maintenant. *C'est une sorte de plainte faible, aiguë, émasculée*» (R. Merle. «Week-end à Zuylcoote», p. 84);

(239) «Complet en bas... Encore trois places à l'impériale... *C'est une promenade magnifique*» (P. Vaillant-Couturier. «Enfance», p. 73).

Следует отметить, что конструкции с объектной номинализацией *c'est + N*, подобно структурам с субъектным элементом, способны начинать и заканчивать в тексте мысль об антропоморфном действии. Например:

(240) «Au Nord, au Sud, à l'Ouest, *ce sont des batailles* de tous côtés dans la distance. On peut se tourner dans un sens ou l'autre de l'étendue: il n'y en a pas un seul au bout duquel la guerre ne soit pas» (H. Barbusse. «Le feu», p. 63).

В предложениях с объектной номинализацией, особенно если они начинают текст, нейтрализуется оппозиция подлежащего и сказуемого,

процессное имя обозначает действие нерасчлененно. Говорящий подобной фразой в начальной позиции вводит слушающего в эпицентр действия.

Рассмотрим примеры, противоположные первому, когда предложение с объектной номинализацией находится в конечной позиции. Например:

(241) «Il y a dans l'assistance des tas de copains qui font partie de la bande que Paul a constitué depuis longtemps, une bande romantique de redresseurs de torts dont Lalouette fut jadis le premier élément et compte Grünewald, Rollin et Lena comme lieutenants. *C'est une ruée*» (P. Vaillant-Couturier «Enfance», p. 108).

Предложение “C'est une ruée” подводит черту вышесказанному, субъект речи производит идентификацию предстоящего действия.

Начальная или конечная позиция в тексте презентатива “c'est” с объектно-номинализированным компонентом информационно чрезвычайно значима. Подобные конструкции несут ровно столько информации, сколько это необходимо для адекватного понимания высказанной мысли. Для выявления информационной ценности высказывания его следует соотнести с соответствующим контекстом или ситуацией. Приведенные примеры микротекстов свидетельствуют о том, что для решения коммуникативных задач существует необходимость объектной номинализации в указанных дискурсивных позициях.

Таким образом, выбор говорящим номинативных конструкций обуславливается его коммуникативной интенцией. Субъект речи отдает им предпочтение как эффективному средству языковой экономии, особенно в случаях косвенной номинации семантического субъекта. Как показывает анализ фактического материала, разновидность акциональных фрагментов может быть представлена структурой *c'est + terme nominalisé*, которая устраняет коммуникативно-избыточные элементы из состава пропозиций. В фокусе внимания субъекта речи находятся только номинализированные действия или процессы. Семантический субъект-протагонист выявляется из совокупности ко-

текста (анафоро-катафорические связи), контекста и ситуации развертывания дискурса.

4.2.3. Элиминация семантического субъекта из конструкций, образованных безличным оборотом *il y a + N*

Безличным оборотом *Il y a + N^v* утверждается наличие / отсутствие в определенном фрагменте мира некоторого действия. Например:

(242) «*Il y eut un petit rire et Alexandre détourna la tête*» (R. Merle. «Week-end à Zuylcoote», p. 146);

(243) «— Grenoble est une ville de passage; c'est intéressant à cause du monde qu'on y voit: *il y a beaucoup de remue-menage*.

— Oui, les gens vont, viennent» (Crédif, p.46);

(244) «*Il y eut aussi quelques cris aigres, quelques bonds, puis de nouveau une accalmie, mais illusoire, incertaine*» (E. Roblès. «La croisière», p. 98).

Безличный оборот “*il y a*”, как и экзистенциальные глаголы, не раскрывают в полной мере интенционал (содержание понятия) семантического действия. Называя события на уровне референта (экстенционала), они указывают на них, чем приближаются к экзистенциальному дейксису (ср. [Wagner 1964]).

Оборот “*il y a*” с предикативным именем образует фактуальный тип экзистенциальных предложений. Например:

(245) «Paul serait resté là jusqu'à la fermeture mais *il y avait* au Louvre *des pèlerinages obligatoires*» (P. Vaillant-Couturier «Enfance», p. 77);

(246) «Petit Doré et le grand Gars se précipitèrent avec une navrante impétuosité. *Il y eut une bousculade* à la porte. Léon Gars prit l'avantage et réussit à sortir le premier» (M. Aymé. «La retraite de Russie», p. 32).

Рассмотренные предложения представляют фактуальную пропозицию с её причинно-следственными связями. Имплицитный субъект заключен в номинации интерактивного объекта. Экспликация протагониста превратила бы приведенные выше пропозиции в событийные. Ср.:

(247) «*Il y a des petits rires à cette réponse et le Promoteur se rassoit, confus*» (J. Anouilh «L'alouette», p. 23);

(248) «*Il y eut quelques sifflements, grincements et chuintements, puis un paso doble éclata* (A. Lanoux. «Le commandant Watrin», p. 57);

(249) «*Il n'y a pas de coup de téléphone pour moi ce matin*» (G. Simenon. «Maigret se fâche», p. 83).

По характеру действия невозможно определить истинного деятеля. В самой семе действия заложен абстрактный семантический субъект. Информация, вводимая оборотом, превращается в пресуппозицию. Косвенным образом утверждается существование протагониста, из действий которого вытекают определенные последствия, помещающиеся в фокус высказывания.

Однако информативный голод, как пишет Н.Д. Арутюнова, утоляется тем, что характер происшествия, на которое намекает конкретное существительное, достаточно определенно подсказывается смыслом последнего [Арутюнова 1976, 143]. Компенсация сведений, касающихся реального деятеля, происходит за счет контекста, ситуации и уже имеющихся у слушающего сведений (фоновые знания, пресуппозиция и т.п.). Редукция имени деятеля на синтаксическом уровне не идет в ущерб коммуникации.

Конструкция *il y a + N* сообщает о макром мире человека, о событиях, происходящих во внешнем для человека пространстве, поэтому оборот включает локализатор места при акциональном имени и имеет пространственную ориентацию.

Например:

(250) «*Il y eut des manifestations devant les bureaux de l'île Saint-Louis*» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p.68).

Исследуемая конструкция обозначает событие, протекание которого зависимо как от неопределенного, так и определенного деятеля, однако данная конструкция предназначена скорее сообщать о самом действии и месте его протекания, чем об участнике / участниках описываемых событий.

Поскольку событийные понятия соотнесены со временем, время действия находит свое выражение в соответствующих формах глагола “avoir”. Говорящий производит членение действительности на определенные в зависимости от продолжительности, однократности или многократности действия фрагменты.

Например:

(251) «*Il y eut un craquement sec, et une flamme brilla*» (R. Merle. «Week-end à Zuudcoote», p. 103);

(252) «*Il y avait des jurons, des disputes*» (R. Merle. «Week-end à Zuudcoote», p. 35).

Как показывает языковой материал, значительная распространенность оборота *il y a + N* объясняется тем фактом, что он дает возможность сохранить темо-романтическое построение высказывания во французском языке и выделить в позицию ремы главный семантический компонент — сообщаемое действие.

4.2.4. Невыраженность семантического субъекта в номинативном предложении

Неупотребление на синтаксическом уровне презентативов “*il y a*”, “*c’est*” позволяет имени, выражающему действие, образовывать самостоятельное номинативное предложение. Переход такого существительного в предложении рассматривается лингвистами как особая синтаксическая деривация, связанная с процессом превращения лексической номинации в номинацию пропозициональную [Арутюнова 1971, 67-68].

Структура существительных типа “*un cri*”, “*un remue-ménage*” и т.д. включает сему “процесс”, что обеспечивает свободу их перехода в предложение без финитивного глагола. Именно поэтому, выступая знаковым заместителем события, существительное приобретает статус самостоятельного предложения. Имя, образующее односоставное предложение, внешне лишено

тех основных категориальных свойств глагола, которые лежат в основе предикативности [Lombard 1930]. Предикативность, как известно, выражает соотнесенность содержания предложения с внеязыковой действительностью вообще, смысл же данных односоставных предложений – в отнесении предикативного признака к окружающей среде, воспринимаемой говорящим как “здесь” и “сейчас”.

Предикативная связь между субъектом и предикатом в номинативном предложении не выражена, поскольку субъект имплицитен. О наличии внутренней предикации свидетельствует сама модель предложения, ее лексическое наполнение. Номинативные предложения с отглагольным существительным дают моментальный снимок действия и широко используются в описаниях при перечислении событий. Отсутствие глагола повышает динамизм повествования [Tesnière 1959]. Прерывистый ритм номинативных предложений отражает действительность в виде последовательной цепи действий, мыслей, явлений. Чем отрывистее стиль повествования, тем шире возможности его интерпретации относительно реального деятеля. Смысловые разрывы, возникающие в тексте между лексическими компонентами, заполняются информацией, которая домысливается или изначально известна коммуникантам.

Например:

(253) « L’auto s’arrêta. *Un claquement de portière. On frappe* » (J-P. Sartre. « Les mains sales», p. 22);

(254) «*Des pas rapides. Des voix étouffées.*» (G. Simenon. « Maigret se fâche», p. 34).

Номинативные фразы наиболее ярко передают экспрессию и динамизм действия.

Например:

(255) «*Le déclenchement d’un déclic ...La lueur du couperet qui tombe.*

Un jet de sang ... Une sourde rumeur échappée de mille poitrines»
(P. Souvestre, M. Allain « Fantômas», p. 374);

(256) «Ça y est! Portières qu'on ferme. *Baisers par-dessus la fenêtre. Mouchoirs agités»* (P.Vaillant-Couturier. «Enfance», p. 153);

(257) «*Un second coup de sifflet*, et la foule enfantine commença de marquer le pas ...» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 62).

Таким образом, употребление предикативных существительных в статусе предложения базируется в значительной мере на имплицитности семантического субъекта, которое в анализируемых односоставных предложениях вызывается теми же причинами, что и невыраженность реального деятеля в двусоставных предложениях: семантический субъект акционального предложения может быть опущен в силу контекстной или ситуативной избыточности, ненужности, а также по причине неведения или обобщения. Устранение субъекта достигается абсолютной номинализацией, отглагольным словом в статусе независимого предложения.

4.2.5. Имплицитность семантического субъекта в полипропозициональном предложении

С помощью процесса номинализации семантический субъект может не находить своего вербального выражения также в полипропозициональном предложении. В силу существующей языковой асимметрии количество знаков в предложении не обязательно соответствует количеству передаваемой им информации. Количественные отношения между словами осложняются отношениями качественными, и тогда простая короткая структура может отразить более сложную семантику, чем структура громоздкая и объемная по форме [Будагов 1972, 25].

Поскольку в исследуемых конструкциях деятель определен полностью или частично и выражен в одной из составляющих предложения, упоминать субъект в другой составляющей нет необходимости. В

имплицитности семантического субъекта в одной из частей сложного синтаксического целого проявляется закон языковой экономии.

Например:

(258) «*Lorsque après les longs repas, sur la table desservie on apporte l'alcool Thérèse était restée souvent avec les hommes ...*» (F. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux», p. 32). — Субъект определен частично;

(259) «*Après un tour dans la cambuse pour boire de grandes lampées d'eau minérale, il prit une douche* » (E. Roblès. «La croisière», p. 86). — Реальный деятель определен полностью.

Номинализация, осложненная предлогами, может выступать семантическим и синтаксическим эквивалентом придаточного предложения. Номинативное предложение обозначает завершённое действие и входит в один синонимический ряд с глагольными структурами.

Например: (260) «*A la descente du wagon Thérèse ne fut pas reconnue. = Thérèse fut descendue du wagon et elle ne fut pas reconnue*» (F. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux», p. 66);

(261) «*De retour à Paris, il la remettrait à Madeleine qui déciderait elle-même de façon définitive*» = *Quand il retournera à Paris.* (E. Roblès. « La croisière», p. 49);

(262) «*A la fin de l'interview, elle se montre étonnée par un certain nombre de confidences lâchées par mes invités*» = *Elle finit de parler et ...* (S. de Pasquale, «Paroles des stars», p. 9). Семантический субъект определяется с помощью катафоры.

Трансформация предложений меняет внешнюю грамматическую структуру предложения. Трансформированная часть сложного синтаксического целого принимает форму предложения и становится либо семантически самостоятельным выражением, либо частью другого выражения [Степанов 1989].

Способность имени организовывать предложение, о которой речь шла выше, и через выраженное им действие охарактеризовать неназванного, но определенного деятеля, является причиной устранения семантического субъекта.

Например:

(263) «*Après la soupe, maman posa sur la table le plat de lentilles avec une saucisse*» = Nous avons mangé une soupe et maman ... (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 39). Перед нами — несимметричная катафора.

(264) «*De retour à l'hôtel, Jonnard avait à sa femme des reproches assez véhéments pour que de l'appartement voisin, on perçût ses éclats de voix*» = Jonnard était retourné à l'hôtel et ... (E. Roblès. «La croisière», p. 54).

В приведенных примерах одно действие следует за другим, конструкцией *Prép. + N* описывается действие неосновное, сопутствующее главному. Говорящий, используя эту свернутую структуру выражения действия, упоминает о нем как бы вскользь, сосредотачивая внимание на действии в главном предложении. С коммуникативной точки зрения оно для него важнее. Превазирование одного действия над другим довольно часто отмечается в подобного типа полипропозитивных предложениях.

Как уже отмечалось выше, в проанализированных конструкциях проявляется принцип лингвистической экономии. При минимуме затрат достигается максимум информативности. Французский язык на деле применяет способ, обеспечивающий резкое сокращение числа избыточных форм. Компонент со значением субъекта опущен, т.к. он четко определен контекстом. В этих предложениях мы сталкиваемся с контекстным эллипсисом. Предложение с невербализованным субъектом является сокращенным вариантом другой, более полной, но отнюдь не более употребимой в языке, структуры.

4.3. Элиминация субъекта в императивных конструкциях

Невыраженность субъекта обнаруживается также в повелительных предложениях, в которых императивная форма глагола заменяется неимперативной, а именно: инфинитивом, наречием, именем.

Инфинитивные повелительные предложения не допускают пермиссивной интерпретации, они более категоричны и выражают обычно приказ. Эти предложения социально маркированы, их употребление предполагает “начальника” и “подчиненного”.

Например:

(265) «Le professeur qui préside l'examen lit le texte des sujets de composition: *Raconter la vie d'un troubadour du Moyen âge*» (P. Vaillant-Couturier. «Enfance», p. 147);

(266) «Quoique vous l'avez payé trente mille francs à l'Hôtel des Ventes, ce n'est qu'une copie, l'original ayant été brûlé, sous le Directoire, par Barras un soir d'orgie. *Consulter les Mémoires inédits de Garât*» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 32);

(267) «*Mettre dans une tasse une cuillère à café et verser de l'eau frémissante puis mélanger. Ajouter du sucre et du lait à volonté. Utiliser une cuillère sèche et refermer la boîte soigneusement après chaque utilisation. Tenir au frais et au sec*» (Préparation Nescafé 100% café pur).

К периферийным императивным формам причисляют формы, представленные именем, указывающим на предмет, названный говорящим для воздействия на него семантическим субъектом. Ситуация предполагает определенный круг лиц, которые в потенциале могут выполнить роль деятеля.

Например:

(268) — *Pas un sou, fichez-moi la paix.*

— *Fixez votre prix, je suis riche, extrêmement riche* (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p.35);

(269) — *Pas de phrases, mon petit. Ecoutez-moi bien attentivement et pesez mes paroles, elles en valent la peine* (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 54);

(270) — *Et pas des placements comme papa!* (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p.176).

Иногда для говорящего выбор реального деятеля не релевантен.

(271) — *Au Voleur! On a volé mon mari! Cinquante mille francs, nous perdus. Au voleur!* (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 98);

(272) — *Au secours! Au secours!* (P. Souvestre. M. Allain. « Fantômas», p. 185).

Вместе с семантическим субъектом опущен и глагол, выражающий действие. Например: (274) «*Le bruit des cuillers sonnait sur la faïence éclaira le début du repas.*

(273) — *On entendait: “Encore un peu de sel ... Merci ... Le pain, s’il te plaît, ... Non, c’est assez”*» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 165).

Приказывая, говорящий предполагает, что исполнитель сделает именно то, что предписывает императив. Несмотря на краткую форму приказа, слушающий, исходя из ситуации, верно интерпретирует волю субъекта речи. Использование имени в императиве предполагает немедленное исполнение действия, что придает ситуации повышенную динамическую характеристику. Наречными выражениями субъект речи контролирует и направляет в нужное ему русло протекание действия.

Например: (274) «*Devanne dressa l’échelle et l’Anglais continua: “Plus à gauche ... à droite ... Halte! Montez bien”*» (M. Leblanc. «Arsène Lupin», p. 75).

Таким образом, в коммуникативной ситуации, требующей императивного высказывания, два субъекта — субъект речи и субъект действия — не выражены.

4.4. Метонимическое выражение семантического субъекта

В сознании человека присутствует неразрывная связь человека – деятеля и продукта его деятельности, что позволяет осуществить метонимический перенос:

(275) «*Peu à peu, les échecs, le bridge, puis le poker avaient remplacé les hautes spéculations de l'esprit, suivis d'autres jeux qui demandaient encore moins d'effort intellectuel*» (P. Boule. «Le Coeur et la galaxie», p. 99);

(276) «*Le haut-parleur avoua un retard de trente minute*» (A. Wurmser. «Aurélie s'en va», p. 38).

Этот процесс стал настолько привычным для носителей языка, что они даже не отдают себе в этом отчета. “Механизм речи”, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов на другой класс, ассоциируемый с ним по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [Арутюнова 1990, 300], характерен случаям метонимии. Особенно часто устранение семантического субъекта производится способом лексической замены имени, выражающего реального деятеля, лексическими единицами, которые обозначают: а) орудия труда человека, б) оружие, в) транспортные средства, перемещение в пространстве; г) места пребывания (жилище, учреждения и т.п.; д) соматизмы, части тела, выступающие в роли целого. Таким образом, место протагониста занимает интерактивный объект (объект-объектные или объект-субъектные отношения).

Предмет, произведенный человеком, всегда находится в подчиненном, зависимом положении по отношению к семантическому субъекту. Он объективно предполагает отдельно от него существующего деятеля. Продукт человеческого производства, специально используемый субъектом в своей деятельности для достижения самых разнообразных жизненных целей, назовем орудием или инструментом действия.

Связи и отношения, существующие в природе, осознаются мышлением, фиксируются языком и материализуются в речи. Данное суждение доказывает

тот факт, что категориально семантические значения предметных имен предопределяют их синтаксические позиции в предложении [Золотова 1982, 37]. Обычное место неодушевленного рукотворного предмета – в позиции дополнения. Однако, при формальной невыраженности реального деятеля на поверхностном уровне предложения, при описании некоего технического действия, подлежащим становится имя инструмента, орудия действия.

Происходит формальное устранение семантического субъекта из синтаксической структуры предложения, хотя коммуниканты на ментальном уровне осознают его роль в происходящем. Выдвижение на передний план в предложении орудия или предмета труда не случайно, поскольку имя, помимо семы неодушевленной предметности, содержит сему рукотворности. Оно ассоциируется с тем, что сделано человеком для своей жизни и деятельности, и им же управляется и контролируется. Например:

(277) «*Les musettes se vidaient de leurs billets pour se remplir de ces méchants reçus*» (J-P. Chabrol. «*Les comptes du maquis*», p. 5).

В семантическом плане отражается онтология отношения “субъект — действие — предмет”, на синтаксическом уровне семантический субъект имплицитно.

Имеющий цель человек для ее достижения выполняет самые разнообразные действия с применением самого разнообразного арсенала орудий и инструментов. Сопряженность некоторого числа действий семантического субъекта с орудием позволяет добиться определенного результата, который материализуется в том или ином проявлении.

Имя, выражающее семантический субъект в структуре предложения, может быть заменено лексической единицей, обозначающей:

4.4.1. Орудия.

Например: (278) «*Un son clair, suivi de 3 coups dont le timbre n'est pas inconnu. Le marteau? Mais oui! Le marteau qui frappe. La corde tressaille et monte soudain de deux mètres* » (P. Moustiers. «*La paroi*», p. 88);

(279) «Les secrétaires s'émurent, le chef de bureau compulsa d'urgence les derniers papiers, *les machines à écrire cliquetèrent*» (A. Saint-Exupéry. «Vol de nuit», p. 45);

(280) «*Une clef tourna* enfin dans la serrure» (G.Simenon. « La pipe de Maigret», p. 151).

Чем сложнее механизм, тем он более относительно свободен в процессе своего функционирования от управляющей им одушевленной сущности. Однако полной абсолютной независимости орудия от человека не существует, семантический субъект оставляет за собой право интеракции: запуска, контроля и остановки механизма.

Например:

(281) «... *le téléphone sonnait*, Julie et Valentine se précipitaient sur ce malheureux téléphone, et puis, c'était moi qu'on appelait, alors .» (авт.);

(282) *La cloche tintait* au seuil de la cuisine. Peut-être faudrait-il ce soir, allumer la lampe (F. Mautiac. «Thérèse Desqueyroux», p. 31).

4.4.2. Оружие.

Субъект речи становится перцептивным субъектом и передает видимые, слышимые, осязаемые процессы и действия.

Например:

(283) *Les mitrailleuses recommencèrent à tirer*. Mais ce n'était plus *le même tireur*. *Celui-ci* était beaucoup plus petit et se courbait à peine pour tirer (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 77);

(284) «Maillât avait l'impression que *l'arme continuait à tirer* toute seule, rageusement, contre rien» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 91);

(285) «Oui, quand j'avais la tête baissée: *un coup de manche de fouet* derrière le crâne ...» (B. Clavel. «La saison des loups», p. 35).

4.4.3. Процесс и средства передвижения.

Например:

(286) «*La voiture les a pris*» (P.Moustiers. «La paroi», p. 110);

(287) «*Le train ralentit, siffle longuement, repart*» (F. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux», p. 64);

(280) «*La petite barque accosta, vida son chargement sur la passerelle, repartit aussitôt*» (R. Merle. «Week-end à Zuydcoote», p. 74);

(289) «*Une cloche prit l'essor et le bateau démarra*» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise», p. 182).

Одни глаголы употребляются как с одушевленной, так и с неодушевленной субстанцией (олицетворение), другие же (специальные, или технические) относятся исключительно к техническим средствам (передвижения) и только косвенным образом указывают на имплицитного семантического субъекта, стоящего за этими действиями. Например:

(290) «*La voiture descendait lentement, passait le long des arbres du parc, devant les jets d'eaux du Metropolitan et encore le long du parc*» (P. Modiano. «Les boulevards de ceinture», p. 252);

(291) «*Le tramway s'est arrêté un peu plus loin*» (A. Stil. «Dieu est un enfant», p. 16);

(292) «*Très loin, une automobile klaxonnait*» (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises», p. 16);

(293) «*L'auto faisait des embardées*» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p. 144);

(294) «*C'est le tramway qui freine à mort, en vain, trop lancé dans la descente*» (A. Stil. «Dieu est un enfant», p. 89).

4.4.4. Место работы и жительства.

Например:

(295) «*La classe bourdonnait, moqueuse. M. Joliclerc ouvrit sa bouche à chicots et leva des bras étonnés*» (G. Duhamel. «Le notaire du Havre», p. 83);

(296) «*Dans une demi-heure le magasin ferme*» (G. Simenon. «La pipe de Maigret», p. 138);

(297) «*La rue, les maisons se sont calmées. Silence*» (H. Barbusse. «L'enfer», p.40);

(298) «*La rue s'était peuplée*» (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises», p. 38);

(299) «*Pourtant, des bureaux travaillaient*» (N. Calef. «Ascenseur pour l'échafaud», p. 8);

(300) «*La rue baillait et s'étirait. La rue faisait la grasse matinée et mangeait des croissants chauds*» (R. Sabatier. «Les allumettes suédoises», p. 44).

Результатом семантической замены выступает когнитивный процесс, связанный с обобщением, с одной стороны, и олицетворением — с другой.

4.4.5. Соматизмы.

Часто место протагониста занимает его метонимический представитель — соматизм. О соматизмах во фразеологии написано немало (см., напр., [Городецкая 2007; Кравцов 2008; Лакофф 2008; Мерлин 2006 и др.]).

В ряду соматизмов на первый план выдвигаются части тела, занятые в простых манипуляциях с окружающими предметами: руки, ноги и органы перцепции, ответственные за передачу периферийной информации в центральную перерабатывающую систему (мозг) [Fodor 1986]. Обработка информации приводит к дальнейшей деятельности, основанной на знаниях и аналитических способностях человека. Важность этих соматизмов в языковой картине мира французов часто вводит их в идиоматическое пространство французского языка, отличающееся метафоричностью и назидательностью.

Поэтому в следующей главе остановимся на примерах, в которых употребляются соматизмы категориосфер «интеллектуальная деятельность» и «речевая деятельность», занимающие значительное место во фразеологии французского языка как характеристики человека-деятели в ситуациях, отражаемых фразеологической языковой картиной мира французского языка.

ВЫВОДЫ

1. Под имплицитностью мы понимаем то содержание высказывания, которое не выражается в лингвистическом компоненте высказывания, а логически вычисляется (выводится) путем инференций, т.е. умозаключений, которые включают общую информативную базу интерпретатора («энциклопедические знания»), к которой добавляются знания предыдущих (прецедентных) текстов, и извлечение смысла высказывания в соответствии с ситуацией его порождения, и опережающее знание, «импозиция», т.е. ожидание релевантного в данных обстоятельствах высказывания.

2. Существенные компоненты смысла предложения (в том числе и значение семантического субъекта) выявляются только при рассмотрении предложения в контексте речевого акта, что требует перехода от предложения как единицы системы языка к его реализации в речи, т.е. к высказыванию. В конструктивном плане высказывание (модель в речи) может быть как синтаксически равнообъемным, так и более сжатым по отношению к полнооформленному эталонному предложению, что никак не сказывается на его информационной ценности благодаря смысловой компенсации нечетко выраженных или формально устраненных синтаксических компонентов предложения.

Имплицитное выражение семантического субъекта производится за счет устранения РС на поверхностном уровне. Полное формальное устранение реального деятеля реализуется с помощью конструкций, уменьшающих валентность глагольного комплекса. Уменьшение валентности предиката осуществляется в:

- 1) пассивных конструкциях, выражающих результат;
- 2) возвратно-пассивных конструкциях;
- 3) возвратно-каузативных конструкциях;
- 4) безличных по форме конструкциях.

Семантический субъект опускается в разных типах номинализированных конструкций.

Инфинитив (неполная номинализация) и отглагольное существительное выражают действие, отвлеченное от конкретного деятеля. Имплицитное устранение имеет место в некоторых номинативных предложениях, в конструкциях с субъектной и объектной номинализацией.

Кроме того, семантический субъект имплицитен в конструкциях с глаголами-конверсивами и устранен из моделей, в которых семантический субъект выражен метонимически.

Приведенные модели с имплицитно устраненным семантическим субъектом могут быть равнозначны активным конструкциям с “on”. Помимо повествовательных предложений, устранение семантического субъекта происходит в некоторых императивных конструкциях. Просьба, приказ, пожелание в них выражены не финитным глаголом, а инфинитивом или именем.

Имплицитное устранение семантического субъекта имеет горизонтальное плоскостное направление.

Имплицитное устранение производится как в монопропозициональном, так и в полипропозициональных предложениях, а также в предложениях с сокращенной синтаксической структурой — односоставных. Полная формальная невыраженность семантического субъекта на поверхностном уровне предложения позволяет по-разному описывать динамическое событие в зависимости от того, какой элемент ситуации “действие субъекта” принимается говорящим за исходную точку.

Синтаксическая редукция семантического субъекта выдвигает в позицию подлежащего, в фокус внимания говорящего лексические единицы, выражающие сам процесс, либо объект воздействия, средства человеческой деятельности или результат его действия. Выделенные нами модели не могут дать полного описания отрезка действительности со всеми его элементами,

характеристиками, связями. Формируя в сознании предметно-логическую картину происходящего, говорящий может по-своему, субъективно, избирать и группировать элементы, составляющие ситуацию “действие субъекта”. Это позволяет одну и ту же ситуацию описывать разными способами. В этом и состоит вариативность языка. Конкретный выбор той или иной модели зависит от интенции говорящего, от цели, им преследуемой.

Формальная непредставленность в синтаксической структуре реального деятеля компенсируется пресуппозицией, охватывающей контекст, речевую ситуацию и универсальные знания о мире. Неизменным остается лишь общий смысл, который содержится в конструкциях с устраненным реальным деятелем. Модели отражают антропоморфный процесс независимо от того, выражен или нет семантический субъект. Лицо деятеля определяется не в рамках синтаксической структуры, а на основании более широкого контекста или ситуации.

Наиболее общие выводы, к которым мы пришли в результате исследования синтактики и семантики категории «языковой субъект», сводятся к следующему:

1). Устранение семантического субъекта имеет место в разных по цели высказывания предложениях: повествовательных, вопросительных, побудительных.

2). Семантический субъект устраняется как из предложений с расширенной синтаксической структурой, так и из предложений с сокращенной синтаксической структурой.

3). Анализ языкового материала убеждает в том, что причины, приводящие к устранению семантического субъекта, имеют объективно-субъективный характер. Устранение семантического субъекта происходит объективно при отсутствии у говорящего необходимого выбора форм для отражения реального деятеля, например, при неопределенности субъекта.

Субъективное устранение полностью зависит от коммуникативной интенции говорящего, когда он сознательно выбирает ту или иную модель, из синтаксической структуры которой семантический субъект устранен тем или иным образом.

4). Семантический субъект устраняется только на синтаксическом уровне структуры, на глубинном семантическом уровне, в сознании он присутствует всегда в виде имплицитного говорящего, повествующего субъекта и его «точки зрения»

5). Формальное устранение семантического субъекта вызывается:

а) внеязыковыми факторами (пресуппозицией, самой ситуацией);

б) внутриязыковыми факторами (во избежание повторов, упоминание о реальном деятеле в предыдущем или последующем тексте).

б). Выявляются два типа редукции субъекта, его «устранения»:

а) эксплицитное, которое позволяет сохранить формальное указание на реального деятеля в синтаксической модели эталонного предложения (СР);

б) имплицитное — формально не маркирует семантический субъект.

Эксплицитное устранение производится лексическими средствами: специально предназначенными для этого неопределенно-личными, обобщенно-личными и неопределенно-указательными местоимениями, которые дейктически указывают на реального деятеля.

Имплицитное устранение достигается синтаксическими средствами, а именно: номинализацией процесса, природа которого антропоморфна; уменьшением валентности глагольного узла, в нашем случае валентность субъекта не актуализируется. Семантический субъект имплицитно устранен из конструкций с глаголами конверсивами, а также из состава моделей, в которых субъект действия метонимически заменен обозначением орудия действия, местом действия и т.д. Имплицитное устранение происходит в горизонтальном направлении. Наличие реального деятеля выводится из смысла всего предложения.

7). Представленное логическое исчисление форм устранения субъекта еще раз подчеркивает мысль о том, что язык стремится к выражению семантической структуры самым синкретичным и экономным, адекватным ситуации и контексту, образом.

В выделенных нами моделях событие отображается неконкретно, т.к. главное действующее лицо затушевано или получает лишь свою частичную оформленность.

8). В представленных в семантико-синтаксическом поле моделях отражаются контекстные связи. По отдельно взятой модели предложения можно восстановить контекст, который совершенно определенно укажет семантический субъект. Таким образом, для разрешения проблемы восстановления семантического субъекта необходимо выйти за синтаксические границы отдельного предложения. В ходе анализа синтаксико-семантической структуры ядра категории «языковой субъект» были подтверждены компенсационные функции контекста, благодаря которому выявлялся реальный деятель. Именно благодаря «включенности» в контекст и знанию общей ситуации возможна достаточно точная расшифровка глубинной семантической структуры. Редукция и формальное устранение семантического субъекта вызвано интенцией говорящего сфокусироваться на фрейме «действие и его элементы», за которыми стоит субъект.

9). Выстроенная парадигма форм редукции семантического субъекта дает возможность представить предложение, выражающее категорию «языковой субъект» как систему форм, связанных общим интенционалом. Единым для всех моделей смыслом является пропозициональная форма, которая зафиксирована в эталонной, прототипической семантико-синтаксической модели. В конструкциях с устраняемым семантическим субъектом выявляется асимметрия между семантической структурой предложения, несущей понятие «действие субъекта» и синтаксическими формами ее выражения. Форма

выражения семантического субъекта выступает на синтаксическом уровне переменной функцией от предикативной константы.

10). Между моделями, составляющими одно функциональное поле, возникает явление синонимичности, поскольку одна модель в зависимости от конкретных речевых условий способна заменить без ущерба для содержания информации другую. Выбор остается за говорящим, который учитывает все внеязыковые и языковые факторы. Построенная нами парадигма позволила также подтвердить концепцию, известную как концепцию упаковки (packaging) У. Чейфа. В представленной схеме наблюдается несоответствие заложенного в предложении сообщаемого (message) и того, в какой упаковке это подается. Упаковка, по У. Чейфу, – это оформление предложения, связанное со способом подачи предложения говорящим.

Подобное синтаксическое моделирование дает возможность описывать ситуацию с разных сторон и позиций. В фокусе внимания говорящего оказываются элементы, составляющие категорию «языковой субъект» с учетом его ядерного слота «действия субъекта».

11). Чем меньше компонентов, отражающих семантическую структуру-пропозицию, тем более периферийными будут данные трансформы, т.к. репрезентативы субъекта стремятся к обобщению. Возможно, что представлен один из слотов исследуемой категории («побуждение к действию», «состояние субъекта», «среда существования субъекта» и т.п.).

12). Отмечается определенный синкретизм денотативной (референциальной) функции анализируемых моделей при сохранении их сигнификативной функции.

13). Полнота формального обозначения семантического субъекта зависит от детальной систематизации и изучения не только прямых, но и косвенных способов его оформления. Представленное синтактико-семантическое поле редукции субъекта еще раз наглядно подтвердило тот факт, что французский язык — чрезвычайно богатая выразительными средствами, пластичная система,

хорошо приспособленная к разнообразному выражению языкового субъекта. Функциональный динамизм категории «языковой субъект» обеспечивается значительной номенклатурой дейктических и деноминативных средств выражения субъекта, его эксплицитной редукцией, а также замещением имплицитного субъекта лексическими субститутами, «устранением реального деятеля», компенсирующегося когнитивными импликациями, появлением афферентных сем, указывающих на отсутствующий субъект.

В функциональном динамизме выражения субъекта наглядно проявляется семантико-стилистическая вариативность речи.

ГЛАВА V. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В своей работе мы придерживаемся широкого толкования фразеологизма. Под фразеологизмом понимается раздельнооформленная единица, которой свойственна лексическая неизменность состава, с полной или частичной семантической трансформацией ее компонентов.

Как показал анализ языкового материала, в структурном плане фразеологизмы представляют собой широкий спектр: от двухкомпонентных словосочетаний до предложений, обладающих смысловой законченностью.

Как было сказано выше, категория «языковой субъект» имеет, как любая категория [Степанов 1997], эмоционально-оценочную (этнически маркированную) составляющую.

В силу языковой рефлексии и метаязыковой функции языка, говорящий субъект благодаря использованию фразеологизмов может контролировать степень субъективности или объективности модальности своего высказывания.

5.1. Субъективность / объективность в семантической структуре фразеологизма

Введение неопределенно-личного местоимения, отражающего рефлексивирующий субъект, делает высказывание «более объективным», обладающим большей аргументативной силой. Неопределенно-личные высказывания стремятся к обобщению, а следовательно, и к объективности. С особенной четкостью это свойство проявляется во фразеологии языка, когда закрепленность формы и содержания, с одной стороны, «снимает ответственность» с говорящего (энунциатора) за достоверность (вероятность) пропозиции, а с другой, допускает амбивалентность интерпретации субъекта-адресата высказанной пропозиции в преломлении к собственным знаниям

(пресуппозиции) и к ситуации общения. Например: «*On ne converse pas avec les fous ni avec les clochards*» [André-Larochebouvy 1984, 5].

Не случайно, в силу все той же человеческой рефлексии, объектом суждений и умозаключений становится сам язык [Язык 2000], речемыслительный процесс, определяющий «языковую личность» [Караулов 2007], её ценностный тезаурус и степень нормативности поведения (в том числе и речевого [Стернин, 2000]). Однако для перевода рефлексии в плоскость фразеологии необходимо перевести субъект говорящий и интенциональный на уровень субъекта-протагониста, ввести его вовнутрь пропозиции. Здесь проявляется «дух народа» (по В. Гумбольдту), картина мира как языковой, так и этнической и когнитивной личности (субъекта) [Караулов 2007], имеющей, в зависимости от целей и ситуации общения, соответствующие номинации.

Как провозглашают в своей известной работе Дж. Лакофф и М. Джонсон, «... категориальная система не осознается. О большинстве мелочей, которые мы делаем каждый день, мы просто не думаем, и делаем их более или менее автоматически по определенным схемам. Что представляют собой эти схемы — не ясно. Один из способов изучения этого — наблюдение за особенностями функционирования языка. Так как коммуникация основывается на той же категориальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности, язык оказывается важным источником данных об этой системе» [Лакофф 2008, 25]. Авторы предполагают, что основа «категориальной системы по своей природе метафорична» [Там же].

Фразеология, включающая в себя паремии, закрепляет в языке определенные «готовые» речения, которые не лишены субъективности. Знаменитое, ставшее ‘общим местом’ (паремией) высказывание де Голля «*Je vous ai compris*» — ситуативно (война в Алжире) и субъективно (субъект — когнитивно-интенциональный тезаурус и статус субъекта – президента де Голля).

Классификация фразеопаремий, входящих в категориальные поля речевой или интеллектуальной деятельности субъекта, сводится к аксиологической триаде (+/-/0), где под нулевой позицией подразумеваются амбивалентные характеристики объекта. Однако какова роль субъекта в поле «речемыслительной деятельности»? Здесь сохраняются приведенные выше три ипостаси: **протагонист** (+ соматическая метафора/метонимия), **интенциональный** (аксиологический) субъект и **энунциатор** в рамках локуции данного фразеологизма (фразеологической номинации) в ситуативно обусловленном речевом взаимодействии: (-) «*Mais, tête de bois, on parle pas de ces choses-là!*»(TU); (-) «*Les fous inventent les modes, et les sages les suivent*»(VOUS / ILS); (0) «*C'est dit d'abondance de cœur*»; (+) (JE /TU/IL); «*Qui langue a — à Rome va*» (ON).

Семантическая обобщенность, неопределенно-личная форма субъекта позволяют проследить статику и динамику метафорической реализации субъекта-протагониста во фразеологизмах и паремиях (парадигматически и синтагматически), что дополняет языковую картину, например, речемыслительной деятельности, позволяет определить ситуативную аксиологию фразеологизма, которая целиком относится к совокупной ипостаси энунцирующего и интенционального субъектов. Диапазон употребления дейксиса — от личных местоимений до трансформации или элиминации субъекта-протагониста (“*Vouloir c'est pouvoir*”) позволяет выявить вовлеченность говорящего во фразеологическую номинацию по параметрам «субъективность/объективность», опираясь на корреляцию «субъектность/бессубъектность» соответствующей синтаксической модели S-V-O и других лексико-синтаксических моделей высказывания. «Неопределенно-генерализированный субъект не выражен отдельным словом и не охарактеризован ни по линии рода, ни по линии числа и лица. Формальное устранение субъекта и актуализация действия и составляют прагматику подобных рефлексивных высказываний» [Рылов 2006, 67].

5.2. Редукция субъекта в семантической структуре фразеологизма

Как известно, фразеологический ресурс любого языка формируется как коррелят национального лексикона с целью, с одной стороны, метафоризации номинации или предикации, а с другой — стереотипизации языкового выражения суждений, ментальных репрезентаций (гештальтов) в виде готовых суждений, о которых упоминает еще античная риторика [Аристотель 1975].

Функционирование фразеологии всегда отмечалось субъективностью, так как идиоматика, а тем более паремии, выражали модальность высказывания и, даже когда составляли пропозицию, по своему статусу относились к «экспрессивно-оценочной рамке» высказывания [Гак 1998].

Как указывалось, процесс высказывания ('énonciation'), или актуализация суждения в речи, предполагает как минимум три ипостаси субъекта: 1) субъект говорящий (энунциатор), 2) субъект переживающий (интенциональный) и 3) субъект действующий (протагонист) [Гак 1998, 558-560]. Во фразе, вышедшей из-под пера А.С. Грибоедова и ставшей паремией русского языка, «Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок?» и субъект говорения и адресат — имплицитны. Однако легко предполагаются и даже идентифицируются при просмотре спектакля, прочтении пьесы (Фамусов — Молчалин).

«Оторвавшись» от текста пьесы, фраза стала «летучей» и паремически употребляется в подходящих (стереотипных) ситуациях («говорящий выступает против появления в данном месте адресата»). С синтаксической точки зрения происходит «устранение» и поверхностного, и глубинного семантического субъекта, т.е. появляется так называемый «безличный» (он же, иногда) «риторический» вопрос [Там же: 401]. Однако с прагматической точки зрения мы имплицируем и говорящего, и адресата. Более того, мы констатируем аргументативную и иллокутивную цель данного высказывания (субъект-субъектные агональные отношения).

Таким образом, в основе образования фразеологизмов лежит генерализация субъекта, которая приводит к семантической квазибессубъектности (при наличии говорящего субъекта) и псевдообъективности такого рода речений. Однако функционально-семантический анализ показывает разнообразную типологию субъекта и его формально-содержательных характеристик во фразеологизмах и паремиях французского языка в зависимости от структуры и семантики языкового субъекта.

5.3. Личный, неопределенно- личный, обобщенно-личный субъект

С когнитивной точки зрения, фразеологию как уровень языка можно представить в виде двух элементов: статического и динамического. В статике, с одной стороны, — это фразеологический тезаурус языка, которому свойственны парадигматические, синонимические и антонимические связи. Такой внутренний тезаурус может отражать и метафорическую деривацию (внутреннюю форму) фраземы или более сложной фразеологической единицы. Синтаксически она представлена в виде фразеологической единицы с внутренними синтаксическими особенностями, с трансформацией (усечение фразеологизма и превращение его в одиночную фразему), которая в плане содержания отражает языковую (фразеологическую) этномаркированную картину мира. С другой стороны, можно рассматривать внутренний лингворечевой тезаурус отдельной языковой личности, несущий в себе набор наиболее существенного для неё фразеологического дискурса.

В динамическом плане можно говорить о функциональной значимости фразеологии в речевом взаимодействии в разножанровом дискурсе.

Причем, наблюдается обратно пропорциональная зависимость проявления модальности категории «языковой субъект»: от ядерного эксплицитного ‘Я’ исходит субъективизация ФЕ, объективизация стремится к периферии и выражается редуцированными формами субъекта. При этом, протагонист ‘Я’, совпадающий с двумя другими ипостасями субъекта,

характерен для паремий (крылатых изречений), в то время как в пословицах и поговорках к нему присоединяется эксплицитный адресат, либо антропоним: «Я волком бы выгрыз бюрократизм!»; «Je vous ai compris!» — «Tu es malade?!» (=Ты в своем уме?) — «Tu parles, Charles!» (= Как бы не так / Ещё бы; А то как же? – энантиосемия).

Субъективность и объективность ФЕ и речевых стереотипов достигается за счет трансформации субъекта. Однако метафоричность фразеологизированного дискурса определяется формально не только за счет употребления того или иного местоимения – СР, например: «Je suis crevé = J'en ai marre» (субъективная оценка), но: «J'ai crevé» (У меня лопнула шина); «Je me suis fait voler» (Меня обокрали); «Je pointe où je tire?» (термины при игре в «петанк»); «Je suis morgane de toi» (Я тебя люблю) (субъектно-объективная констатация факта).

Как видим, субъективная оценка объединяет энунциатора и интенционального субъекта во ФЕ, где он представлен еще и как протагонист.

Объективное сообщение (констатация факта) соединяет энунциатора и протагониста. Говорящий может говорить о том, что случилось с ним, тобой, нами т. д.). Некоторую экспрессивно стилистическую окраску высказыванию придает употребление элементов фразеологизированного дискурса разных функциональных (разножанровых) регистров (термины, аббревиатуры, разговорные стереотипы, арго и их коннотации):

« J'suis un loubard périphérique,
Je crèche pas loin de la Défense
J'ai l'air crados – c'est pas d' ma faute :
Mon HLM n'est pas Byzance» (R. Séchan «Mon pote»).

В монологическом дискурсе любого жанра текст всегда есть «продукт» автора, который, так или иначе, оставляет маркеры своего присутствия, различные СР и маркеры субъективности [Kerbrat-Orecchioni 2002] (см. тж. Приложение II).

Адресат как второй ядерный элемент категории «языковой субъект» отражает диалогизм субъект-субъектных отношений.

Еще один этномаркированный (присущий в большей степени французскому речевому узусу) пример объективизации фразеологизированной личной формы СР получил название «речевой ассонанс» [Быков 2007]. Необходимо отметить, по крайней мере, три особенности данного явления: 1) диалогизм, интеракциональность; 2) иллокутивную (речеактовую) маркированность; 3) совмещение трех функций: апеллятивной, поэтической и конативной.

Ассонанс строится на употреблении имен собственных в функции, с одной стороны, людической, «украшательной», а с другой, – с целью смягчения/усиления иллокутивной силы речевого акта – высказывания. Структура ассонансов — это пропозиция, совмещенная с обращением к собеседнику (обычно в императиве) и употребление какого-либо имени собственного, совсем не соотносящегося (во всяком случае – редко) с именем адресата. В этом случае мы имеем более, чем «субъект-объект-субъектные» отношения. В.Г. Борботько [Борботько 2011] выделяет еще один тип отношения, он пишет: «Рассмотрим основные сферы применения языка, в которых момент противоречия может оказаться важным для формирования дискурса. Во-первых, это сфера межсубъектных отношений, или субъектно-субъектная сфера. Во-вторых, это сфера отношений субъекта и его окружения, или субъектно-объектная сфера. Можно выделить и *третью сферу — сферу регуляции деятельности индивидов по отношению к ценностям создаваемой ими культуры — субъектно-ценностную сферу* (выделено нами – А.Ч.). Во всех этих трех сферах присутствует момент регуляции, а значит, есть и его антипод — рассогласование, противоречие. Общие положения о месте момента противоречия при речевой регуляции в каждой из указанных сфер могут быть определены следующим образом:

— при регуляции в субъектно-субъектной сфере роль дискурса заключается в

- предупреждении противоречия в предстоящей практической деятельности;
- при регуляции в субъектно-объектной сфере дискурс направлен на разрешение противоречия как следствия неполноты знаний в когнитивной картине мира субъекта;
  - при регуляции в субъектно-ценностной сфере дискурс ориентирован на выделение и заострение противоречия как несоответствия между общественно санкционированными ценностями и заявляющими о себе новыми ценностями личного порядка, или, в более общем случае, между системами культурных ценностей разных субъектов» [Борботько 2011, 42-43].

Людический смысл структуры ассонанса заключается в созвучье части, выражающей пропозицию (с иллокутивной целью), и имени собственного (о месте антропонимов в системе выражения категории «языковой субъект» см. выше). Отнести ассонансы к фразеологии позволяет как идиоматизация формы (устойчивость, стереотипность), так и основной признак фразеологизма — полное или частичное переосмысление его компонентов. «Переосмысление, или семантическая *транспозиция*, лексико-грамматического состава, устойчивость и воспроизводимость — основные и универсальные признаки фразеологизма» [Телия 1990, 559].

Прямое обращение к собеседнику создает угрозу его «позитивному лицу» [Goffman 1981], поэтому обобщающие антропонимы употребляются как модераторы, или маркеры, смягчающие «угрозу позитивному лицу говорящего» [Goffman 1987].

Функциональная среда ассонанса — разговорная диалогическая речь. Иллокутивные функции ассонансов многообразны и их можно классифицировать в соответствии с обобщенной дихотомией на «кооперативные» (сочувствие, одобрение, подбадривание, словом, позитивная аксиология в широком смысле) и «конфронтационные (негативные) речевые акты» [Treppe 1994]:

I. — подбадривание, одобрение: Allons-y, *Alonzo!*; Encore un effort, *Victor!*; J'te crois, *Benoît!*; Assure, *Chaussure...* C'est ta peinture!; C'est parti, mon *Zappy!*; Balaise, *Blaise!*; Fonce, *Alphonse!*; Tout à fait, *Jean-Michel!*; Courage, *Gustave!*; T'as raison, *Léon!*, etc.

— утешение, сочувствие: Patience, *Hortense!*; Pas de chance, *Constance!*; Va comprendre, *Charles!*; C'est pas grave, *Gustave!*, etc.

— поздравления (констатация успеха): Champion, *Midas!*; Vive *Zému!*; Ya bon, *Banania!*; Ça colle, *Anatole!*, etc.

1. — ритуальные формулы: À la tienne, *Etienne!*(стереотипный тост); Shalom, *Shalom!*; Hello, *Chariot !*; Bonne fête, *Paulette!*, Bonsoir, *Simone!*, etc.

II. — противоречие, вызов: Halte-là, *Nicolas!*; Minute *papillon!*; Molo, *Paulo!*; *Nicolas*, j't'embrouille!; Pas sûr, *Mazure!*, etc.

С точки зрения жанровых характеристик такие речевые стереотипы фамильярны и во многом ироничны, что не мешает назвать их регуляторами субъект-субъектных отношений или отношений «субъект-ценностной сферы».

Центробежная тенденция проявляется в стремлении к обобщению прежде всего за счет французского местоимения “on”. Его особенность — полифоничность и омонимичность. Как было сказано выше, контекстуально оно способно заменять любое личное местоимение: «J'en ai marre, de ton air débile» (= On en a marre); «On boude encore?» («Tu boudes encore?») и т.д.

“On” синкретично совмещает два противоположных значения «мы» и «они», то есть «свои – чужие» (нейтрализация, энантиосемия):

— «*On* n'en use pas ainsi» (= Так не делают, так не поступают);

— «*Si on* les mettait?» (= А что если смыться?);

— «*On* se mit à causer» (G. De Maupassant) (= Завязался разговор).

— «*On* n'entendrait pas Dieu tonner» (= Здесь такой шум, что хоть гром греми - не услышишь);

— «*On* l'a mis en filature» (= За ним установили слежку);

— «*On a beau prêcher / parler à qui n'a cure de bien faire* (=бесполезно уговаривать того, кто не собирается следовать уговорам) и т.д.

Однако редукция с “он” не исчерпывает функциональную семантику *обобщения* во фразеологизмах. Здесь представлены все случаи СР, перечисленные выше (на примере фразеологического поля «Речевая деятельность» – см. Приложение I): эллипсис с глагольной вершиной: *faire des contes à qn; glisser comme chat sur braise(s)* и т.д.; глагол с префиксальным наречием (en, y): *en conter / en raconter de belles / de (bien) bonnes, de fortes, de cossues, de vertes*; субстантивизация с экзистенциальными глаголами (оборотами), наречиями, местоимениями, междометиями: *il y a bien à dire entre...; elle est bleue, celle-là!; ah! le bon billet qu'a La Châtre / de La Châtre; aussitôt dit, aussitôt fait; ce qui est dit est dit; cela m'est sorti de la bouche, etc.*

Паремический пласт представлен обобщенными местоимениями и др. и имеет законченную синтаксическую форму сентенции: *Quand l'un dit: "Tue!", l'autre dit: "Assomme!"*; *Qui garde sa bouche garde son âme*; *Un Normand a son dit et son dédit, etc.*

Иногда фразеологизмы, ставшие речевыми стереотипами, содержат личные местоимения, представляющие адресанта или адресата: *S'il vient à bout, j'irai le dire à Rome*; *Tu l'as dit, bouffi!*; *Ta bouche!*, etc. Такие речевые формулы служат оценке и регулированию речевого взаимодействия.

5.4. Фразеологические средства выражения категории «языковой субъект»: человек и его симулякры

Ядерными слотами категории «языковой субъект», помимо метаязыкового слота «синтактико-семантическая репрезентация» (подлежащие, синтаксический субъект и проч.), являются слоты «**интеллектуальная деятельность субъекта**» и «**речевая деятельность субъекта**», выявляющие функциональную среду категории.

Существуют ли фразеологически выраженные слоты категории «языковой субъект», объединяемые в группы по полевому признаку? Мы отвечаем на этот вопрос положительно. Более того, по аналогии с лексическими полями категории объединяются в более широкие ассоциативные образования, которые можно назвать категориями более высокого ранга, обобщающими категориями. Если вспомнить «семантические примитивы» А. Вежбицкой, то можно говорить о синтезе таких примитивов в более сложные образования – категории, категориальные поля. Например, выделяемый С.М. Кравцовым концепт «Поведение человека», с одной стороны, представляется «фразеосемантическим» полем и включает в себя «микрополя»: «Поведение агрессивное», «Поведение демонстративное» и т.п. (всего 14) [Кравцов 2008, 110-111]. Однако, несомненно, языковых презентаций проявлений того или иного типа поведения человека бесчисленное множество, даже если попытаться ограничить определенные типы поведения во фразеологических формах, типологизировать, разбивая на микрополя. Например, в речевой ситуации ФЕ «dorer la pilule» может быть аксиологически положительной или пейоративной (иронической и т.д.), в связи с чем самого пристального внимания заслуживает проблема функционирования этих фразеологизмов в речи.

В обычном высказывании – суждении субъекту свойственно соединяться в первом лице: «Я – против! », т.е. заключать в себе субъекта локутивного акта и интенционального (интеллектуального) субъекта иллюкутивного акта и протагониста, скрытого за «Я», а на самом деле — Иванова Рихарда Ивановича, который выражает несогласие с переходом на зимнее время.

Нести ответственность (возможно, и юридическую, например, в суде присяжных) придется всем трем субъектам, онтологически объединенных в одном физическом (или юридическом) лице. Поэтому трудно представить себе высказывание типа «**Je vois la paille dans l'oeil du prochain et je ne vois la poutre dans le mien*». Такая фраза противоречит «максиме такта» Дж. Лича: «не осуждать себя» [Leech 1983].

Что функционально важно в метафорическом тезаурусе несет фразеология, включающая паремию, например, «библейзмы»? Назидательность, с одной стороны (субъект высказывания обращается либо к адресату в качестве протагониста, либо характеризует 3-лицо). С другой стороны, — уход от ответственности, ссылка на общепринятое мнение, «устранение субъекта». Такие уловки давно знакомы логико-риторическим штудиям [Шопенгауэр 1900].

Эксплицитный синтактико-семантический субъект «Я», «Je», «I» и т.д. могут заменить «метафоры, которыми мы живем» [Лакофф 2008]. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, «что процессы человеческого мышления во многом метафоричны. Это то, что имеется в виду, когда мы говорим, что концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры. Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека» [Там же: 27].

По мнению Г. Гийома, признавать в языке социальное явление, каким он является в силу его использования людьми в качестве средства экстерииоризации и передачи своих мыслей и чувств, и не видеть в нем собственно человеческого явления, т.е. внесоциального, заключенного в самом человеке, говорящем или не говорящем, но думающем, — это значит лишить себя всякой возможности познания его структуры, возникшей не из встречи человека с человеком, а из вечного противостояния человека и вселенной, универсума, из специфически человеческих условий этого столкновения, определенным зеркалом которых и стала структура языка [Гийом 1992, 162].

Нами были выделены ядерные компоненты категории «языковой субъект», в который входят в первую очередь фразеологизмы французского языка, обозначающие умственные и речевые действия человека, проведен лексико-грамматический анализ структур данных фразеологических единиц.

В ходе исследования выяснилось, что категориальные поля 'Интеллектуальная деятельность человека' и 'Языковая деятельность человека' могут быть представлены в виде ядра функционально-семантического поля (ФСП) категории «языковой субъект».

ФСП интеллектуальной деятельности неоднородно, его компоненты могут быть логически последовательно структурированы. Константы (семантические опоры поля) образуют в свою очередь ряд субполей со своими компонентами, значение которых выражено в современном французском языке не только соответствующими лексемами, но и более сложными лексико-семантическими образованиями – фразеологизмами. В отличие от отдельной лексической единицы фразеологизмы выражают более развернутый смысл понятия, передающий к тому же отношение носителей языка к интеллектуальной деятельности.

В результате аналитической обработки материала нами были выделены следующие константы или этапы ментальной деятельности человека:

1. Процесс мышления, предполагающий объект мысли (думать, размышлять и т.д.): *mettre dans la (sur la; en) balance* - обдумывать, взвешивать за и против, сопоставлять; *faire son compte de* - рассчитывать, предполагать; *ne (n'en) faire ni une ni deux* - долго не задумываться, сразу принять решение, не долго думая; *a l'esprit tendu à qch* - усиленно думать над чем-л.

2. Целенаправленный процесс познания “cogito” (познать, узнать что-л. и т.д.): *démasquer (démonter, dévoiler) les batteries de qn* - раскрыть чьи-л. планы, намерения; *vider une affaire* - выяснить дело; *dire (tirer) la bonne aventure* - предсказать будущее.

3. Характер и возможность успешного процесса познания (понимать, разбираться в чем-л. и т.д.): *ne comprendre (n'entendre) ni A ni B* - ничего не понимать; *travailler du couvercle* - шевелить мозгами, соображать.

4. Результат познания – “знание”. Убежденность в истинности знаний – “вера” (знать, верить во что-л.): *connaître (savoir) qch de (depuis) A jusqu'à Z*

знать что-л. от А до Я (от начала до конца); *ne connaître ni d'Adam ni d'Eve*- совершенно не знать кого-л.; *croire à qch comme article de foi*- слепо верить чему-л., во что-л.

5. Выбор как результат ментальной деятельности (решиться, сделать выбор, принять решение): *prendre sous son bonnet* - решить по собственному усмотрению; *consulter son bonnet de nuit (son chevet, son oreiller)* - отложить решение на утро; *fondre la cloche* - принять неожиданное решение.

6. Оценка, мнение о человеке, его образе действий, а также явлений объективной действительности, произведенное через призму ментальных качеств (дурак – мудрец; умный – глупый; безрассудно; верно; истинно; и т. д.): *abîme (puits) de science* - кладезь премудрости; *âne baté(renforcé)* - набитый дурак; *couper l'arbre pour avoir le fruit* - поступать неразумно; *aller sans bâton* - поступать необдуманно; *à sot auteur, sot admirateur* - дурак дурака хвалит.

7. Сохранение и воспроизведение знаний – “память” (помнить – забыть и т.д.): *Avoir un blanc* - внезапно забыть что-л.; *rien ne vieillit plus vite qu'un bienfait* - ничто не забывается так быстро, как доброе дело; *fourre-toi ça bien dans le ciboulot* - заруби (это) себе на носу.

8. Передача знаний (учить кого-л., объяснять что-л. и т.д.): *apprendre à vivre* - учить уму разуму, житейской мудрости; *n'avoir rien appris, (et)rien oublie* - ничего не забыть и ничему не научиться (о династии Бурбонов); *éclairer sur la couleur* - объяснить что к чему; *faire comme saint Jean qui donnait le baptême sans l'avoir reçu* - учить других тому, чего сам не знаешь.

9. Контроль знаний (проверить, экзаменовать кого-л. и т.д.): *c'est dans l'adversité qu'on connaît les amis* - друзья познаются в беде.

10. Сокрытие знаний, истины: *c'est un bateau* - это надувательство; *donner la(une) baie à (repaitre de baie à)* - обмануть, надуть; *mettre un bandeau à qn* - обманывать, вводить в заблуждение; *faire l'âne pour avoir du bran (du son)* - одурачить кого-л., провести кого-л., прикинувшись дурачком.

11. Итог ментальной и ментально-практической деятельности, воплощение знаний в практической деятельности (придумать что-л., догадаться о чем-л., угадать что-л., сообразить, писать что-л., сочинять что-л. и т.д.): *faire le coup* - *осуществить свой замысел*; *les fous inventent les modes, et les sages les suivent* – *дураки придумывают моду, а умные ей следуют*.

Как видим, фразеологические единицы французского языка отличаются степенью своей структурной завершенности и образным (метафоричным) содержанием. Фразеологизмы, выражая положительную или отрицательную коннотацию, выполняют также стилистическую функцию, которая проявляется в их принадлежности к определенному уровню языка и в экспрессивно-эмоциональной окраске. Работа над данной темой позволила нам, в определенной мере, выявить национальное видение носителями французского языка и французской культуры интеллектуальной деятельности человека и проанализировать компонентный состав фразеологических единиц, отражающих данное понятие.

Каково же поведение «человека когнитивного»? Здесь язык также избегает прямой номинации. Симулякрами (репрезентативами) «Homme» становятся соматизмы, метафора, метонимия, генерализованные формы (см. выше).

Ядерными соматическими элементами, метонимически замещающими семантического деятеля, будут переданы лексемами «tête» и «langue».

Во фразеологическом тезаурусе любого языка наблюдается стремление к метафорическому обобщению, гиперболизации для усиления перформативного эффекта суждения, возведенного в ранг истины.

Однако непременным условием такой трансформации является устранение прямого семантического субъекта. Иногда происходит подмена семантического субъекта фразеологизма или паремии его объектом. Чаще всего, это связано с разнообразием слотов одной категории, например, «любовь», «родина», «интеллигентность», «душа». Такие категории

этномаркированы и отличаются как количеством слотов, так и их наполнением. Однако для всех них существует универсальная пресуппозиция данности, «экзистенциальности»: «Когда говорят о России, высказывание превращается в констатацию — «умом Россию не понять», «хотели как лучше, получилось как всегда»: говорящий о России должен заранее согласиться с тем, что ничего небанального о своем предмете он не скажет. Высказывание о России ничего не высказывает, но смысл разговора не в том, что Россия непредсказуема, а в том, что *мы это знаем*. Россию можно только повторить, поэтому о России нельзя молчать: смыслом России является данность...» [Мерлин 2006, 5].

Поэтому такие *a priori* данные категории и их составляющие слоты ложатся в основу «бессубъектной» фразеологии. А что для человека может быть более данным, чем его тело ?

Причем мы можем легко выявить семантически аксиологический характер фразеологии, направленной на интерактивный объект. Актуализируя в акте высказывания субъект и адресат, мы можем выявить интенциональность того или иного фразеологического высказывания или выражения.

Как известно, в оценке есть три принципиальных позиции: «+/-/0». Причем, категория оценочности амбивалентна, и то, что в одной ситуации кажется положительным, в другой приобретает либо отрицательный, либо нейтральный оттенок [Арутюнова 1984; Вольф 1985] . Субъективность коррелирует с двумя первыми оценками (положительными или отрицательными). Третий вариант нам дает «объективное» безличное суждение, прописную истину, «топос».

Существует мнение, что «...фразеологизмы – соматизмы русского языка наиболее часто употребляют пять компонентов: *голова, глаз, сердце, рука, нога* и семь — французского: *tête, oeil, coeur, main, bras, pied, jambe*» [Городецкая 2007, 5]. Совершенно очевидно, что расхождение в количестве здесь объясняется номинативной асимметрией: рука – *main / bras* и нога – *pied / jambe*. При этом список далеко не закрыт.

Рассмотрим соматизмы, входящие во фразеологизмы интеллектуальной деятельности. Выделим субъект прямой номинации и метафорический субъект.

Человек – носитель знаний обозначен во фразеологическом сочетании антропонимом *Un homme (m), femme (f) + prep. de + соматизм tête: un homme (une femme) de tête* – умный человек. Особенностью данного фразеологического сочетания является прямая номинация человека-протагониста. Следует сказать, что во фразеологизме лексема *голова* с предлогами выполняет функцию детерминатива. Этот детерминатив выражает положительную оценку умственного развития субъекта (*de tête*).

Таким образом, чтобы «номинавать» человека – носителя знаний, соматизм должен стать метафорическим детерминативом. Как писали М. Лакофф и М. Джонсон, «метафора и метонимия — это разные *виды* процессов. Метафора — это прежде всего способ постижения одной вещи в терминах другой, и таким образом ее основная функция заключается в обеспечении понимания. С другой стороны, метонимии присуща в основном референциальная функция, т. е. она позволяет одной сущности *заменять* другую. Но метонимия – это не только референциальный прием. <...> Выбор части определяет, на какой стороне целого фокусируется внимание. Когда мы говорим, что для проекта необходимы *светлые головы*, мы используем «светлые головы» для обозначения «умных людей». Существенно не то, что мы используем часть (голову) для обозначения целого (человека), а то, что мы выбираем отдельную характеристику человека, а именно ум, которая ассоциируется с головой» [Лакофф 2008, 62].

Как показало исследование, метафорическая косвенная номинация осуществляется 5 типами фразеологизмов – сочетаний:

- 1). «соматизм *tête* + прилагательное»;
- 2). «соматизм *tête* + *prép. de* + существительное»;
- 3). «соматизм *tête* + *prép. à* + существительное»;
- 4). «соматизм *tête* + соматизм *соеиг*»;

5). «соматизм tête во мн.ч. + prep. + субстанция, место и др.».

1. Фразеологизмы – сочетания «соматизм + прилагательное»

номинаруют человека-носителя знаний с позитивной и негативной стороны. Аксиология достигается благодаря семантике детерминантов – адъективов, сочетающихся с фразеолексемой. В рамках структуры фразеологического сочетания адъективы выносят оценку соматизму и тем самым служат маркером, обозначающим интеллектуальный уровень субъекта. Во фразеологических сочетаниях данного типа выражается оценка качеств, которые лежат в основе внутренней формы фразеологических единиц рассматриваемого фразеосемантического поля.

Аксиология, возникающая в результате переосмысления прилагательных, достигается путем выстраивания ассоциативных связей, образующихся между соматизмом и семантикой прилагательных, которые выражают психологические свойства человека:

1). общие характеристики:

а) положительные: *tête posée или rassise* - разумный человек;

б) отрицательные: *tête écervelée* - безрассудный человек;

2). качество мыследеятельности: tête bien ordonnée - здоровый, методичный ум;

3). физические свойства с метафорической характеристикой:

а) его твердости: *tête dure (твердая)* - тупой, малоразвитый человек;

б) веса: *tête légère* - легкомысленная голова;

в) силы: *forte tête* - человек с головой, умница.

Прилагательные с дескриптивным значением, имея, естественно, аксиологическую составляющую, передают более яркий национальный культурный код, соотносимый с образом:

1). производимых действий:

а) передвижения без цели: *tête vagabonde (от vagabonder - бродить)* – непутевая голова;

б) деструктивных действий: *tête fêlée* (треснутый) - ненормальный человек;

в) механистических, низкого качества: *tête mal timbrée* – ненормальный человек;

2). явлений природы (метафора): *tête éventée* (ветренный, легкомысленный - от *vent* - ветер) - бестолковый, безрассудный человек, вертопрах;

3). формы объекта: *tête carrée* (досл. квадратная голова) – тупица.

Смежные с соматизмом *голова* лексемы *cervelle* (f), *esprit* (m) и т.д. сочетаются с прилагательными, указывающими на:

1). форму, незаполненный объем, пустоту: *la cervelle creuse* (впалый мозг) - безмозгая голова; *l'esprit creux* - пустая голова, бессодержательный человек; *la tête à l'envers* - помутненный разум;

2). свет (метафора): *esprit éclairé* - светлый, просвещенный ум, светлая голова.

Фразеологическое сочетание *un panier percé* - дырявая голова представляет собой сдвоенную метафору субъекта.

Сдвоенная метафора, по нашему мнению, – номинация, в результате которой субъект замещается не соматизмом, а метафорической формой, которая в свою очередь обозначает человека – носителя знаний и дает характеристику его умственным способностям: *корзина* в значении *голова* и прилагательное *дырявая* выражают отрицательное отношение к субъекту.

II. Соматизм tête + prép. de + существительное. Следует отметить, что в данном типе фразеологических словосочетаний детерминация субъекта достигается аналитически: *de + существительное*.

Во фразеологических словосочетаниях, в которых наличествует скрытая компаративность, помимо кода соматизма представлены следующие культурные коды:

1). материал – дерево: *tête de bois* - тупой человек;

2). ПТИЦЫ (ГОЛОВА): *tête de linotte* (голова коноплянки) - бестолковый, безрассудный человек;

3). ЖИВОТНЫЕ (ГОЛОВА) – мула, осла, быка: *tête de mule* (*de mulet, d'âne, de boeuf*) - бестолочь;

4). артефакты: *tête de girouette* - бестолковый, безрассудный человек;

5). продукты питания: овощи, фрукты, мясные изделия (*choux* – капуста, *lard* – сало): *tête de choux* - глупая голова, дурная башка; *tête de lard* - дурная башка.

Как видим, во французском языковом сознании низкий умственный уровень субъекта ассоциируется с признаками, присущими представителям животного мира, птицам, явлениям природы, продуктам питания, рукотворным предметам, материалу, его качеству и т.д.

III. Соматизм tête + prep. à + существительное. Фразеологические сочетания данного типа несут негативную категорическую оценку интеллектуальному уровню субъекта. Предлог *à* в сочетании с субстантивом выражает предназначение субъекта, которое состоит в тяжелой работе (работа для дурака) и у которого в голове только ветер:

1). особенности работы (барщина, тяжелая работа, наряд, даже расстрел): *tête à corvées* – дурак;

2). явления природы (вольный воздух): *tête à l'évent* - бестолковый, безрассудный человек;

IV. Соматизм tête + соматизм coeur. Во французской лингвокультурной традиции ум находится в оппозиции к сердцу. Это противопоставление выражает фразеологизм *mauvaise tête et bon coeur* (досл. Плохая голова, но хорошее сердце) - человек безрассудный, но добродушный; *Le cœur a ses raisons que la raison ne connaît pas* и т.д.

V. Соматизм tête во мн.ч. + prép. + место. Например: *Deux têtes dans un bonnet* (*sous le même chapeau*) - две головы в одном чепчике, в одной шляпе – единомышленники. Множественный субъект в структуре фразеологического

сочетания подчеркивает единство взглядов, мнений, единомыслие субъектов-протагонистов.

Функциональной особенностью данных оценочных фразеологизмов является метафорическое представление субъекта 2-го и 3-го лица в роли оцениваемых по метафорическим параметрам их интеллектуальной деятельности.

Во французском вербальном сознании голова соотносится с воображением. Например: *Sa tête est un (vrai) brasier* - у него пылкое воображение. Соматизм *tête*, выполняющий в предложении функцию подлежащего, метонимически отмечает не только человека, но и характер ментальных процессов.

В поговорках, дающих большую этническую маркированность оценке умственной сферы человека, отмечается взаимозависимость интеллектуального уровня человека с его физиологическими и антропологическими особенностями, с перспективами обучения и т.д.:

1). умственные способности – физиологические особенности носителя знаний: *Tête de fou ne blanchit (jamais) pas* - дураки не седеют;

2). умственные способности – качество характера: *Ce qu'il a la tête il ne l'a pas aux pieds (au talon)* - если он что-либо вобьет себе в голову, он от этого не откажется;

3). размер головы и умственные способности: *Grosse tête, peu de sens* - большая голова еще не означает большого ума, велика фигура, да дура. Во фразеологизме противопоставляются размер вместимости ума и качество содержания. Во французском языке существует синонимичный фразеологизм приведенному выше выражению *En petite tête gît grand sens* (досл. В малой голове содержится большой смысл) - мал золотник, да дорог;

4) качество умственных способностей – успех: *Qui a bonne tête ne manque pas de charreau* - у кого есть голова на плечах, тот не пропадет;

5) количество голов, умов – знания, мнения: *Autant de têtes, autant d'avis (d'opinions, de sentiments) (vingt têtes, vingt avis)* - Сколько голов, столько умов;

6) низкие умственные способности – последствия для обладателя: *Quand on n'a pas de tête, il faut avoir des jambes-* дурная голова ногам покоя не дает;

7) умственные способности – возможность обучения: *A laver la tête d'un âne (d'un Maure, d'un More) on perd (son temps) sa lessive-* дурака учить, что мертвого лечить.

Таким образом, как показал анализ французских ФЕ, субъект – носитель знаний реже получает прямую (*homme/femme*) и чаще косвенную номинацию во фразеологических сочетаниях, имеющих в своем составе лексему *tête* и др.

Однако, на наш взгляд, еще более важной категорией, выражающей субъекта когнитивного, является категория «langue – язык», поскольку в ней совмещается интеллектуальная и речевая деятельность человека. Н.Д. Арутюнова пишет: «Язык — это своего рода аналог человека. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух. Он воспринимается одновременно умом и органами чувств. Этот дуализм языка, повторяющий двойственную природу человека, отражен почти во всех его дефинициях» [Арутюнова 2000, 7]. На примере ФСП «Речевая деятельность» мы также отмечаем все стадии взаимодействия Я говорящего (А), Я интеллектуального (В) и Я протагониста (С). Причем, попытаемся отследить, с одной стороны, их степень эксплицитности, а с другой – разобьем их на три аксиологические группы:

- (I) «поощрение речевой деятельности»,
- (II) «запрещение речевой деятельности» и
- (III) «прочие характеристики речевой деятельности».

Первую характеристику мы обозначим латинскими буквами, вторую — цифрами: *ne vous (en) déplaie!* разг. не в обиду вам будь сказано (I – А); *je t'en dirai bien d'autres* – я тебе еще не то скажу (I – А); *vous m'en direz tant!* уж вы скажете!(II–А+В); *je m'entends bien* (разг.) – я отлично понимаю, что говорю (I –А+В); *J'appelle un chat un chat et Rolet un fripon* – слова Буало о прокуроре

парламента Роле - известном взяточнике (III –A+B); . *je vous en défie* ручаюсь, что вы не сделаете этого (III – A+B); *aussitôt dit, aussitôt fait* – сказано-сделано (III – C) и т.д. Последний пример с устранением субъекта и объективизацией фразеологизма наиболее представлен во французском фразеологическом тезаурусе.

Таким образом, во фразеологических единицах и паремиях проявляется когнитивный и прагматический (субъект-субъектный, интеракциональный) уровни формирования категории «языковой субъект».

ВЫВОДЫ

1. Редукция имени деятеля на синтаксическом уровне не идет в ущерб коммуникации. В главе V установлено, что все формы редукции свойственны и более широкому синтаксическому целому, которое представлено в диссертации на фразеологическом и паремическом уровнях.

2. Введение неопределенно-личного местоимения, отражающего рефлексирующий субъект, делает высказывание «более объективным», обладающим большей аргументативной силой. Неопределенно-личные высказывания стремятся к обобщению, а следовательно, и к объективности.

3. Фразеологизмы и паремии, закрепляющие в языке определенные «готовые» речения, не лишены субъективности, требующей представления говорящего субъекта в роли протагониста в пропозиции собственного высказывания.

4. Классификация фразеопаремий, входящих в категориальные поля речевой или интеллектуальной деятельности субъекта, сводится к аксиологической триаде (+/-/0), где под нулевой позицией подразумеваются амбивалентные характеристики объекта. На фразеологическом уровне сохраняются три ипостаси субъекта: **протагонист** (+ соматическая метафора/метонимия), **интенциональный** (аксиологический) субъект и **энунциатор** в рамках локуции данного фразеологизма (фразеологической номинации) в ситуативно обусловленном речевом взаимодействии.

5. Семантическая обобщенность, неопределенно-личная форма субъекта позволяют проследить статику и динамику метафорической реализации субъекта-протагониста во фразеологизмах и поговорках (парадигматически и синтагматически), что дополняет языковую картину, например, речемыследеятельности, позволяет определить ситуативную аксиологию фразеологизма, которая целиком относится к совокупной ипостаси энонсирующего и интенционального субъектов.

6. В основе образования фразеологизмов и поговорок лежит генерализация субъекта, которая приводит к семантической **квазибессубъектности** (при наличии говорящего субъекта) и **псевдообъективности** такого рода речений. Однако функционально-семантический анализ показывает разнообразную типологию субъекта и его формально-содержательных характеристик во фразеологизмах и поговорках французского языка в зависимости от структуры и семантики языкового субъекта.

7. Существуют особые этномаркированные ФЕ, не имеющие аналогов в других языках. Во французском языке прежде всего можно отметить класс ассонансов — функциональных регуляторов интеракционального речевого поведения.

8. Функциональная семантика *обобщения* во фразеологизмах обеспечивается разнообразными средствами плана выражения. Это редукция с обобщенно-личным и неопределенно-личным местоимением “on”, а также: эллипсис с глагольной вершиной; глагол с префиксальным наречием; субстантивизация с экзистенциальными глаголами (оборотами), наречиями, местоимениями, междометиями и др.

9. Исследуемые в работе категориальные поля '*Интеллектуальная деятельность человека*' и '*Языковая деятельность человека*' могут быть представлены в виде ядра функционально-семантического поля категорию «языковой субъект».

10. Фразеологические единицы выделенных ФСП отличаются степенью своей структурной завершенности и образным (метафоричным) содержанием. Фразеологизмы, выражая положительную или отрицательную коннотацию, выполняют также стилистическую и регулятивную функции, которые проявляются в их принадлежности к определенному уровню языка и в экспрессивно-эмоциональной окраске. В результате удалось выявить национальное видение носителями французской лингвокультуры базовые стереотипы интеллектуальной и речевой деятельности человека и его симулякров в плане выражения категории «языковой субъект».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория «языковой субъект» несет в себе метаязыковую составляющую, поскольку речь идет о самом языке. Однако это рефлексивное метаязыковое свойство присуще любому значимому языковому элементу, если говорить о плане выражения. При этом рассматриваемая категория не только формально отсылает нас к чисто языковым, лексико-синтаксическим субкатегориям типа «подлежащее, безличная конструкция, неопределенно-личное местоимение и т.д.», она имеет сложную когнитивную структуру, которая переплетает план выражения и онтологию названной категории. В первую очередь её представляет понятие субъекта, полисемия которого варьируется в зависимости от научной парадигмы его исследования.

Все ли значения понятия «субъект» входят в ядро категориального представления «языкового субъекта»? С одной стороны, все просто, если речь идет о синтаксисе. При всех инверсиях через разнопорядковые синтаксические единицы многих языков выводим инвариант: субъект – деятель, совершающий действие, либо заместитель субъекта (**субъектный репрезентатив – СР**) или, наконец, его отсутствие как такового (значимый ноль) – в случае безличного представления действительности. По форме это явный эллипсис, восстанавливаемый с точки зрения плана содержания. В русском языке в безличной конструкции (БК) нет и намека на языковой субъект, даже если она используется в речи неким совершенно реальным человеком.

Однако русский язык подразумевает дихотомию субъекта «что?/кто?» и компенсирующее его отсутствие косвенные местоимения, обстоятельства места, времени, состояния, указывающие на субъект высказывания.

Во французском языке данная морфосинтаксическая лакуна заполнена облигаторно за счет безличного *il* или указательного *c'est (ça)*. Эти местоимения синтаксически являются «исполняющими обязанности» субъекта.

Таким образом, субъектная интенция (план содержания + план выражения) принадлежит тому, кто произвел на свет данное высказывание в

данной коммуникативной ситуации. Вопрос в том, входит ли говорящий в категорию «языковой субъект» или остается окказиональным локутором (производителем) высказывания.

Основываясь на синтактико-семантическом анализе предложения (высказывания), считаем, что говорящий остается на периферии категориальной информации, так же как и БК в русском и французском языках.

Если предположить, что внутренняя структура категории организована в виде поля, тогда к ядерным элементам относятся возникающие первыми, на уровне рефлексивной реализации, категорийные автоматизмы — трансцендентные понятия — константы при актуализации категории «языковой субъект». Такие категории прежде всего выражаются двумя личными местоимениями **Я** и **Ты**, причем они образуют синергетическую общность ($Я_{ты} \leftrightarrow Ты_я$). «Я» предполагает «Ты», как и наоборот. Причем эта обоюдная синергетическая ипостась противоположена «не-лицу» (**ОН** и **ОНИ**), по Э. Бенвенисту, сущности, выражаемой *3 лицом* субъекта.

Однако противоречие заключается в том, что языковой субъект неотделим от социального субъекта, включающего все три лица в виде точек зрения на объект высказывания (субъект-объектные отношения). Таким образом, в высказывании и в дискурсе мы наблюдаем иерархию субъект-субъектных и субъект-объектных отношений:

Я – ТЫ	ГЛАГОЛЬНОЕ ЯДРО	ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ
МЫ		
ОН – ОНИ		

В дискурсе наблюдаются процессы асимметрии плана выражения и плана содержания при обобщении субъекта, редукции или его низложении, однако данный функциональный динамизм дает возможность представить субъект косвенным образом: притяжательными, указательными местоимениями и другими **СР**.

В художественном произведении субъект речи может выступать в качестве авторского «я», повествователя, свидетеля или участника события. Тот или иной тип субъекта речи вводит в дискурс новых действующих лиц, с которыми вступает во взаимодействие в речемыслительном процессе. Таким образом продуцируется композиционно сложная ткань повествования, включающая в себя, помимо автора и его взгляда на происходящее, речь, мысли, суждения, представления персонажей, а также другие элементы реального и воображаемого мира, которые релевантны в данный момент для выстраиваемого энунциатором дискурса.

Полифонии категории «языковой субъект» может быть противополжена синергетическая модель ядра категории. Внутренне диалогически связанные, синергетические Я/ТЫ могут включать в себя реальных производителей дискурса — говорящего и слушающего — этих интеракциональных прототипов автора и читателя. Модально-оценочная рамка вводит роли интенционального, переживающего и оценивающего субъекта, как говорящего, так и слушающего. В пропозициональном поле роль субъекта выполняет протагонист (деятель), который может быть полифоническим симулякром всех перечисленных выше ролей. Его имманентное качество — оставаться на нижнем уровне иерархии личностно-грамматической классификации ядра категории «языковой субъект», то есть соотноситься с местоимением ОН, даже если ОН принимает лицо Я или Ты (пропозициональных).

Таким образом, ядро категории «языковой субъект» синкретично совмещает в себе говорящего, переживающего и протагониста на трех уровнях иерархической синергетической модели ядра категории «языковой субъект». Несмотря на лексико-грамматические и прагматические превращения, мы на уровне когнитивного знания можем определить дискретность синкретического выражения Я/ТЫ/ОН, в каких бы лексемах они ни отражались или не отражались совсем (имплицитность, эллипсис). В приложении II приведен пример глубоко личностной, метафоричной поэтической речи, где ОНИ

становятся ВЫ (причем, обращение автора включает апелляцию к «великим усопшим», к теням прошлого), а сам автор (Я) представляет себя (умершего) в образе «вечного курортника» (ОН – Я).

Исследование показало, что проблема субъекта и его выраженности касается не только поверхностного (семантико-синтаксического) уровня (см. выше), но и глубинного — когнитивного и прагматического (субъект-субъектного, интеракционального), — проявляемых во фразеологии и паремиологии. Эта парадигма приближается к изучению функционального аспекта субъективности в политическом речевом взаимодействии, рекламе, манипулятивной коммуникации и т.п.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов Б.А. Теория вариантности в исследованиях синтаксиса / Б.А. Абрамов // Тезисы международной конференции. – Москва: Московский государственный университет, 1995.– Т.2. – С. 8-10.
2. Авторитетность и коммуникация. Серия "Аспекты языка и коммуникации". Выпуск 4. [под ред. В.Б. Кашкина]. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. – 216 с.
3. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони – Ленинград: Наука, 1988. – 240 с.
4. Айрапетов Г.Э. Интеракциональные особенности полилогического дискурса (на материале французского языка): автореф. дис... канд. филол. наук / Г.Э. Айрапетов. – Воронеж, 2006. – 17 с.
5. Александрова О.В. Семиотика неплавной речи. / О.В. Александрова. – Москва, 1987. – 138 с.
6. Алешина Л.Н. Семантика и формы личного прямого субъекта в древнерусском языке XII-XIV вв.: дис ... канд. филол. наук / Л.Н. Алешина. – Ставрополь, 2003. – 208 с.
7. Алисова Т.Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений /Т.Б. Алисова // Инвариантные синтаксические значения и структура предложений. – Москва: Наука, 1969. – С. 28.
8. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка / Т.Б. Алисова – Москва: Московский государственный университет, 1971.– 239с.
9. Алпатов В.М. Вопросы лингвистики в работах М.М. Бахтина 40-60х годов / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания, №6. – Москва, 2001. – С. 123-137.
10. Алферов А.В. Дейксис de dicto: функциональный класс интеракциональных индексалов / А.В. Алферов // Научные доклады высшей школы: Филологические науки, № 2. – Москва, 2001а. – С. 85-93.

11. Алферов А.В. Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия: дис... д-ра филол. наук / А.В. Алферов. – Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2001б. – 327 с.
12. Алферов А.В. На пути к грамматике речи: интеракциональные категории высказывания / А.В. Алферов // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – Москва: Ленанд-УРСС, 2007. – С. 457-461.
13. Аминова Т.А. Сложноподчиненное предложение с придаточным субъектным в референциально-прагматическом аспекте (на материале современного немецкого языка): дис ... канд. филол. наук / Т.А. Аминова. – Самара, 2005. – 206 с.
14. Андиш И.Б. Генерализированные высказывания в публицистическом и художественном дискурсах (на материале современного английского языка): автореф. дис... канд. филол. наук / И.Б. Андиш. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2012. – 29с.
15. Апресян Ю.Д. Понятие субъекта действия и его выражения в русском, английском и французском языках / Ю.Д. Апресян // Функционально-филологические проблемы грамматики. – Вологда, 1986. – С. 12-14.
16. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. №1. 1995. – С. 37-57.
17. Апресян Ю.Д. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике / Ю.Д. Апресян // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В.С. Храковского. – Москва: Знак, 2004. – С. 20-35.
18. Аристотель / Сочинения в четырех томах // Аристотель. – Т.1. – Москва: Мысль, 1975. – 552 с.
19. Арно А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансло. – Москва: Прогресс, 1990. – 272 с.
20. Арно А. Логика, или Искусство мыслить / А. Арно, П. Николь. – Москва, 1991. – С. 147-148.

21. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева – Москва: Наука: Смысл, 1999. – 349 с.
22. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и "почему" – реплики в русском языке / Н.Д. Арутюнова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1970. – № 3. – С. 44-58.
23. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. № 6, 1971. – С. 63-73.
24. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1976. – 183 с.
25. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1979. Т. 38. № 4. – С. 323-334.
26. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. Т.40. № 4. – С. 356-367.
27. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики – 1982. – Москва: Наука, 1984. – С. 5-23.
28. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 314 с.
29. Арутюнова Н.Д. Метонимия; Пропозиция; Субъект / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия. 1990. – С. 300; 401; 497-498.
30. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова // – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
31. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-19.
32. Атабекова Н.А. Субъект действия и синтаксическая структура предложения в научной речи: дис ... канд. филол. наук / Н.А. Атабекова. –

Москва, 1984. – 190 с.

33. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
34. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Иностранная литература, 1955. – 416 с.; – Москва: Едиториал УРСС, 2001.– 416 с.
35. Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания, 1992, № 2. – С. 84-99.
36. Баранов А.Н. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания, 1992 а, № 3. – С. 84-93.
37. Барулин А.Н. Некоторые проблемы семантического анализа вопросительных местоимений /А.Н. Барулин // Теории и типология местоимений. – Москва: Наука, 1980. – С. 27-62.
38. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1994. – 616 с.
39. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 423 с.
40. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 336 с.
41. Белау М.Ю. Глагольная таксономическая модель концепта "Самостоятельное перемещение субъекта" в современном английском языке: дис канд. филол. наук / М. Ю. Белау. – Тамбов, 2009. – 192 с.
42. Беллерт И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – Москва: Прогресс, 1978. – С. 172-207.
43. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – Москва: Прогресс, 1974. – 446 с.
44. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – Москва:

- Высшая школа, 1986. – 159 с.
45. Бобкова Ю.З. Субъектно-речевая структура художественной биографии (на материале современной немецкоязычной биографической прозы): дис... канд. филол. наук / Ю. З. Бобкова. – Калининград, 2008. – 188 с.
  46. Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: дис... канд. филол. наук / Н. В. Богданович. – Москва, 2004. – 267 с.
  47. Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова – Москва: Языки русской культуры, 2001. – С. 383-394.
  48. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл /А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1978. – 175 с.
  49. Бондарко А.В. Общая характеристика семантических категорий и поля личности /А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 5-40.
  50. Бондарко А.В. Значение и смысл; проблема интенциональности//А.В. Бондарко // Тезисы международной конференции. – Москва: Московский государственный университет, 1995. – Т. 2. – С. 68-69.
  51. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
  52. Бондарко А.В. Варианты классификации категорий и разрядов в сфере грамматики / А.В. Бондарко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – С. 21-26.
  53. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор – Москва: Иностранная литература, 1961. – 151 с.

54. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосипергетике / В.Г. Борботько. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 228 с.
55. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова – Москва: URSS , 2007: ООО Ленанд – 317 с.
56. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова: психолингвистический аспект: дис ... д-ра филол. наук / И.А. Бубнова. – Москва, 2008. – 471 с.
57. Булыгина Т.В. К построению типов предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – Москва: Наука, 1982. – С. 8-87.
58. Булыгина Т.В. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв // Теория функциональной грамматики. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 41-62.
59. Булыгина Т.В. Карл Бюлер: жизнь и творчество / Т.В. Булыгина, А.А. Леонтьев. – Вступительная статья // Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. VII- XXIV.
60. Булыгина Т.В. Чем обусловлена транзитивной знания? / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. [Редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова]. – Москва: Индрик, 2003. – С. 79-84.
61. Быков Д.В. Фразеорефлексы французского языка / Д. В. Быков // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – Москва: Ленанд-УРСС, 2007. – С. 416-425.
62. Бюлер К. Теория языка / К. Бюлер – Москва: Прогресс, 2000. – 528 с.
63. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация/ Т.А. Ван Дейк. – Москва: Прогресс, 1989. – 312 с.

64. Ван Сяоцзюнь. Система средств и способов выражения субъективно-модальных значений в русском и китайском языках: дис ... канд. филол. наук / Ван Сяоцзюнь. – Белгород, 2010. – 205 с.
65. Варварин А.В. Интерактивный статус субъективной оценочности в диалогическом дискурсе (на материале английского и русского языков): дис ... канд. филол. наук / А.В. Варварин. – Москва, 2009. – 168 с.
66. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания, №5, 1971. – С. 105-113.
67. Вейнрейх У. Опыт семантической теории / У. Вейнрейх // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – Москва: Прогресс. 1981. – С. 50-176.
68. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. — Москва-Ленинград, 1947; – Москва: Высшая школа, 1986. – 640 с.
69. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. Часть 1. – Москва: Гнозис, 1994. – 612 с.
70. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – Москва: Наука, 1974. – 224 с.
71. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф – Москва: «Наука», 1985. – 229 с.; – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
72. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции/ Е.М. Вольф // Логический Анализ языка. Избранное. 1988-1995. [Редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова]. – Москва: Индрик, 2003. – С. 87-101.
73. Вукович Й. К вопросу о фразовой синонимии / Й. Вукович // Исследование по славянской филологии. – Москва: Московский государственный университет, 1974. – С. 13-17.
74. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский – Москва-Ленинград: «Соцэкгиз», 1934. – 324 с.
75. Гак В.Г. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков / В.Г. Гак, Е.Б. Ройзенблит. – Москва: Высшая школа, 1965. – 378 с.

76. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – Москва: Наука, 1972. – С. 53-98.
77. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В.Г. Гак // Вопросы французской филологии. – Москва: Наука, 1972а. – С. 123-136.
78. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики – 1972. – Москва: Наука, 1973. – С. 349-372.
79. Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта / В.Г. Гак // Синтаксис и стилистика. – Москва: Наука, 1976. – С. 85-102.
80. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании / В.Г. Гак // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – Калинин: Калининский государственный университет, 1980. – С. 41-51.
81. Гак В.Г. О модально-эмоциональной рамке предложения / В.Г. Гак // Новые явления и тенденции во французском языке. Москва: Московский государственный педагогический институт, 1984. – С. 169-174.
82. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – Москва: Наука, 1985. – С. 5-15.
83. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак – Москва: Высшая школа, 1986. – 312 с.; – Москва: Добросвет, 2000. – 832с.
84. Гак В.Г. О логическом исчислении семантических типов пропозициональных глаголов / В.Г. Гак // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. – Москва: Наука, 1987. – С. 38-40.
85. Гак В.Г. Высказывание / В.Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 90.
86. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – Москва: Русский язык, 1988. – 264 с.

87. Гак В.Г. Неопределенноличность в плане содержания и в плане выражения / В.Г. Гак // Теория функциональной грамматики. – Санкт-Петербург: Наука, 1991.– С. 72-86.
88. Гак В.Г. Номинация действия / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Модели действия / Институт языкознания Российской академии наук. – Москва: Наука, 1992. – С. 77-84.
89. Гак В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами / В.Г. Гак // Язык речевых действий. Логический анализ языка / [под редакцией Н.Д. Арутюновой]. – Москва: Наука, 1994. – С. 6-10.
90. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В.Г. Гак // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Москва: 1995, № 4. – С. 47-55.
91. Гак В.Г. Синтаксис эмоции и оценок / В.Г. Гак // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – Москва: 1996. – С. 20-30.
92. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
93. Гарамян А.В. Особенности передачи субъективно-комического эффекта в переводах комедий У. Шекспира при отсутствии прямых межъязыковых соответствий: дис ... канд. филол. наук /А.В. Гарамян. – Пятигорск, 2004. – 169 с.
94. Гермашева Т.М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: дис ... канд. филол. наук / Т.М. Гермашева. – Ростов-на-Дону, 2011. – 176 с.
95. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом – Москва: Прогресс, 1992. – 224 с.
96. Гиндин С.И. Семантика текста и различные теории информации / С.И. Гиндин // Научно-техническая информация. Сер.2, № 10, 1977. – С. 10-15.

97. Глухова О.П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: дис. ... канд. филол. наук / О.П. Глухова. – Кемерово, 2010. – 200 с.
98. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности / И.Н. Горелов. – Таллинн: Валгус, 1987. – 196 с.
99. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике / И.Н. Горелов. – Москва: Лабиринт, 2003. – 320 с.
100. Городецкая И.Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: автореф...канд. филол. наук / И. Е. Городецкая. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2007. – 22 с.
101. Горяев С.О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): дис ... канд. филол. наук / С.О. Горяев. – Екатеринбург, 1999. – 165 с.
102. Гришаева Л.И. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: коллективная монография / Л.И. Гришаева и [др.] – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009. – 319 с.
103. Гришина Н.И. Предложения с дативным субъектом в современном русском языке: семантико-синтаксическая структура и парадигматические связи: дис ... д-ра филол. наук / Н.И. Гришина. – Москва, 2002. – 405 с.
104. Гулыга Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова / Е.В. Гулыга // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, № 2. – М.: 1967. – С. 62-72.
105. Гуревич В.В. О семантике неопределенности / В.В. Гуревич. // Филологические науки, № 1, 1983. – С. 54-60.
106. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль – Минск.: Харвест, Москва: АСТ, 2000. – 752 с.

107. Гюрджян Н.С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге (на материале английского и русского языков): автореф. дис...канд. филол. наук / Н.С. Гюрджян. – Пятигорск, 2009. – 20 с.
108. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь / В.Д. Девкин. – Москва: Международные отношения, 1979. – 254 с.
109. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – №4, Т.40. – С. 327-337.
110. Дорофеев Г.В. Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте / Г.В. Дорофеев, Ю.С. Мартемьянов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. – Москва, 1969. – С. 36-59.
111. Думанишева Ж.Б. Языковые средства репрезентации субъективной модальности в романе Эрнеста Хемингуэя "По ком звонит колокол": дис ... канд. филол. наук / Ж. Б. Думанишева. – Майкоп, 2011. – 172 с.
112. Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывание / О. Дюкро // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 263- 691.
113. Егорова Л. А. Способы актуализации субъекта в простом предложении: дис ... канд. филол. наук / Л.А. Егорова.– Рязань, 2007. – 233 с.
114. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен – Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. – 404 с.
115. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 382 с.
116. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с.
117. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

118. Золотова Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания, № 4. – Москва, 1988. – С. 52-56.
119. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. Москва: Наука, 1982. – 366 с.; – Москва: УРСС, 2001. – 368 с.
120. Зяткова Л.Я. Субъективная модальность политического дискурса. На материале российских, британских и американских печатных СМИ: дис ... канд. филол. наук / Л. Я. Зяткова. – Тюмень, 2003. – 249 с.
121. Иванова Е.Ю. О перцептивности номинативных предложений / Е.Ю. Иванова // Вопросы языкознания, №1. – Москва, 2004. – С. 107-117.
122. Ивин А.А. Логическая структура понимания / А.А. Ивин // Логика и системные методы анализа научного знания. – Москва, 1986а. – С. 189-191.
123. Ивин А.А. Понимание и ценности: логическая структура понимания / А.А. Ивин // Понимание как философско-методологическая проблема // Вопросы философии. – 1986б. – № 9. – С. 49-51.
124. Изюров А.М. Актуализация речевого субъекта в политическом дискурсе. На материале современного немецкого языка: дис ... канд. филол. наук / А.М. Изюров. – Санкт-Петербург, 2005. – 189 с.
125. Илия Л.И. К проблеме категории лица / Л.И. Илия // Проблемы семантического синтаксиса. – Ставрополь, Ставропольский государственный педагогический институт, 1978. – С. 64-65.
126. Ильичева Н.В. Предложения с генерализованным субъектом: формальный и функциональный аспекты. На материале английского языка: дис... канд. филол. наук / Н.В. Ильичева. – Воронеж, 2007. – 233 с.
127. Имеретинская Н.Д. Неопределенные субъекты в семантической структуре текста. На материале немецкого языка: дис...канд. филол. наук / Н.Д. Имеретинская. – Санкт-Петербург, 2002. – 183 с.

128. Иосилевич Н.В. Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта: дис ... канд. филол. наук / Н.В. Иосилевич. – Владимир, 2002. – 148 с.
129. Йокояма О. Коммуникативные неудачи в рамках транзакционной модели дискурса / О. Йокояма // Лики языка. – Москва: Наследие, 1998. – С. 122-130.
130. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О. Йокояма – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
131. Казанцева Ю.С. Субъективная модальность в русских и английских проспектах услуг высшего профессионального образования: дис ... канд. филол. наук / Ю.С. Казанцева. – Екатеринбург, 2007. – 168 с.
132. Камнева И.В. Консесив *quand même* как субъективема синтаксического порядка в современном французском языке: дис ... канд. филол. наук / И. В. Камнева. – Иркутск, 2011. – 177 с.
133. Капрэ Е.Н. Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах: дис ... канд. филол. наук / Е.Н. Капрэ. – Калининград, 2011. – 195 с.
134. Карасик В.И. Типы коммуникативной тональности / В.И. Карасик // Язык, сознание, культура, социум. Сборник докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 421-433.
135. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Издательство «Лучшие компьютерные игры», 2007. – 264 с.
136. Карлина О.А. Выражение типового значения "единство действий одного субъекта" в современном русском языке: дис ... канд. филол. наук / О.А. Карлина. – Таганрог, 1999. – 155 с.
137. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // В.А. Звегинцев // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – Москва, 1965. – С. 85-90.

138. Касевич В.Б. От пропозиции к семантике предложения / В.Б. Касевич, В.С. Храковский // Типология конструкций с предикатными актантами. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 96-155.
139. Катц Дж. Семантическая теория / Дж. Катц // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – Москва: Прогресс, 1981. – С. 33-49.
140. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Ленинград: Наука, 1972. – 216 с.
141. Кацнельсон С.Д. О категории субъекта предложения / С.Д. Кацнельсон // Универсалии и типологические исследования. – Москва: Наука, 1974. – 104-124 с.
142. Кашкин В.Б. Прототипическая коммуникативная ситуация и грамматика перевода / В.Б. Кашкин // Единство системного и функционального анализа языковых единиц / [под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой] – Материалы Международной конференции. Вып.9. Ч.II. – Белгород, 2006. – С. 186-188.
143. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В.Б. Кашкин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 248 с.
144. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 224 с.
145. Кибрик А.Е. Пациенс. Агенс / А.Е. Кибрик // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 17; 369.
146. Кинэн Э.Л. К универсальному определению подлежащего / Э.Л. Кинэн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 236-276.
147. Киреева Е.С. Языковые средства реализации ролевого и субъективного модусов в диалоге. На материале американской художественной литературы: дис ... канд. филол. наук /Е.С. Киреева. – Москва, 1999. – 187с.

148. Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения/ И.И. Ковтунова. – Москва: Просвещение, 1976. – 195 с.
149. Козел Н.Я. Синтаксическая синонимия в способах выражения субъекта предложения: дис... канд. филол. наук / Н. Я. Козел. – Москва, 2002.– 193с.
150. Козинцев А.Г. Об антиреферентивной функции языка / А.Г. Козинцев // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией [Ответственный редактор Н.Д. Арутюнова]. – Москва: Издательство «Индрик», 2008. – С. 55-66.
151. Колшанский Г.В. Соотношение объективного и субъективного в языке / Г.В. Колшанский. – Москва: Наука, 1975. – 231 с.
152. Колшанский Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката / Г.В. Колшанский // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1979. –Т.38. – №4. – С. 318-322.
153. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – Москва: Наука, 1980. – 147 с.
154. Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения / В.Ю. Копров. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – 191 с.
155. Корди Е.Е. Деривационная, семантическая и синтаксическая классификация местоименных глаголов французского языка / Е.Е. Корди // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Ленинград: Наука, 1981. – С. 222-252.
156. Корди Е.Е. Полисемия безличных конструкций во французском языке / Е.Е. Корди // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С. Храковского.– Москва: Знак, 2004. – С. 232-249.
157. Косиченко Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки: дис ... канд. филол. наук / Е.Ф. Косиченко.– Москва, 2006. – 224 с.
158. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: Образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал

- семантических категорий "пространство", "субъект", "объект", "инструмент": дис ... канд. филол. наук / Е.В. Коськина. – Омск, 2004. – 200 с.
159. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (например концепта «Поведение человека») / С.М. Кравцов. – Ростов-на-Дону: Педагогический институт Южного федерального университета, 2008. – 312 с.
160. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 1996. – 160 с.
161. Кравченко А.В. Знак. Значение. Знание / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издательство Областного государственного унитарного предприятия, 2001. – 261 с.
162. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издательство Байкальского государственного университета экономики и права, 2008. – 320 с.
163. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. Человек. Сознание. Коммуникация / В.В. Красных. – Москва: Диалог-Московский государственный университет, 1998. – 352 с.
164. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): дис ... канд. филол. наук / Е.В. Коськина. – Иркутск, 2011. – 200 с.
165. Крылов С.А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении / С.А. Крылов // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В.С. Храковского. – Москва: Знак, 2004. – С. 259-267.
166. Крячкова Е.И. Французские лексические единицы, образованные на основе имени собственного: дис ... канд. филол. наук / Е.И. Крячкова. – Воронеж, 1999. – 145 с.

167. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия / Институт языкознания Российской академии наук. – Москва: Наука, 1992. – С. 84-90.
168. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания, №4. – Москва, 1994. – С. 34-47.
169. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
170. Кузнецов К.Н. Категория субъекта во французском постструктурализме: Теоретико-литературный аспект работ Ж. Делеза: дис...канд. филол. наук / К.Н. Кузнецов. – Москва, 2003. – 150 с.
171. Кулакова Ю.В. Псевдореферентная номинация в аспекте перевода (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Кулакова. – Пятигорск, 2010. – 27 с.
172. Куличенко Ю.Н. Этнокультурная специфика мимического выражения внутреннего состояния субъекта в русском и английском коммуникативном поведении: дис ... канд. филол. наук. / Ю.Н. Куличенко. – Волгоград, 2011. – 177 с.
173. Кунина Н.А. Опыт системно-синтаксического анализа семантики связного текста / Н.А. Кунина // Семантика и структура предложения. – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета, 1978. – С. 137-141.
174. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.
175. Кустова Е.Ю. Интеракциональная теория междометия (на материале французского языка) / Е.Ю. Кустова. – Пятигорск, 2009. – 360 с.

176. Ладыгин Ю.А. Автоцентрический подход к анализу прозаического художественного текста / Ю.А. Ладыгин. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 1997. — 135 с.
177. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. Введение / Д. Лайонз — Москва: Языки славянской культуры, 2003.— 400 с.
178. Лакофф Дж. О порождающей семантике // Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. — Москва: Прогресс, 1981. — С. 302-349.
179. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.
180. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва: Издательство «Лучшие компьютерные игры», 2008. — 256 с.
181. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев — Москва: Политиздат, 1975. — 304 с.
182. Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А.А. Леонтьев — Москва: Смысл, 2001. — 392 с.
183. Ли В.С. Событие как категори номинализации и как категория языка / В.С. Ли // Тезисы международной конференции. — Москва: Московский государственный университет, 1995. —Т. 2. — С. 312-313.
184. Лимантов Д.С. Лекции по логике вопросов / Д.С. Лимантов. — Ленинград: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1975. — 112 с.
185. Локтионова С.Н. Субъективная оценка как смысловой компонент текста современной французской авторской песни (на материале песен Ж. Бреля и Ж. Брассенса): дис ... канд. филол. наук / С.Н. Локтионова. — Москва, 2005. — 212 с.
186. Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1994. — 280 с.

187. Лосев А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев – Москва: Московский государственный педагогический институт, 1983. – 375 с.
188. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия – Москва: Московский государственный университет, 1998. – 336 с.
189. Лухт Л.И. Предикаты состояния /Л.И. Лухт // Семантические типы предикатов. – Москва: Наука, 1982. – С. 340-349.
190. Льюиз, Д. Истинность в вымысле / Д. Льюиз // Логос, №3, 1999. – С. 48-68.
191. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: Дис... д-ра филол. наук / О.В. Магировская. – Тамбов, 2009. – 351 с.
192. Магомедов М.И. Субъектно-объектные отношения и категория залога в аварском языке: дис ... д-ра филол. наук / М.И. Магомедов. – Москва, 2003. – 302 с.
193. Макарадзе Т.Ш. Коммуникативно-семантическая категория субъектной и объектной ориентации в структуре глагола-предиката (на материале современного английского языка): дис ... канд. филол. наук / Т.Ш. Макарадзе. – Москва, 1984. – 177 с.
194. Макеева С.О. Сопоставительное исследование терминологии сферы образования в аспекте прагматики и субъективной модальности (на материале англоязычных и русскоязычных текстов): дис ... канд. филол. наук / С.О. Макеева. – Екатеринбург, 2002. – 256 с.
195. Мамаева Ф.Т. Способы выражения субъекта и семантическая структура простого предложения в карачаево-балкарском языке: дис ... канд. филол. наук / Ф.Т. Мамаева. – Нальчик, 2005. – 154 с.
196. Маров В.Н. Похвальное слово «общим местам» / В.Н. Маров // Риторика. – Москва: Лабиринт, 1996. – №1 (3). – С. 5-22.
197. Матаева Ю.А. Субъектно-объектные отношения в деловом языке второй половины XVIII века. По архивным материалам: дис ... канд. филол. наук /Ю.А. Матаева. – Челябинск, 2005. – 183 с.

198. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения/ В. Матезиус //Пражский лингвистический кружок. – Москва, 1967. – С. 237-239.
199. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – Москва: Прогресс, 1995. – С. 115-141.
200. Мерзлякова Н.П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: дис ... канд. филол. наук / Н.П. Мерзлякова. – Ижевск, 2010. – 174 с.
201. Меркушева О. В. Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования. На материале прозы А. И. Солженицына: дис ... канд. филол. наук. / О.В. Меркушева. – Воронеж, 2002. – 156 с.
202. Мерлин В. Производство удовлетворения: Очерки симптологии русского тела / В. Мерлин. – Москва: Знак, 2006. – 232 с.
203. Мишина С. А. Морфологические способы выражения и семантические функции субъекта в мордовских (эрзянском и мокшанском) и финском языках: дис ... канд. филол. наук. / С.А. Мишина. – Саранск, 2006. – 165 с.
204. Моисеева С.А. Системные и функциональные связи глаголов семантического поля восприятия / С.А. Моисеева. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 1999. / С.А. Мишина. – 135 с.
205. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках/С.А. Моисеева. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2005. – 248 с.
206. Моисеева С.А. Полиmodalность глаголов восприятия (на материале французского языка) / С.А. Моисеева// Единство системного и функционального анализа языковых единиц/ [под редакцией О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой]. – Материалы Международной конференции. Вып.9. Ч.II. – Белгород, 2006. – С. 83-90.

207. Моррис Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. Москва: Радуга, 1983. – С. 37-89.
208. Мухин А.М. Структура предложений и их модели/ А.М. Мухин. – Москва -Ленинград: Наука, 1968. – 226 с.
209. Нарушевич А.Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля: автореф. дис... канд. филол. наук / А.Г. Нарушевич. – Таганрог, 1996. – 23 с.
210. Наумов Э.Б. Способы трансформации фразеологизмов (на материале произведений Ильфа и Петрова) / Э.Б. Наумов // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 71-74.
211. Нейдаева С.Г. История грамматического развития существительных субъективной оценки: дис ... канд. филол. наук. / С.Г. Нейдаева. – Алма-Ата, 1985. – 166 с.
212. Немец Г.Н. Семантические и прагматические особенности структур с нулевой субъектностью: дискурсивно-семиотический аспект (на материале русской литературы I-й половины XX века) : дис ... канд. филол. наук / Г.Н. Немец. – Краснодар, 2002. – 201 с.
213. Никитина Л.Б. Образ-категории "homo sapiens" в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: дис...д-ра филол наук /Л.Б. Никитина.– Омск, 2006. – 380 с.
214. Никитина Е.Н. Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта: к грамматической сущности категории залога: дис...канд. филол наук /Е. Н. Никитина. – Москва, 2008. – 365 с.
215. Никитченко Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): дис ... канд. филол. наук /Т.Г. Никитченко. – Краснодар, 2000. – 213 с.
216. Николаев С.Г. Вымысел как реальность, закреплённая в языке / С.Г. Николаев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, №3, 2009. – С. 166-169.

217. Обухов А.В. Проблема субъекта в дискурсе Новой волны англо-американской фантастики/ А.В. Обухов // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / [ответственный редактор Н.Д. Арутюнова]. – Москва: Издательство «Индрик», 2008.– С. 326-333.
218. Олейникова Н.А. Притяжательные детерминативы французского языка как средство выражения личной сферы субъекта говорящего: дис ... канд. филол. наук / Н.А. Олейникова. – Иркутск, 2008. – 187с.
219. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: дис... д-ра филол. наук / Е.Н. Орехова. – Москва, 2011. – 419 с.
220. Павилёнис Р.И. Проблема смысла / Р.И. Павилёнис – Москва: Мысль, 1993. – 286 с.
221. Павлов В.М. Полевой подход к структуре языка / В.М. Павлов // Тезисы международной конференции. – Москва: Московский государственный университет, 1995. –Т. 2 – С. 398-400.
222. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева. – Москва: Наука, 1974. – 292 с.
223. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е.В. Падучева. – Москва: Наука, 1985. – 271 с.
224. Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость/ Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Модели действия /Институт языкознания Российской академии наук. – Москва: Наука, 1992. – С. 69-77.
225. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла / Е.В. Падучева // «Семиотика и информатика». Выпуск 35. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – С. 184.
226. Падучева Е.В. Роли участников и диатезы глаголов эмоций /Е.В. Падучева // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В.С. Храковского. – Москва: Знак, 2004. – С. 379-389.

227. Певнева Т.И. Свойства субъектов и предикатов безличного предложения (на материале конструкций, описывающих явления природы и явления внутрен. мира человека): дис... канд. филол. наук /Т.И. Певнева. – Москва, 1996. – 117 с.
228. Пелевина Н.Н. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации (на материале немецкого языка): дис... д-ра филол. наук/ Н.Н. Пелевина. – Санкт-Петербург, 2009. – 474 с.
229. Перлмуттер Д.М. О формальном представлении структуры предложения / Д.М. Перлмуттер, П.М. Постал // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 11. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 76-82.
230. Пермяков Г.А. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г.А. Пермяков. – Москва: Наука, 1970. – 239 с.
231. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко – Москва: Московский государственный университет, 1988. – 208 с.
232. Пинто Ж. де Лима. Прототипы с точки зрения грамматики/ Ж. Пинто де Лима // Тезисы международной конференции. – Москва: Московский государственный университет, 1995. – Т. 2. – С. 415-417.
233. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. Санкт-Петербург: «АЛЕТЕЙЯ», 2000. – 350 с.
234. Побегайло И.В. Личные субъектные местоимения в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах (на материале испанского и итальянского языков): дис... канд. филол. наук / И.В. Побегайло. – Воронеж, 2001. – 203 с.
235. Полевые структуры в системе языка / [редактор З.Д. Попова]. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1989. – 198 с.
236. Поляков Э.Н. Субъективация авторского повествования в прозе Валентина Распутина: дис ... канд. филол. наук / Э.Н. Поляков. – Москва, 2005. – 197с.

237. Попова Г.Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка): дис... канд. филол. наук/ Г.Е. Попова. – Пятигорск, 2004.– 142 с.
238. Попова И.А. Вопрос о безличности предложения /И.А. Попова // Исследование по славянской филологии. – Москва: Московский государственный университет, 1974. – С. 256-261.
239. Поппер К. Логика и рост научного знания / Карл Поппер // Избранные работы. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.
240. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информатика, кибернетика / Р.К. Потапова. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 568 с.
241. Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Р.К.Потапова, В.В. Потапов. – Москва: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
242. Приходкина С.И. Национально-культурная специфика речевого поведения субъекта продаж: на примере речевой деятельности промоутера: дис ... канд. филол. наук/ С.И. Приходкина. – Челябинск, 2007. – 245 с.
243. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. Логический анализ языка / [под редакцией Н.Д. Арутюновой]. – Москва: Наука, 1989.– 288 с.
244. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. – Москва: Институт языкознания Академии наук СССР, 1987. – 140 с.
245. Пудалова И.К. Семантическая интерпретация монопредикативных предложений с множественным субъектом в современном английском языке: дис ... канд. филол. наук / И.К. Пудалова. – Иркутск, 1984. – 167 с.
246. Работкин Ю.В. Субъектная организация текста немецкой политической статьи: на материале журнала "Der Spiegel": дис ... кандидата филол. наук /Ю.В. Работкин. – Москва, 2009. – 212 с.

247. Разумное поведение и язык. Вып. 1 Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка.— Москва: Языки славянских культур, 2008. – 416 с.
248. Распопов И.П. Что же такое структурная схема предложения?/ И.П. Распопов // Вопросы языкознания №2, 1976. – С. 65-70.
249. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 368 с.
250. Репина Т.А. Французский язык в свете теории речевого общения/ Т.А. Репина, М.К. Сабанеева и др. / [под редакцией Т.А. Репиной]. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 216с.
251. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике /П. Рикер – Москва: Медиум, Academia-Центр, 1995. – 415 с.
252. Ружичка Р. Скрытый субъект и пустое подлежащее / Р. Ружичка // Язык: Система и функционирование. – Москва: Наука, 1988. – С. 216-219.
253. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов – Москва: Гнозис, 2006. – 304 с.
254. Сапега А.В. Речевое поведение лингвистов – субъектов научной коммуникации (на материале русского и французского языков): дис ... канд. филол. наук / А.В. Сапега. – Ростов-на-Дону, 2008. – 163 с.
255. Свинцицкий И.Я. Фразеологические средства субъективной оценки личности в современном английском языке: дис ... канд. филол. наук / И.Я. Свинцицкий. – Киев, 1985. – 237 с.
256. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности/ К. Ф. Седов // Жанры речи — 2. Саратов, 1999. С. 13-26.
257. Седых А.Л. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы / А.Л. Седых // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2004. – № 3 – С. 51-57.

258. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – Москва: Наука, 1982. – С. 88-142.
259. Сергиенко Е.А. Когнитивное развитие довербального ребенка / Е.А. Сергиенко // Разумное поведение и язык. Выпуск 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – С. 337-365.
260. Серль Дж. Р. Референция как речевой акт / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 13. – Москва: Прогресс, 1982. – С.179-202.
261. Серль Дж. Р. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 18. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 242-263.
262. Сидорова Н.Ю. Коммуникативное поведение неравностатусных субъектов медицинского дискурса (на материале немецкого языка): дис ... канд. филол. наук/ Н.Ю. Сидорова. – Волгоград, 2008. – 177 с.
263. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г.Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – Москва: Наука, 1973.– С. 373-391.
264. Сильницкий Г.Г. Предикативное отношение и его роль в пассивном преобразовании / Г.Г. Сильницкий // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Ленинград: Наука, 1981. – С. 42-46.
265. Скепская Г.И. Введение в синтагматику. Пособие по теоретической грамматике французского языка / Г.И. Скепская – Москва: Высшая школа, 1979. – 132 с.
266. Скредина Л.М. Лингвистика XX века : школа Гийома (психосистематика): учеб. пособие к курсу «История лингвистических учений и методов анализа» / Л. М. Скредина. – Санкт-Петербург, 2002. – 425 с.

267. Соловьев В.Д. Когнитивные исследования: Сборник научных трудов/В.Д. Соловьев – Выпуск 1. – Москва: Институт психологии Российской академии наук, 2006. –240с.
268. Соловьев В.Д., Черниговский Т.В. Когнитивные исследования: Сборник научных трудов /В.Д. Соловьев, Т.В. Черниговский – Выпуск 2. – Москва: Институт психологии Российской академии наук, 2008. – 320 с.
269. Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – Москва: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
270. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф.Соссюр. – Москва: Прогресс, 1990. – 275 с.
271. Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в новостном политическом медиа-дискурсе (на материале современного английского языка): дис ... канд. филол. наук/ О.О. Сподарец. – Уфа, 2011. – 185 с.
272. Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова): дис ... д-ра филол. наук/ С.П. Степанов. – Санкт-Петербург, 2002 – 476 с.
273. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья / Ю.С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Москва: Прогресс, 1974. – С. 5-16.
274. Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов/ Ю.С. Степанов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1979. – Т.38, – №4. – С. 335-342.
275. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: проблема субъекта / Ю.С. Степанов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981а. – Т. 40. – № 4.– С. 325-332.
276. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1981б. – 360 с.

277. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики; философии, искусства) / Ю.С. Степанов – Москва: Наука, 1985.– 335 с.
278. Степанов Ю.С. Безличность и неопределенная референция / Ю.С. Степанов // Язык: система и функционирование – Москва: Наука, 1988. – С. 226-236.
279. Степанов Ю.С. Личности-безличности категория / Ю.С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия. 1990. – С. 272-273.
280. Степанов Ю.С. Категори/ Ю.С. Степанов // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-76.
281. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
282. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 27 с.
283. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 129-154.
284. Стросон П.Ф. О референции /П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 55-86.
285. Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: дис ... канд.филол. наук / Ю.Р. Тагильцева. – Екатеринбург, 2006. – 251 с.
286. Талалай А. А. Функционально-семантическое поле единства двух действий одного субъекта в современном русском языке (на материале простого предложения): дис... канд. филол. наук/ А.А. Талалай. – Таганрог, 2004. – 169 с.

287. Тарасова А.Н. Категория эмфазы в современном французском языке / А.Н. Тарасова – Москва: Государственная публичная научно-техническая библиотека, 1992. – 184с.
288. Телия В.Н. Фразеологизм / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия. 1990. – С. 559-560.
289. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер – Москва: Прогресс, 1988.– 654 с.
290. Толстова Н. А. Прономинальные глаголы французского языка с неодушевленным грамматическим субъектом в функционально-прагматическом аспекте: дис ... канд. филол. наук / Н.А. Толстова. – Москва, 2010. – 189 с.
291. Топтыгина Е. Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном русском языке: дис ... канд. филол. наук/ Е.Н. Топтыгина. – Москва, 2003. – 183 с.
292. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания / И.Г. Торсуева. – Москва: Наука, 1979. – 111 с.
293. Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте (на материале прозаических произведений А.П. Чехова): дис... канд. филол. наук/ И.А. Трофимова. – Калининград, 2004. – 191 с.
294. Тюкалова Н.Е. Имя собственное во французском языке: дис...канд. филол. наук / Н.Е.Тюкалова. – Санкт-Петербург, 2005. – 216 с.
295. Угланова И.А. Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект: дис...канд. филол. наук/ И.А. Угланова. – Пермь, 2004. – 194 с.
296. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А.А. Уфимцева //Языковая номинация: виды наименований. – Москва: Наука, 1977. – С. 5-85.

297. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – Санкт-Петербург: Ювента, 1999. – 318 с.
298. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 10. – Москва: Прогресс, 1981. – С. 369-495.
299. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь/ Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 10. – Москва: Прогресс, 1981. – С. 496-530.
300. Флоренский П.А. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – Т.2. – 447 с.
301. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность. //Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 18. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 139-159.
302. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – Москва: Прогресс, 2000. – 536 с.
303. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – Москва: Просвещение, 1990. – 448 с.
304. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – Москва: Университетская книга, 1997. – 319 с.
305. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории/ А.А. Холодович. – Ленинград: Наука, 1979. – 112 с.
306. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики/ Н. Хомский // Философия языка. – Москва: Едиториал УРСС, 2010. – С. 99-140.
307. Храковский В.С. Диатеза и референтность / В.С. Храковский // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Ленинград: Наука, 1981. – С. 5-42.
308. Чейф У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 11. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 277-316.
309. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – Москва: Эдиториал УРСС, 2003. – 424 с.

310. Червоный А.М. Формы устранения семантического субъекта во французском предложении: дис...канд. филол. наук/ А.М. Червоный. – Москва, 1995. – 192 с.
311. Червоный А.М. Червоный А.М. Интеллектуальные манифестации субъекта во фразеологическом выражении / А.М. Червоный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. – Сургутский государственный педагогический университет, 2013. – № 6(27) – С. 82-88.
312. Чжан Ю. Омонимия русских субъектных синтаксем на фоне китайского языка: дис ... канд. филол. наук / Ю. Чжан. – Москва, 2008. – 230 с.
313. Шатуновский И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика / И.Б. Шатуновский // Знание и мнение. – Москва: Наука, 1988. – С.18-22.
314. Шатуновский И.Б. Пропозиционные установки: воля и желание/ И.Б. Шатуновский //Логический анализ языка: Проблемы прагматических и интенциональных контекстов / Институт языкознания Российской академии наук. – Москва: Наука, 1989. – С. 182-183.
315. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И.Б. Шатуновский – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.
316. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Монография / В.И. Шаховский. – Москва: Гнозис, 2008. – 416 с.
317. Швайдак В.В. Межличностное общение и процесс понимания. Социально-философский аспект: дис...канд. филос. наук / В.В. Швайдак. – Липецк, 2004. – 170 с.
318. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика / А.Д. Швейцер – Москва: Наука, 1976. – 176 с.
319. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис ...д-ра филол. наук Волгоград, гос. пед. ун-т./ Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

320. Шелякин М.А. О семантике неопределенноличных предложений / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 62-72.
321. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи / Н.А. Шигаревская. – Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1980 – 216 с.
322. Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты "Правда" 30-40-х гг.): дис... канд. филол. наук /Т.В. Шкайдерова. – Омск, 2007. – 237с.
323. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Г. Шухардт. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1950. – 292 с.
324. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. – 264 с.
325. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко.– Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. – 544 с.
326. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2007. – 502 с.
327. Ямада Тихару. Семантический субъект односоставного предложения: конструкции с дательным и родительным падежами: дис ... кандидат. филол. наук / Ямада Тихару. – Москва, 1998. – 180 с.
328. Язык о языке / [под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой]. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 624 с.
329. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм "за" и "против". – Москва: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
330. André-Larochebouvy D. La conversation quotidienne / D. André-Larochebouvy. – Paris: Didier – Crédif, 1984. – 196 p.
331. Apostel L. De l'interrogation en tant qu'action /L.Apostel // Langue française. –1981. – № 52. – P. 23-43.

332. Arrivé M. Les éléments de syntaxe structurale de L. Tesnière / M. Arrivé // *Langue française*. –1969. – № 1 – P. 36-40.
333. Auchlin A. Pertinence: construction et accessibilité des thèmes/ A. Auchlin // *Problèmes de stratégies conversationnelles. / Feuilletts*. – 1987. – № 9. – P. 65-86.
334. Austin J.L. Quand dire, c'est faire / J.L. Austin. – Paris: Seuil, 1970. – 187 p.
335. Baarslag A.F. Le sujet neutre il, ce, cela/ A.F. Baarslag // *Revue des langues vivantes XX*,. 1964. – P. 3-14.
336. Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen / E. Benveniste. – Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. – 174 p.
337. Benveniste E. De la subjectivité dans le langage / E. Benveniste // Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. – Paris: Gallimard, 1966. –T.1. – P. 2 67-276.
338. Bonnard H. Support grammatical et support sémantique / H. Bonnard // *Langue française*. – 1974. – T.1. – № 21. – P. 72-89.
339. Brown P. Speech as a marker of situation. / P.Brown, C. Fraser // Scherer K.R., Giles H. (éds) *Social markers in speech*. – Cambridge: C.U.P. et Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'homme, 1979. – P. 33-62.
340. Brunot F. La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris, 1926. – 924 p.
341. Charaudeau P. Langage et discours. Eléments de sémio-linguistique / P. Charaudeau. – Paris: Hachette, 1983. – 176 p.
342. Charaudeau P. Une analyse sémiolinguistique du discours / P. Charaudeau // *Langages*. – Paris: Larousse, 1995. – № 117 – P. 96-111.
343. Charaudeau P. Le dialogue dans un modèle du discours / P. Charaudeau // *Cahiers de linguistique française*. – Genève: Université de Genève, 1996. – № 17. – P. 141-175.
344. Charaudeau P. Le discours politique. Les masques du pouvoir/ P. Charaudeau – Paris: Vuibert, 2005. – 256 p. 344.

345. Chevalier J.-Cl. Méthodes en grammaire française/ J.-Cl. Chevalier, M. Gross. – Paris: Klincksieck, 1976. – 226 p.
346. Chomsky N. Current issues in linguistic theory/ N. Chomsky. – The Hague, 1964. – 119 p.
347. Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems / B. Comrie. – Cambridge, 1976. – 142 p.
348. Coquet J.-Cl. L'implicite de l'énonciation / J.-Cl. Coquet // Langages. – 1983. – № 70. – P. 9-14.
349. Coquet J.-Cl. Le discours et son sujet / J.-Cl. Coquet. – Paris: Klincksieck, 1984. – T 1. – 222 p.
350. Corbeil J.-Cl. Les structures syntaxiques du français moderne / J. Cl. Corbeil. – Paris: Klincksieck, 1968. – 197 p.
351. Dominicy M. Les périphrases verbales des langues romanes/ M. Dominicy // Revue belge de philologie et d'histoire. – 1977. –№ 55 – P. 914-934.
352. Dubois J. Grammaire générative et transformationnelle / J. Dubois // Langue française. – 1963. –№1 – P. 49-57.
353. Dubois J. Grammaire structurale de français. Nom et prénom / J. Dubois. – Paris, 1965. – 177 p.
354. Dubois J. Grammaire structurale de français. Verbe / J. Dubois. – Paris, 1968. – 168 p.
355. Dubois J. Grammaire structurale du français. La phrase et les transformations / J. Dubois. – Paris: Larousse, 1969. – 187 p.
356. Ducrot O. Argumentation dans la langue / O. Ducrot, J.-Cl. Anscombe // Langages. – 1976. – № 42 – P. 5-28.
357. Ducrot O. Les mots du discours / O. Ducrot et al. – Paris, 1980. – 243 p.
358. Ducrot O. La notion de sujet parlant / O. Ducrot // Recherches sur la philosophie et le langage. – Université de Grenoble, 1982. – P. 65-93.
359. Ducrot O. Le dire et le dit / O. Ducrot. – Paris: Minuit, 1984. – 239 p.

360. Fauconnier G. Espaces mentaux. Aspects de la construction du sens dans les langues / G. Fauconnier. – Paris: Minuit, 1984. – 216 p.
361. Fauconnier G. Mappings in thought and language/ G. Fauconnier. – Cambridge, 1999. – 205 p.
362. Fodor J.A. La modularité de l'esprit / J.A. Fodor. – Paris: Minuit, 1986. – 234p.
363. François J. Analyse énonciative des équivalents allemands du pronom indéfini "on"/ J. François // Recherches en pragma-sémantique. – Paris: Klincksieck, 1984. – P. 37-73.
364. François J. La mise en ordre des relations actanciennes: les conditions d'accès des rôles sémantiques aux fonctions de sujet et d'objet / J. François // Langages.– 1994. – № 113. – P. 7-45.
365. Frei H. Interrogatif et indéfini. Un des problèmes de la linguistique comparée et de linguistique générale/ H. Frei. – Paris, 1940. – 160 p.
366. Gak V.G. Essai de grammaire fonctionnelle du français/ V.G. Gak. – Moscou: 1974. – 277 p.
367. Gochet P. Pragmatique formelle: théorie des modèles et compétence pragmatique. // Le langage en contexte. – Amsterdam.– 1980. – P. 317-318.
368. Goffman E. Forms of talk / E. Goffman. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press and Oxford: Blackwell, 1981. – 335 p.
369. Goffman E. Façons de parler / E. Goffman. – Paris: Minuit, 1987. – 278 p.
370. Greimas A.J. La signification et sa manifestation dans le discours /A.J. Greimas // Cahiers de lexicologie. – 1964. – № 11. – P. 17-27.
371. Greimas A.-J. Du sens /A.J. Greimas. – Paris: Edition du Seuil, 1976. – 313 p.
372. Greimas A.J. Sémantique structurale / A.J. Greimas. – Paris: Larousse, 1986. – 262 p.
373. Greimas A.J. Sémiotique des passions/A.J. Greimas, J. Fontanille. – Paris: Seuil, 1991. – 336 p.

374. Grevisse M. Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui Text. 10 ème édition. / M. Grevisse. — Paris: Editions J. Duculot, S.A. Gembloux, 1975. — 1228 p.
375. Grevisse M. Le Bon Usage / M. Grevisse. — Paris: Duculot, 1980. — 1519 p.
376. Grice H.P. Logique et conversation /H.P. Grice // Communications, 30. — Paris: Seuil, 1979. — P. 57-72.
377. Gross G. Classes d'objets et description des verbes/ G. Gross // Langages. — 1994.— № 115. — P. 15-31.
378. Gross M. Grammaire transformationnelle du français. Syntaxe du nom / M. Gross. — Paris: Larousse, 1977. — 255 p.
379. Gross M. Etudes de syntaxe française / M. Gross, Ch. Leclère. — Paris: Larousse, 1978. — 127 p.
380. Gross M. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique / M. Gross // Langages. — 1981. — № 63. — P. 7-52.
381. Gross M. Les nominalisations d'expressions figées/M. Gross // Langue française. — Paris, 1986. — № 69. — P. 64-84.
382. Guiraud P. La syntaxe du français / P. Guiraud. — Paris, 1962. — 126 p.
383. Guiraud P. Structure étimologique du lexique français / P. Guiraud. — Paris, 1967. — 211 p.
384. Harnish R.M. Logical form and implicatures/R.M. Harnish // An integrated theory of linguistic ability. — Hassocks, 1977. — 362 p.
385. Haroche C. Faire dire, vouloir dire. La détermination et la désambiguïsation dans la grammaire / C. Haroche. — Lille : Presse Universitaire de Lille, 1984. — 222 p.
386. Haroche C. L'ellipse (manque nécessaire) et l'incise // Matérialités discursives. — Lille : Presse Universitaire de Lille, 1991. — P. 149-154.
387. Henrichsen A.J. Les périphrases verbales du français moderne /A.J. Henrichsen // Revue romane. — 1987. — №1. — P. 45-56.

388. Hintikka J. Objects of Knowledge and Belief: Acquaintances and Public Figures / J. Hintikka // *The Journal of Philosophy*. – 1970. – № 67. – P. 869-883.
389. Hintikka J. Questions about Questions / J. Hintikka // *Semantics and Philosophy*, ed. by M. Munitz and P. K. Unger. – New York: New York University Press, 1974. – P. 103-154.
390. Hintikka J. Questions, réponses et bien d'autres questions encore/ J. Hintikka// *Langue Française*. – Paris: Larousse, 1981. – № 52– P. 56-69.
391. Jacques F. La mise en communauté de l'énonciation.// *Langages*. – 1983. – №70. – P. 47-72.
392. Jacques F . Pragmatique. // *Encyclopedia Universalis*. – Paris, 1984. – P. 6-10; 391.
393. Jacques, F. L'espace logique de l'interlocution. *Dialogiques II*. Paris: PUF, 1985. – 640 p.
394. Jakobson R. *Essais de linguistique générale* / R. Jakobson. – Paris: Edition Minuit, 1963. – 260 p.
395. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb / R. Jakobson // *Word and Language*. The Hague & Paris: Mouton, 1971. – P. 130-147.
396. Jakobson R. *Linguistics and Poetics* // *Selected Writings III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry*. The Hague-Paris-New York: Mouton, 1981. – P. 18-51.
397. Jakobson R. *Metalanguage as a Linguistic Problem* // *Selected Writings VII: Contributions to Comparative Mythology*. *Studies in Linguistics and Philology* 1972-1982. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. – P. 113-121.
398. Kerbrat-Orecchioni C. *L'énonciation: De la subjectivité dans le langage* / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris: A. Collin, 1980. – 290 p. / Ed. 4. – Paris: A. Collin, 2002. – 267 p.
399. Kerbrat-Orecchioni C. *L'implicite* / C. Kerbrat-Orecchioni, – Paris: A. Collin, 1986. – 404 p.
400. Kerbrat-Orecchioni C. *Les interactions verbales*/ C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris: A. Collin, 1990. – T 1. – 318 p.

401. Kerbrat-Orecchioni C. Le trilogue / C. Kerbrat-Orecchioni, Ch. Plantin (Direction). – Lyon: PUL, 1995. – 333 p.
402. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. / C. Kerbrat-Orecchioni.– Paris: A.Collin, 2005.– 365 p.
403. Kerbrat-Orecchioni C. Les actes de langage dans le discours. / C. Kerbrat Orecchioni – Paris: A.Collin, 2008.– 200 p.
404. Kleiber G. La sémantique du prototype, catégories et sens lexical / G. Kleiber.– Paris: Presses Universitaires de France, 1990 – 199 p.
405. Kleiber G. Contexte, interprétation et mémoire: approche standard – approche cognitive / G. Kleiber // Langue française. – 1994. – № 103. – P. 9-22.
406. Lagane R. Problèmes de définition. Le sujet /R. Lagane // Langue française. – 1969. –№1. – P. 58-62.
407. Lakoff G. Linguistics and Natural Logic / G. Lakoff // Semantics of Natural Language. – 1970. – Vol. 22, No. 1/2 – P. 151-271.
408. Langue française. La pragmatique. – Paris: Larousse, 1979. – № 42. – 157 p.
409. Langue française. L'Interrogation. – Paris: Larousse, 1981. – № 52. – 120 p.
410. Laparra M. Sélection thématique et cohérence du discours à l'oral / M. Laparra // Le Français moderne. – 1982. – № 3. – P. 208-236.
411. Leech G. N. Metalanguage, Pragmatics, and Performatives /G.Leech //Rameh C. – (éd.) Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 2a, 1976. – P. 81-98.
412. Leech G.N. Principles of Pragmatics /G. Leech. – London-New York: Longman, 1983. – 250 p.
413. Le langage en contexte: Etudes philosophiques et linguistique de pragmatique. – Amsterdam: Benjamins, 1980. – 790 p.
414. Lyons J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge.: Cambrige University Press, 1977. – 371 p.
415. Martin-Baltars M. De l'énoncé à l'énonciation: une approche des fonctions intonatives / M. Martin-Baltars . – Paris: CREDIF, 1977. – 174 p.

416. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français / A. Martinet. – Paris: Hatier – Crédit, 1979. – 276 p.
417. Martinet A. Syntaxe générale / A. Martinet. – Paris, 1985. – 266 p.
418. Meschonnic H. Les proverbes, actes de discours / H. Meschonnic // Revue des sciences humaines. – 1976.– № 163 – P. 419-430.
419. Milner J.-C. De la syntaxe à l'interprétation/ J.-C. Milner. – Paris: Seuil, 1978. – 403 p.
420. Moignet G. Etudes de psychomécanique du langage / G. Moignet // Théorie de grammaire française: recueil des textes / Rédaction: L. M. Skrelina. – Léninegrad: Prosvéschénie, 1980. – P. 126-131.
421. Morris Ch. Signs, Language and Behavior / Ch. Morris. – New York: Braziller, 1946. – 365 p.
422. Ogden C. K. The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language Upon Thought and of the Science of Symbolism/ C. K. Ogden, I. A. Richards. – 1923. Reprint, New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1946. – 214 p.
423. Parret H. La pragmatique des modalités / H. Parret // Langages. – Paris: Didier Larousse, 1976. – № 43. – P. 47-63.
424. Parret H. L'énonciation en tant que deictisation et modalisation / H. Parret //Langages. – 1983. – № 70. – P. 83-98.
425. Parret H. Les passions. Essai sur la mise en discours de la subjectivité / H. Parret. – Bruxelles, 1986. – 200 p.
426. Pieltain P. La construction impersonnelle en français moderne / P. Pieltain. – Paris: Mélanges Delbouille, 1966. – 488 p.
427. Pottier B. Sémantique générale/ B. Pottier. – Paris: PUF, 1992. – 237 p.
428. Récanati F. La transparence de l'énonciation/ F. Récanati. – Paris: Seuil, 1979. – 215 p.
429. Roulet E. L'articulation du discours en français contemporain / E. Roulet et al. – Berne: Peter Lang, 1985. – 272 p.

430. Ruwet N. Les constructions pronominales en Français / N. Ruwet // Le Français moderne. – 1972. – № 2. – P. 102-125.
431. Searle J.R. Les actes de langage/ J.R. Searle. – Paris: Hermann, 1972.– 261 p.
432. Searle J.R. L'Intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux/ J.R. Searle. – Paris: Minuit, 1985. – 314 p.
433. Sperber D. La pertinence. Communication et cognition/ D. Sperber, D. Wilson. – Paris: Minuit, 1989. – 267 p.
434. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale/ L. Tesnière. – Paris: Klincksieck, 1959. – 670 p.
435. Treps M. Allons-y, Alonzo! ou le petit théâtre de l'interjection / M. Treps. – Paris, 1994. – 118 p.
436. Vikner C. L'infinif et le syntagme infinitif /C. Vikner // Revue romane. – 1980. –V15.– №2. – P. 252-291.
437. Wagner R.-L. Il y a / R.-L. Wagner // Le Français dans le monde. – Paris, 1964. – № 29. – P. 10-15.
438. Warnant L. Structure syntaxique du français / L. Warnant. – Paris: Les Belles lettres, 1982. – 358 p.
439. Wierzbicka A. Lingua mentalis: the semantics of natural language. – Sydney: Academic Press, 1980. – 367 p.
440. Wilmet M. La détermination nominale. Quantification et caractérisation / M. Wilmet. – Paris: Presse Universitaire de France, 1986. – 196 p.
441. Zribi-Hertz, A. Trou structural, catégorie vide, ellipse structurale, pronom: nul quatre concepts à préciser /A. Zribi-Hertz // Modèles linguistiques. – 1985. –Vol.7. –№1. – P. 57- 71.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

442. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – Москва: Издательство «Эксмо», 2006. – 992 с.
443. (БРЭС) – Большой Российский энциклопедический словарь.– Москва: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 1887с.

444. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь/ В.Г. Гак, К.А. Ганшина.– Москва: Русский язык, 1993. – 1194 с.
445. (ФРФС) – Гак В.Г. Французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, И.А. Кунина и др. [под редакцией Я. М. Рецкера.] – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.– 1112 с.– (ФРФС).
446. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь/ В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др. – Москва: Русский язык – Медиа, 2005. – XX, 1625 с.
447. Кондаков Н.И. Логический словарь – справочник / Н.И.Кондаков. – Москва: Наука, 1976. – 717 с.
448. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь / И.М. Кондаков. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 783 с.
449. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. – Москва: Московский государственный университет, 1996. – 245 с.
450. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
451. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.
452. Прохоров А.М. Российский энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. В 2 т. Т. 1: А-Н / гл. ред. А.М. Прохоров. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1023 с.
453. (СРЯ) – Словарь русского языка. В 4-х т. – Академия наук СССР/ Институт русского языка. – Москва: Русский язык, 1985-1988. – Т. I – 702 с.; Т. II – 736 с.; Т. III. – 750 с.; Т. IV – 796 с.
454. (ФЭС) – Философский энциклопедический словарь. – Москва: ИНФРА-М, 2001. – 576 с.

455. Dubois J. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois. et al. – Paris: Larousse, 1973. – 516 p.
456. (PR) – Petit Robert: Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. – Paris: Société du nouveau littré. Le Robert, 1981. – 2175 p.
457. (OD) – The Concise Oxford Dictionary.– Oxford Clarendon Press, 1984.– 1260p.
458. (TLF) – Trésor de la langue française. Dictionnaire Académique de la langue française. – Paris: Librairie Larousse, 1971-1978 – Т.1-12, 14.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ

459. Верхотурова Т. Л. Понятийная вариативность категории «субъект» в научном дискурсе /Т.Л. Верхотурова. – URL: <http://www.islu.ru/ru/verkhoturova> (дата обращения: 1.06.2014).
460. Кашкин В. Б. На лезвии бритвы: Ессе homo / В.Б. Кашкин. – URL: <http://kachkine.narod.ru/Articles2006/Esse2006.htm> (дата обращения: 1.06.2014).
461. Camus A. Les Justes / A. Camus – Paris : Gallimard, 1950. – 212 p. – URL: http://www.edition-electronique-de-j.-m.-trembley-classiques.uqac.ca/classiques/camus_albert...camus – 192 p. (дата обращения: 2.06.2014)
462. Molière J-B. Le Bourgeois Gentilhomme / J.-B. Molière. – URL : <http://www.site-moliere.com/pièces/bourgeois.htm> (дата обращения: 2.06.2014)
463. Рош Э. Когнитивные представления семантических категорий / Э. Рош.– URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-331.html> (дата обращения: 1.06.2014).
464. Философские концепции науки: Категории субъекта и объекта, изменение их значений. – URL: <http://ksol13.narod.ru/p8aa1.html> (дата обращения: 1.06.2014).
465. Шопенгауэр А. Эристика или искусство побеждать в спорах / А.

Шопенгауэр.– Санкт-Петербург, 1900.– URL: [http://www. home. arcor. de/rushbone /eristik.htm](http://www.home.arcor.de/rushbone/eristik.htm) (дата обращения: 1.06.2014).

466. TLFi – Trésor de la langue française informatisé – URL: [http://atilf. atilf.fr/ tlf. Htm](http://atilf.atilf.fr/tlf.htm) (дата обращения: 1.06.2014).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

467. Adamov A. Le printemps 1871/ A. Adamov // Théâtre français d'aujourd'hui.– Moscou: Progrès, 1969. – P. 275-423.

468. Anouilh J. L'alouette / J. Anouilh // Théâtre français d'aujourd'hui. – Moscou: Progrès, 1969. – P. 338-438.

469. Аумэ М. La retraite de Russie / М. Аумэ // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – P. 27-34.

470. Barbusse H. La vérité est révolutionnaire: oeuvres choisies / H. Barbusse. – Moscou: Progrès, 1979. – P. 36-135.

471. Bazin H. Le bureau des mariages / H. Bazin. – Moscou: Progrès, 1970. – 206 p.

472. Beckett S. En attendant Godot / S. Beckett // Théâtre français d'aujourd'hui, – Moscou: Progrès, 1969. – P. 248-338.

473. Boileau P. Narcejac, Th. Les louves. Les visages de l'ombre. La porte du large/ P. Boileau, Th. Narcejac.[составитель Г.С. Беляева]. – Москва: Радуга, 1986. – 368 p.

474. Boule P. Le Coeur et la galaxie / P. Boule // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – С. 95-120.

475. Bourget P. Le danseur mondain / P. Bourget. – Paris: Pion et Nourrit, 1926. – 310 p.

476. Calef N. Ascenseur pour l'échafaud / N. Calef. – Moscou: Высшая школа, 1990. – 152 p.

477. Céline L-F. Voyage au bout de la nuit / L.-F. Céline. – Paris: Gallimard, 1952. – 635 p.

478. Chabrol J-P. Les comptes du maquis/ J.-P. Chabrol // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – Р. 5-6.
479. Clavel B. La grande patience. Celui qui voulait voir la mer/ B. Clavel – Paris: R. Laffont, 1963. – t II – 367 p.
480. Clavel B. La saison des loups/ B. Clavel – Moscou: Progrès, 1978 – 214 p.
481. Colette S. G. Gigi / S.G. Colette – Москва: Высшая школа, 1972. – 72 с.
482. Courtade P. Les circonstances. Les animaux supérieurs / P. Courtade – Moscou: Progrès, 1966. – 230 p.
483. Daudet A. Le curé de Cucugnan . Les vieux /A. Daudet // Lettres de mon moulin. – Nelson, Edindourg. Ecosse. – P. 101-123.
484. Diderot D. Jacques le Fataliste et son maitre / D. Diderot – Paris: Gallimard, 1973. – 374 p.
485. Duhamel G. Le notaire du Havre. Vue de la Terre promise /G. Duhamel – Москва: Радуга, 1983. – 336 p.
486. Duhamel G. Un concert / G. Duhamel // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М.Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – С. 35-37.
487. Dumas A. fils. Denise /A. Dumas fils – Paris: 1885. – 145 p.
488. Figaro. 3.01. 1995. P. 7; 11; 20.
489. Figaro. 4.01. 1995. P. 9; 21.
490. Fleutiaux P. Histoire du tableau. /P. Fleutiaux// Французская повесть – 70 годы / сост. Н.Ф. Ржевская – Moscou: Radouga, 1982. – P. 213-318.
491. Forgère J. Libre service/ J. Forgère // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – С. 47-55.
492. Fournier A. Le grand Meaulnes/ A. Fournier. – Moscou: Progrès, 1971.– 280 p.
493. France A. Monsieur Bergeret â Paris / A. France // La grandeur de l'esprit humain: oeuvres choisies [составитель и предисловие В. Е. Балахонова;

- комментарии Е. П. Кушкина]. – Moscou: Editions du Progrès, 1978. – P. 28-177.
494. Giono J. Domitien / J. Giono – Paris: Gallimard, 1959. – 287 p.
495. Hériat P. Famille Boussardel / P. Hériat – Paris: Gallimard, 1944. – 499 p.
496. Jacik R. Place Sainte-Elisabeth /R. Jacik – Prague: Artia, 1966.
497. Lafleur B. Dictionnaire des expressions/ B. Lafleur. – Bordas Ottawa Canada. 1979, édition du Renouveau Pédagogique Inc., Bordas, Paris, 1984. – 669 p.
498. Lanoux A. Le commandant Watrin /A. Lanoux. – Moscou: édition en langues étrangères, 1962. – 383 p.
499. Leblanc M. Arsène Lupin, gentleman-cambrioleur. Arsène Lupin et Fantômas. Les histoires policières françaises du début du XX siècle / M. Leblanc [составитель А.Ф. Строев]. – Moscou: Radouga, 1989. – P. 19-132.
500. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes / M. Maloux. – Paris: Larousse, 1980. – 628 p.
501. Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. Le noeud de vipères. Le sagouin. Un adolescent d' autrefois/ F. Mauriac – Moscou: Progrès, 1975. – 448p.
502. Maurois A. Lettres à l'inconnue /A. Maurois – Paris: La jeune Parque, 1953. – 234 p.
503. Maurois A. La ceinture verte/ A. Maurois // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М.Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984.– 10-12p.
504. Maurois A. Dentelle de Bruxelles/ A. Maurois // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – С. 20-26.
505. Merle R. Derrière la vitre /R. Merle. –Paris: Gallimard, 1970. – 540 p.
506. Merle R. Week-end à Zuydcoote /R. Merle. – Ленинград: Просвещение, 1972. – 176 p.
507. Modiano P. Les boulevards de ceinture /P. Modiano // Французская повесть – 70 годы/составитель Н.Ф. Ржевская – Moscou: Radouga, 1982. – P. 123-210.

508. Moustiers P. La paroi / P. Moustiers. – Paris: Gallimard, 1969. – 191 p.
509. Pagnol M. Marius/ M.Pagnol – Paris: – édition de Fallois, 1988. – 223 p.
510. Paris-Match. 19.11. 1992. – P. 39.
511. Paris-Match. 11.12. 1992. – P. 53.
512. Pasquale de S. Paroles de stars/ S. de Pasquale.– Paris: Le Rocher, 1990. – 303p.
513. Pesquidoux de J. Chez nous/J. de Pesquidoux. – Paris : Plon, 1921. t I. – 268 p.
514. Proust M. A la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swann /M. Proust. – Moscou: Progrès, 1976. – 437 p.
515. Rheims M. Le cheval d'argent. Permis d'exhumer/ M. Rheims // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – С. 56-84.
516. Roblès E. La croisière/ E. Roblès – Москва: Просвещение, 1982. – 144 p.
517. Rosny J.-H. aîné. La guerre du feu/ J.-H. Rosny aîné. – Le livre de poche, 1980. – 290 p.
518. Sabatier R. Les allumettes suédoises/ R. Sabatier – Ленинград: Просвещение, 1976. – 207p.
519. Sagan, F. Un peu de soleil dans l'eau froide / F. Sagan. – Paris: Flammarion, 1969. – 184 p.
520. Saint-Exupéry de A. Oeuvres/ A. de Saint-Exupéry. – Moscou: Progrès, 1964. – 413 p.
521. Salacrou A. Histoire de rire/ A. Salacrou – Paris: Gallimard, 1945. – 219 p.
522. Sartre J.-P. La P. respectueuse suivi de morts sans sépulture / J.-P. Sartre – Paris: Gallimard, 1966. – 241 p.
523. Sartre J.-P. Les mains sales/ J.-P. Sartre. – Paris: Gallimard, 1966. – 249 p.
524. Sempé-Goscinny. Joachim a des ennuis/ Sempé-Goscinny. – Paris: Denoël, 1985. – 157 p.
525. Simenon G. Maigret se fâche / G. Simenon. – Ленинград: Просвещение, 1980. – 270 p.

526. Simenon G. Lettre à ma mère / G. Simenon. – Москва: Высшая школа, 1982. – 79 с.
527. Souvestre P. Allain M. Fantômas/ P. Souvestre , M. Allain // Arsène Lupin et Fantômas. Les histoires policières françaises du début du XX siècle/ составитель А.Ф. Строев. – Moscou: Radouga, 1989. – P. 135-375.
528. Stil A. Dieu est un enfant /A. Stil // Французская повесть – 70 годы/составитель Н.Ф. Ржевская – Moscou: Radouga, 1982. – P. 17-122.
529. Taslitzki B. Interprétation libre /B. Taslitzk // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – P. 42-46
530. Triolet E. Rosés à crédit / E. Triolet. – Москва: Высшая школа, 1979. – 127 с.
531. Vailland R. Beau Masque/ R. Vailland. – Moscou: édition en langues étrangères, 1960. – 366 p.
532. Vaillant-Couturier P. Enfance / P. Vaillant-Couturier – Москва: Высшая школа, 1979. – 208 с.
533. Vialar P. Pas de temps pour mourir /P. Vialar – Москва: Просвещение, 1992. – 128 с.
534. Voltaire F. Théâtre de Voltaire /F. Voltaire – Paris: Librairie de Firmin Didot frères 1843. – P. 601- 657.
535. Wurmser A. Aurélie s'en va / A. Wurmser // Новеллы современных французских писателей [составитель Э.М. Береговская]. – Москва: Просвещение, 1984. – P. 38-41.
536. (AL) – Корпус: André-Larochebouvy, D. La conversation quotidienne / D. André-Larochebouvy.– Paris: Didier-Crédif, 1984. – 196 p.
537. (ND-I; II) – Nègre, H. Dictionnaire des histoires drôles. – T.I, II. / H. Nègre. – Paris: Fayard, 1973. – T.I – 517p.; T.II. – 506 p.
- 536.(ФРФС) — Корпус: Гак, В.Г., Французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, И.А. Кунина и др. [под редакцией Я. М. Рецкера]. –

Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 1112 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.
МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СУБЪЕКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Сокращения: ФФЕ – французская фразеологическая единица;

РЭП – русский эквивалент/перевод

ФФЕ	РЭП	ФФЕ	РЭП
1. parler avec abandon	1. говорить откровенно, без утайки; излить душу, довериться; дать волю чувствам.	244. en conter à qn разг.	244. а) врать, обманывать; б) говорить невероятные вещи, что только ни говорить о...; с) говорить комплименты (женщине), ухаживать
2. parler ab hoc et ab hac (уст).	2. нести околесицу, плести всякий вздор.	245. en conter (или en raconter) de belles (или de (bien) bonnes, de fortes, de cossues, de vertes) (тж. en conter des couleurs, de toutes les couleurs) разг. а) (тж. conter des vertes et des pas mûres)	245. говорить невероятные вещи, что только ни говорить о..., бессовестно лгать; б) говорить черт знает что, говорить грубости, непристойности
3. parler d'abondance de cœur	3. излить свое сердце, свою душу; говорить от избытка чувств.	246. en conter (или en raconter) une (bien) bonne разг.	246. рассказать что-л. смешное, занятное, забавное
4. la bouche parle de l'abondance de cœur (тж. de l'abondance du cœur la bouche parle)	4. от избытка чувств развязывается язык	247. il nous en conte ! разг.	247. он смеется над нами!
5. parler avec abondance	5. а) говорить свободно, легко, хорошо владеть словом; б) говорить пространно, распространяться, разглагольствовать	248. aller au contraire de... разг.	248. действовать, говорить наперекор
6. parler d'abondance	6. говорить без подготовки.	249. accaparer la conversation	249. завладеть беседой, не давать никому слова сказать, рта раскрыть

7. pour abrégé (ФР)	7. кратко; короче говоря;	250. avoir de la conversation разг.	250. быть словоохотливым
8. (dire) adieu (ФР)	8. прощаться, распрощаться	251. défrayer la conversation	251. а) поддерживать разговор; б) быть предметом разговора; заставить говорить о себе
9. la conversation tourne à l'aigre	разговор принимает острый характер	252. être à la conversation	252. а) внимательно прислушиваться к разговору; б) участвовать в разговоре
10. être vacciné avec une aiguille de phono (арго)	10. страдать болтливостью	253. lier (или engager la) conversation	253. завязать разговор
11. faire l'aimable	12. говорить любезности, любезничать	254. prendre la conversation	254. вступить в разговор
12. contes (или discours, mots, paroles) en l'air/ projet en l'air	12. вздор, пустые разговоры, пустые слова; беспочвенные разговоры	255. s'enlever un copeau арго	255. жестоко поносить друг друга
13. parler (или raisonner) en l'air	13. говорить необдуманно, впустую	256. passer du coq à l'âne	256. внезапно перейти от одной темы к другой, внезапно начать говорить о другом
14. battre l'air (разг.)	14. а) болтать языком; б) толочь воду в ступе	257. conter des coquecigrues	257. рассказывать басни, разводить туры на колесах
15. Vous en parlez à votre aise !	15. легко вам говорить	258. il ne faut point parler (или on ne parle pas) de corde dans la maison d'un pendu prov.	258. в доме повешенного не говорят о веревке
16. c'est de l'algèbre c'est du haut allemand pour moi (je n'y entend que le haut allemand) c'est de l'herbeu ; c'est du grec	16. китайская грамота, я в этом ничего не понимаю	259. on prend les bêtes par les cornes et les hommes par les paroles	259. зверей укрощают силой, а людей - словом
17. sa langue lui va comme un claquet de moulin (la langue lui va comme un traquet (comme la navette d'un tisserand) (разг.)	17. у него язык без костей, у него язык как трещотка	260. quand on parle du diable on en voit les cornes (quand on parle du loup on en voit la queue ; quand on parle du soleil on en voit les rayons) prov.	260. про волка речь, а волк навстречу

18. la langue lui va toujours	18. он болтает без умолку	261. faire rentrer dans le corps	261. а)заставить замолчать б)прекратить
19. faire un ampli (школ.арго)	19. читать лекцию, разглагольствовать	262. coup de gueule	262. крик, брань; галдеж
20. l'âne frotte l'âne (prov. –посл.)	20. дурак дурака хвалит	263. coup de langue(donner, assener)	263. колкая шутка, колкость, злословие
21. les ânes parlent latin	21. ослы латынь любят; глупцы любят напыщенную речь	264. un coup de langue est (souvent) pire qu'un coup de lance	264. злые языки страшнее пистолета
22. c'est un ange qui passe (тж. l'ange a passé)	22. «тихий ангел пролетел» (когда общий разговор неожиданно смолкает)	265. discuter le coup арго	265. болтать, трепаться
23. parler par antiphrases	23. говорить иносказательно	266. expliquer le coup	266. объяснить, рассказать, в чем дело
24. cela (или voilà ce qui, voilà qui) s'appelle parler (разг.)	24. вот это дело!, правильно!, золотые слова!, хорошо сказано!	267. tirer son coup en carabin арго	267. вставить словечко в споре
25. argo des coulisses	25. актерский, театральный жаргон	268. la couper à qn прост.	268. а)грубо оборвать кого-л., заткнуть рот кому-л.; б)ошеломить, огорошить
26. argo du fumoir	26. циничная, грубая речь	269. faire la coupure разг.	269. внезапно переменить тему разговора при появлении вновь пришедшего
27. tirer argument de...	27. сделать вывод	270. faire la cour de qn	270. замолвить словечко за кого-л.
28. faire l'article pour qn (разг.)	28. делать кому-л. рекламу, расхваливать кого-л.	271. pour faire court	271. короче говоря, короче
29. en dire assez	29. красноречиво свидетельствовать о чем-л.	272. demeurer (или rester) (tout) court	272. запнуться, не знать что сказать, смешаться, растеряться
30. c'est assez causé!	30. хватит об этом	273. phrases mal cousues	273. бессвязные фразы

31. casser les assiettes «Des guelards, ça ne manque pas dans la boîte... Ils cassent les assiettes, ils aboient par derrière, mais quand ils entrent dans le grand bureau, ils serrent les fesses !» (J. Fréville, « Pain de brique»).	31. учинить скандал «У нас на заводе своих крикунов хватает... Они шумят, дерут глотку, ругают хозяина за его спиной, а как только входят в контору, сразу поджимают хвост».	274. tenir la crachoir прост.	274. быть болтливым; иметь хорошо подвешенный язык
32. mettre en avant	32. высказать, предложить	275. aller à Cracovie арго	275. врать, завираться [выражение, в основе которого лежит сходство между словами Cracovie и словами craque, craquer, craqueur
33. parler à l'avantage de qn	33. хорошо отзываться о ком-л., говорить в чью-л. пользу	276. avoir ses lettres de Cracovie арго	276. быть уличенным во лжи; быть известным лжецом
34. dire la bonne aventure à qn	34. предсказывать будущее, гадать	277. il n'y a qu'un cri sur cela	277. об этом все в один голос говорят
35. diseuse d'aventure	35. гадалка	278. la critique est aisée, et l'art est difficile prov.	278. критиковать легче, чем создавать
36. juger (или parler) de qch comme des aveugles des couleurs	36. разбираться как слепой в красках	279. dire qch de son cru	279. сказать что-л. свое, оригинальное, высказать оригинальную мысль
37. ouvrir un avis	37. высказать новую точку зрения	280. enrager (или jurer, pester) entre cuir et chair	280. бормотать проклятия, показывать кукиш в кармане
38. ne parler que par B et par F	38. пересыпать речь грубой бранью (некоторые французские бранные слова начинаются с букв B и F)	281. glisser entre cuir et chair	281. ловко, незаметно ввернуть (слово, замечание и т.п.)

39. Qui dit A dit (doit dire) B (prov.)	39. Кто сказал А, должен сказать и Б	282. faire un cuir (или des cuirs)	282. а) делать неправильные слияния во французском языке; говорить неграмотно по-французски б) разг. ляпнуть, сказать глупость
40. n'avoir que du babil	40. нести чепуху, молоть вздор	283. trop gratter cuit, trop parler nuit во всем нужна мера, во всем надо знать меру	283. во всем нужна мера, во всем надо знать меру
41. la joie est babillard (prov.)	41. радость болтлива	284. a beau parler qui n'a cure de bien faire prov.	284. у него слова с делом расходятся, красиво говорит, да некрасиво поступает
43. amuser par les bagatelles	манерничать, задерживать пустяковыми разговорами	285. on a beau prêcher (или parler) à qui n'a cure de bien faire prov.	285. бесполезно уговаривать того, кто не собирается следовать уговорам
44. mettre un bâillon à qn	44. заткнуть рот кому-л.	286. tenir le dé de la (или dans la) conversation	286. завладеть разговором, не давать никому говорить
45. mettre un bandeau sur la bouche de qn .	45. заткнуть рот, заставить замолчать	287. se déballer en paroles разг.	287. излить что-л. в словах
46. se moquer de la barbouillée (разг.)	46. а) пороть чепуху, говорить глупости; б) чихать на все, плевать с высокого дерева	288. avoir un bon décousu разг.	288. быть болтливым
47. (causer) à bâtons rompus	47. бессвязно, перескакивая с одного на другое; через пятое на десятое; урывками	289. mettre qn au défi de (+inf)	289. утверждать, биться об заклад, что кто-л. не сможет сделать чего-л.
48. causerie (или conversation) à bâtons rompus	48. непринужденная болтовня (не о чем)	290. je vous en défie	290. ручаюсь, что вы не сделаете этого
49. tailler les bavettes (или une bavette) (разг.).	49. болтать, чесать языки, точить лясы	291. à sotté (или folle) demande, point de réponse prov.	291. на глупый вопрос не отвечают

50. beau parler n'écorce point la langue (тж. jamais beau parler n'écorce la langue; les belles (les douces) paroles n'écorchent pas la langue (la bouche)	от ласковых слов язык не отсохнет	292. à sottе demande, sottе réponse prov.	292. на глупый вопрос нечего ждать доброго ответа
51. on a beau dire	51.напрасно говорить (бесполезно)	293. à menteur, menteur et demi (à trompeur, trompeur et demi)	293. на плута полтора плута; вор у вора дубинку украл; нашла коса на камень
52. c'est beaucoup dire	52. а) это что-нибудь да значит; б) это слишком громко сказано	294. à demi-mot loc.adv. (обыкн. употр. с гл.comprendre, entendre)	294. с по(у) слова
53. ce n'est pas beaucoup dire	53. а)это не бог весть что б)и это не просто слова	295.parler à demi-mot	295. не договаривать, говорить обиняками
54. Il faut beaucoup faire et peu parler	54. больше дела, меньше слов	296. déchirer à belles dents	296. а)уписывать за обе щеки; б)злословить, сплетничать; позорить, поносить
55. n'avoir que du bec	55. вечно болтать чепуху	297. entre ses dents (обыкн. употр. с гл. grommeler, murmurer, dire, répondre, etc.)	297. а)сквозь зубы, чуть слышно, невнятно; б) сквозь зубы, недовольно, ворча
56. avoir le bec bien affilé	56. за словом в карман не лезть	298. desserrer les dents (или la bouche, le gosier, les lèvres, les mâchoires)	298. заговорить
57. avoir bon bec	57. а)за словом в карман не лазить; быть зубастым; б)быть болтливым (чаще о женщине)	299.forcer les dents	299. заставить заговорить, вызвать на откровенность
58. avoir le bec gelé	58. сконфузиться; язык проглотить	300. grommeler entre ses dents	300. ворчать про себя
59. boucler (или clouer, clore, fermer) le bec	59. заставить держать язык за зубами, заткнуть глотку	301. parler des grosses dents à qn	301. а)угрожать кому-л.; б)говорить с грубой откровенностью; с)распекать кого-
60. se défendre du bec	60. огрызаться, защищаться (в споре)	302. ne vous (en) déplaise ! (тж.n'en déplaise à votre savoir) разг.	302. не в обиду вам будь сказано, нравится вам это или нет

61. prendre par le bec	61. поймать на слове	303. faire un dessin à qn разг.	303. разглагольствовать
62. se prendre par le bec	62. сцепится с кем-л., вступить в перебранку, начать перепалку	304. il n'y a point à commenter la-dessus	304. это не требует комментариев, это говорит само за себя
63. taire son bec	63. замолчать в растерянности, проглотить язык	305. marchons la-dessus	305. поговорим об этом
64. tenir son bec	64. держать язык за зубами, держать язык на привязи	306. asseyez-vous dessus ! груб	306. а)заткните ему рот!; б)держите это про себя!
65. passer de bécarre à bémol (разг.)	65. перескакивать в разговоре с одного на другое, с пятого на десятое	307. raconter ses deuils разг.	307. рассказывать о своих бедах, о своих злоключениях
66. bénédiction de Saint-Roch (ирон.)	66. проклятие, ругательство	308. c'est (là) le diable à confesser разг.	308. а)из него клещами слова не вытянешь; б) в этом-то и трудность, это очень трудно; это то же, что черта на исповедь посылать
67. sortir des bêtises (разг.)	67. говорить глупости	309. diligence de Rome прог	309. язык
68. c'est bien rendu (разг.)	68. это хорошо сказано	310. dire (или répondre) amen à tout ce qu'on dit (или fait)	310. соглашаться во всем, поддакивать
69. je m'entends bien (разг.)	69. я прекрасно, отлично понимаю, что говорю	311. en dire de belles (или de bonnes, de dures, de fortes, de raides, de sèches, de toutes les couleurs, de vertes) разг.	311. а)говорить невероятные вещи, что только ни говорить о...; б)наговорить грубостей, непристойностей
70. on a beau prêcher (parler) à qui n'a cure de bien faire (prov.)	70. бесполезно уговаривать того, кто не собирается следовать уговорам	312. en dire bien d'autres à... : je t'en dirai bien d'autres	312. я тебе еще не то скажу
71. a beau parler qui n'a cure de bien faire (prov.)	71. у него слова с делом расходятся, красиво говорит, да некрасиво поступает	313. en dire tant ирон.: vous m'en direz tant !	313. уж вы скажете!, чего только вы не скажете!; вот оно что!, неужели
72. vous allez bien (разг.)	72. легко сказать, легко вам говорить	314. dire à qui veut l'entendre разг.	314. рассказывать всякому встречному и поперечному
73. être (или se mettre) sur son bien-dire	73. упиваться собственным красноречием	315. avoir à dire хотеть сказать: qu'avez-vous à dire?	315. что вы хотите сказать? что вы можете возразить?

74. cela est bientôt dit	74. это легко сказать (да не легко сделать)	316. n'avoir qu'à dire: vous n'avez qu'à dire	316. стоит вам только сказать, приказать
75. manger son beefsteak	75. молчать, проглотить язык	317. ne l'envoyer pas dire à qn	317. говорить напрямик, заявлять категорически
76. jaspiner (или rouscailler) bigorgne вор. жарг.	76. знать блатной жаргон, разговаривать на блатном жаргоне	318. ne le faire pas dire à... ирон. а) не смей возражать; вполне соглашаться; б) не тянуть за язык	318. а) не смей возражать; вполне соглашаться; б) не тянуть за язык
77. ah ! le bon billet (qu'a La Châtre или de La Châtre)	77. пустые слова! пустые обещания! [Маркиз де Ла-Шатр, возлюбленный Нинон де Ланкло, уезжая в армию, заручился от нее письменным обязательством хранить ему верность. Однако она вскоре нарушила свое обещание и при этом смеясь воскликнула: « Ah ! Le bon billet qu'a La Châtre ! »]	319. laisser dire	319. не обращать внимания на то, что говорят, на толки, пересуды; не возражать: laissez-le dire пусть говорит
78. avoir de la blague (разг.)	78. уметь говорить красиво	320. à ce qu'on dit	320. как говорят
79. avoir la blague du métier (разг.)	79. бахвалиться, хвалиться своими делами	321. aussitôt dit, aussitôt fait (тж. sitôt dit, sitôt fait)	321. сказано-сделано
80. faire (или jouer) une blague à qn (разг.)	80. посмеяться над кем-л., зло подшутить над кем-л.	322. autant dire que...	322. можно сказать, собственно говоря
81. laisser une marge blanche	81. умалчивать о чем-л., обходить молчанием	323. ce n'est pas assez dire	323. мало того, более того
82. si l'un dit blanc, l'autre dit noir	82. они постоянно спорят	324. ce n'est pas pour dire разг.	324. а) говорят, не хвалясь, не хвастаясь; б) не в осуждение будет сказано
83. elle est bleue, celle-là ! (разг.)	83. эка небылица!, турусы на колесах!	325. ce qui est dit est dit	325. что сказано, то сказано
84. bobard à la noix (разг.)	84. небылицы, рассказы	326. ce que vous dites et rien, c'est tout un prov.	326. мели Емеля, твоя неделя

85. envoyer les bobards (разг.)	85. делать кому-л. неприятные, колкие замечания	327. cela est plus aisé (или facile) à dire qu'à faire	327. это легче сказать, чем сделать; это легко сказать
86. lancer les bobards (разг.)	86. пускать «утку», распространять ложные слухи	328. ça ne me dit rien (или pas grand-chose)	328. это мне совсем не нравится, это меня не привлекает
87. en avoir de bonnes разг.	87. шутить; разыгрывать кого-л.	329. ça revient à dire...	329. а)это все равно, что сказать...; б)это значит, это равносильно, другими словами
88. cela est bon à dire	88. легко сказать!	330. c'est bientôt (или vite) dit	330. это легко сказать
89. bonheur d'expressions	89. красноречие	331. c'est dire que...	331. иными словами (это значит)...
90. des boniments à la voix du coco (или à la graisse de chevaux de bois, à la manque) арг	90. труссы на колесах	332. c'est dit!	332. решено!, по рукам!, идет!
91. mauvais boniments разг.	91. ругань, брань	333. c'est vous dire que...	333. это значит, что...
92. faire du boniments à разг. а) (тж. sortir des boniments)	92. заговаривать зубы; наговорить всякой всячины; б)завлекать женщину	334. comme qui dirait разг.	334. так сказать, как бы, вроде как
93. raconter des boniments разг.	93. разводить турусы на колесах, наговорить всякой всячины	335. comment dire ? : comment dirais-je ?	335. как бы вам сказать?, как бы сказать, выразиться?,
94. sotrir un drôle de boniments (разг.)	94. выступать со странным заявлением	336. disons-le (тж. disons le mot)	336. скажем прямо, скажем напрямик
95. avoir qch au (или sur le) bord des lèvres : il a un mot au bord des lèvres	95. это слово так и вертится у него на языке	337. il y a bien à dire entre...	337. большая разница между
96. brûler le bord des lèvres (тж. brûler les lèvres)	96. вертеться на языке, проситься на язык: ce mot lui brûle des lèvres это слово так и просится у него с языка	338. il est dit que... разг.	338. так уж народу написано, так уж положено
97. bordée d'injures	97. град ругательств	339. il n'est pas dit que... разг.	339. ще не известно
98. lâcher une bordée	98. а)мор. дать залп б) разразиться бранью, выругаться	340. il n'y a pas à dire	340. нечего говорить, ничего не скажешь, не возразишь

99. faire la petite bouche de (или sur) qch	99. умалчивать о чем-л.	341. il sera dit que... разг.	341. так уж видно положено, так уж видно суждено, так уж ничего не поделаешь
100. dans la bouche de qn	100. по словам такого-то	342. il na sera pas dit que...	342. я не допущу, чтобы...; этого не будет
101. bouche close (или cousue)	101. а) (тж. bec cousu) loc. adv. с закрытым ртом, не разжимая губ б) молчок! ни слова!	343. j'ai dit !	343. кончено!, сказано!
102. demeurer (или rester) bouche close (или cousue) (тж. avoir la bouche close ; garder bouche cousue, demeurer le bec cousu)	102. хранить молчание, держать язык за зубами; сохранять в тайне	344. ja ne dis pas...	344. я не отказываюсь
103. en avoir la bouche pleine (или plein la bouche)	103. а) непрерывно и с увлечением говорить о чем-л.; ни о чем ином не говорить, как о...; б) il en a plein la bouche у него это в зубах навязло, ему это осточертело	345. je ne dis pas cela	345. я этого не говорю; не в этом дело; что вы; ничуть
104. avoir toujours qch à la bouche	104. беспрестанно твердить о чем-л.	346. je ne vous dis que cela разг.	346. об остальном я молчу; и это еще не все
105. calfeutrer sa bouche	105. замолчать, проглотить язык	347. quand l'un dit : Tue !, l'autre dit : Assomme !	347. они всегда и во всем заодно
106. coudre la bouche à qn	106. заткнуть рот кому-л., заставить молчать кого-л.	348. que tout soit dit	348. покончим, порешим на этом
107. dire tout ce qui vient à la bouche	107. говорить все, что на ум взбредет	349. qu'en dira-t-on ?	349. что станут говорить?, что скажут?, что подумают?
108. être à la bouche de tout le monde (тж. être dans toutes les bouches)	108. быть у всех на устах	350. qu'est-ce que cela veut dire ? (qu'est-ce à dire ?)	350. что это значит?, в чем тут дело?
109. ouvrir la bouche	109. открыть рот, заговорить	351. soit dit entre nous(тж. entre nous soit dit)	351. между нами говоря, между нами будь сказано

110. ouvrir la bouche à qn	110. заставить заговорить кого-л.	352. soit dit sans vous fâcher (тж. soit dit sans vous offenser sauf votre respect)	352. не в обиду вам будь сказано
111. ouvrir une grande bouche pour souffler dans une petite flûte	111. стрелять из пушки по воробьям	353. soit dit en passant	353. кстати говоря, между прочим
112. parler par la bouche de qn	112. повторять чужие слова, петь с чужого голоса	354. tout est dit	354. этим все сказано; объяснения излишни
113. parler à qn bouche à bouche	113. говорить с глазу на глаз	355. vous l'avez dit ! разг.	355. вот именно; ваша правда
114. bouche de miel, cœur de fiel prov.	114. на языке мед, а в сердце лед; мягко стелет, да жестко спать	356. être sur son beau dire	356. а)говорить с воодушевлением (на свою любимую тему); оседлать своего конька; б)уст. упиваться собственным красноречием
115. ta bouche !	115. груб. заткнись!	357. soutenir son dire разг.	357. отстаивать свое мнение; подтверждать высказанное
116. bouche serrée, mouche n'y entre (prov.)	116. в рот закрытый глухо, не влетит муха; береженого бог бережет	358. payer en beau discours разг.	358. кормить обещаниями; заговаривать зубы
117. cela m'est sorti de la bouche	117. это сорвалось у меня с языка	359. c'est un autre discours разг.	359. совсем не в этом дело
118. il dit cela (или il parle) de bouche, mais le cœur n'y touche (тж. il le dit des lèvres, mais le cœur n'y est pas) (prov.)	118. он говорит одно, а думает другое	360. c'est la basse continue de son discours	360. он вечно говорит об этом, это не сходит у него с языка
119. il ne ment jamais s'il n'ouvre la bouche	119. что ни слово скажет, то совет	361. discours que tout cela разг.	361. все это одна болтовня
120. large de bouche et étroit de ceinture	120. широк на уста, да туг на мошну; на посулы тароват, а на дело скупают; много сулит, да мало дает	362. trêve de discours разг.	362. хватит болтать
121. qui garde sa bouche garde son âme	121. молчание-золото	363. diseur de phébus уст.	363. любитель пышных и туманных фраз

122. mettre un bouchon à qn разг.	122. заткнуть рот кому-л., заставить замолчать кого-л.	364. beau (или grand) diseur	364. человек, любящий поговорить
123. tu l'as dit, bouffi ! разг	123. что верно, то верно	365. les grands diseurs ne sont pas les grands faiseurs prov.	365. кто много болтает, тот на работе зевает; кто словом скор, тот в деле редко спор; кто много говорит, тот мало делает
124. bourrage de crâne	124. вранье, затуманивание мозгов, лживая пропаганда	366. changer de disque разг.	366. переменить пластинку, переменить тему разговора
125. avoir qn au bout du fil	125. говорить с кем-л. по телефону	367. avoir son dit et son dédit	367. часто противоречить самому себе, иметь семь пятниц на неделе
126. être au (или à) bout de sa gamme разг.	126. высказаться до конца; исчерпать запас своего красноречия	368. un Normand a son dit et son dédit prov.	368. нормандцу ничего не стоит нарушить данное слово
127. ce mot s'est présenté au bout de ma plume	127. это слово само слетело у меня с пера	369. du dit au fait il y a grand trait prov.	369. скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается
128. ce mot est resté au bout de ma plume	128. я забыл написать это слово	370. faire toucher qch du doigt разг.	370. убедить, разъяснить, растолковать, разжевать
129. s'il vient à bout, j'irai le dire à Rome	129. назовите меня дураком, если он сумеет это сделать	371. se faire montrer au (или du) doigt разг.	371. обратить на себя внимание, заставлять говорить о себе (в плохом смысле)
130. parler du bout des dents	130. цедить сквозь зубы	372. mon petit doigt me l'a dit дет.	372. мизинчик мне все рассказал, я все знаю
131. avoir qch au (или sur le) bout de la langue : j'ai cela au bout de la langue	131. это вертится у меня на языке; это (слово) так и просится у меня с языка	373. donneur d'eau bénite (de cour) (реже donneur de bonjours)	373. любитель говорить комплименты; пустослов, расточитель пустых обещаний, щедрый на обещания
132. discuter le bout de gras apro	132. торговаться, спорить, оспаривать друг у друга что-л.	374. laisser dormir	374. а) умолчать, предать забвению
133. appotez-lui un bout de chandelle pour trouver ce qu'il veut dire разг.	133. попробуйте понять, что он говорит	375. battre qn sur le dos d'un autre	375. ругать кого-л. в назидание другому; кошку бьют, а невестке наветки дают

134. avec un si (или des si et des mais) on mettrait Paris dans une bouteille prov.	134. если бы да кабы, так во рту выросли бы грибы	376. on-dit a bon dos prov.	376. на слухи можно свалить что угодно
135. lever boutique de qch разг.	135. хвастать чем-л.	377. eau bénite	377. а) религ. святая вода; б)разг. фальшивые, притворные заверения; елейные речи
136. s'attacher aux branches разг.	136. останавливаться на пустяках, вместо того, чтобы прямо приступить к главному	378. quand les mots sont dits (или quand les paroles sont dites), l'eau bénite est faite prov.	378. уговор дороже денег; пока суд да дело, готова и святая водица
137. sauter de branche en branche	137. перескакивать в разговоре с одного на другое, с пятого на десятое, рассказывать с пятого на десятое	379. mettre qn en douceur	379. а)заговорить зубы б) обобрать до нитки
138. être brave jusqu'au dégainer	138. храбриться только на словах	380. avaler de l'eau разг.	380. набрать в рот воды, молчать
139. brebis qui bêle perd sa goulée prov.	139. а)кто за обедом много болтает, тот голодным бывает б)кто много разговаривает, не успевает ничего сделать	381. écarts de language	381. вольности языка (отклонения от академической нормы)
140. raconter qch bredi-breda разг.	140. рассказывать что-л. через пятое на десятое	382. lâcher les écluses	382. а)(ouvrir les écluses) открыть шлюзы; б)разг. разразиться речью; с)распустить нюни, разреветься
141. dire à qn deux mots et une bredouille	141. выложить все как на духу	383. beau parler n'écorce point la langue (тж. jamais beau parler n'écorce la langue ; les belles paroles n'écorchent pas la langue ; les douces paroles n'écorchent pas la bouche) prov.	383. от ласковых слов язык не отсохнет

142. pour (le) faire bref	142. короче говоря	384. l'écoutant faif le médisant prov.	384. не слушай клеветника; молва не по лесу ходит - по людям
143. battre la breloque	143. а)воен. давать барабанный сигнал «разойдись» б)разг. нести околесицу	385. éplucher des écrevisses	385. переливать из пустого в порожнее
144. par brides et morceaux	144. обрывками, сбивчиво, с пятого на десятое, через пятое в десятое	386. avoir l'élocution facile	386. за словом в карман не полезет
145. bride à veaux уст. разг	145. глупые рассказы	387. se confondre (или se répandre) en éloges	387. рассыпаться в похвалах
146. tenir sa langue en bride	146. держать язык на привязи, держать язык за зубами	388. être à son (или faire son) éloge	388. говорить в чью-то пользу: c'est (tout) à son éloge это (только) в его пользу
147. faire plus de bruit que de besogne	147. больше болтать языком; больше говорить, чем делать; крику много, толку мало	389. faire l'éloge de qn	389. расхваливать кого-л.
148. le bruit pend l'homme prov.	148. злые языки хуже виселицы	390. ne pas tarir en éloges sur qn	390. не иссякать в похвалах на чей-л. счет
149. beaucoup de bruit pour rien (tant de bruit pour une omelette)	149. много шуму из ничего	391. éloquence du barreau	391. витиеватое, судейское красноречие
150. y aller à brûle-pourpoint	150. а)вступить в рукопашную б)сказать что-л. напрямик	392. éloquence de la chaire	392. церковное красноречие
151. il ne s'est peint qu'en buste	151. он рассказывает о себе только хорошее	393. éloquence du cœur	393. искренность слов
152. attacher (mettre) des cadenas aux lèvres	152. заставить замолчать, заткнуть рот	394. grande éloquence	394. пышное красноречие
153. battre la grosse caisse	153. а)бить в барабан; б)устроить шумную рекламу, трубить о чем-л.; с)разг. говорить о себе, расхваливать себя	395. casser les emblèmes разг.	395. лгать, рассказывать басни, заливать
154. envoyer des calembours à qn ирон.	154. обругать кого-л.	396. mal embouché разг.	396. грубиян, бесстыдник, нахал

155. calomnier à dire d'experts разг.	155. безудержно клеветать	397. être mal embouché	397. грубо выражаться; быть дерзким на язык, сквернословить
156. calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose !	156. клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется! [афоризм известный еще в XVII веке, получивший распространение как слова дона Базилио в комедии Бомарше « Le Barbier de Séville »]	398. à l'emporte-pièce loc. adv. (les mots à l'emporte-pièce)	398. а) с плеча, с размаху б) метко, четко, откровенно
157. mot (injure) de Cambronne	157. словцо Камбронна, грубое ругательство [французский генерал Камбронн в сражении при Ватерлоо будто бы ответил грубым ругательством на предложение англичан сдаться]	399. casser l'encensoir sur le nez (или casser le nez à coup d'encensoir ; donner de l'encensoir par le nez или à travers le visage)	399. кадить; грубо, неумело льстить
158. battre la campagne	158. d) бредить; молоть чепуху	400. prendre l'encensoir	400. приняться расхваливать, приняться льстить
159. cancans de portières	159. бабьи сплетни, пересуды	401. engueuler comme un pied argo	401. разнести в пух и прах, разделить на все корки
160. dire des capucinades	160. говорить пошлости	402. engueuler qn comme du poisson pourri	402. ругать на чем свет стоит
161. caquet bon bec	161. а) сорока; б) болтливая и злая на язык женщина	403. énigme sans mot	403. загадка без разгадки
162. caquets de l'accouchée	162. заговаривание зубов, болтовня	404. lâcher une énormité	404. брякнуть, сморозить глупость
163. avoir du caquet	163. хвастаться, бахвалиться	405. entendre parler de...	405. а) слышать разговоры...; б) подразумевать, иметь в виду
164. avoir le caquet bien affilé	164. не лезть за словом в карман	406. donner à (или faire, laisser à) entendre	406. дать понять, намекнуть

165. faire des caquet	165. болтать, сплетничать	407. se faire entendre	407. а)добиться понимания, найти общий язык с кем-л., договориться, поладить; б)выражаться понятно, хорошо объясняться
166. rabaisser (или rabattre) le caquet de (или à) qn	166. а)заткнуть глотку, заставить замолчать б) сбить спесь с кого-л.	408. qu'entendez-vous par là ? разг.	408. что вы хотите этим сказать?
167. le caquet bien affilé	167. болтливый язык; хорошо подвешенный язык	409. l'entente est au diseur prov.	409. сказанное понятно только тому, кто говорил
168. les chiens aboient (hurlent), la caravane passe prov.	168. собаки лают, а караван идет; собака лает - ветер носит	410. faire l'entretien de...	410. быть предметом разговора
169. tirer une carotte de longueur à qn разг.	169. заговаривать зубы кому-л.	411. с'était envoyé ça ! разг.	411. это было ловко сказано!, вот так сказанул!
170. injures (language) de carrefour	170. площадная брань	412. épanchements de (du) cœur	412. сердечные излияния
171. с'est (bien) le cas de le dire	171. воистину так, верно сказано	413. il a besoin d'épanchement	413. он не умеет молчать, он любит изливать душу
172. faire le catalogue des qualités de qn разг.	172. перечислять чьи-л. достоинства	414. aller à l'épargne des mots	414. быть скупым на слова
173. catéchisme poissard разг.	173. катехизис сквернословия [«Catéchisme poissard» - изданный Ваде в 1758 году сборник бранных слов и выражений, бытовавших среди торговцев Парижского рынка, в частности, торговцев рыбой]	415. éplucheur d'écrevisses	415. пустослов, пустомеля
174. с'est à cause des mouches	174. просто так, потому (говорят, когда не хотят ответить на вопрос)	416. user d'équivoques	416. выражаться двусмысленно
175. faire la (или un brin de, un bout de) causette разг.	175. поболтать; перекинуться словечком	417. prêter à l'équivoque	417. вызывать кривотолки, дать повод к кривотолкам

176. aller de la cave au grenier (или du grenier à la cave)	176. а)бросаться из одной крайности в другую; б)писать вкривь и вкось; с) нести околесицу	418. avoir de l'esprit en argent comptant	418. быть находчивым, острым на язык; за словом в карман не лезть
177. bourrer le cerveau de qn de mensonges	177. врать, рассказывать небылицы кому-л.	419. courir après l'esprit	419. пытаться острить, изощряться в остроумии
178. monter en chaire	178. а)подняться на кафедру; б)читать проповеди	420. clouer de l'esprit à les moindres propos	420. стараться острить на каждом слове
179. conter ses chances	179. рассказывать о своих похождениях, о своей жизни	421. parler d'espec et de taille	421. говорить, что взбредет на ум, толковать вкривь и вкось
180. c'est la chanson de Ricochet dont on ne voit pas la fin prov.	180. это все одна и та же песня; это старая песня	422. dire qch de son estoc разг.	422. высказывать свое мнение, говорить то, что думаешь : vous ne dites pas cela de votre estoc это не ваши слова
181. chanter toujours la même chanson (или antienne, note) разг.	181. тянуть одну и ту же песню, твердить одно и то же	423. ce n'est pas tout Evangile	423. не всякому слуху верь
182. il ne se paie pas de chansons	182. словами от него не отделаешься; соловья баснями не кормят	424. faites excuses ! разг.	424. простите!, извините!
183. faire la chansonnette разг.	183. втирать очки	425. qui s'excuse s'accuse prov.	425. кто оправдывается, тот сам себя выдает; на воре шапка горит
184. faire baisser (или rabaïsser, rabattre) la chanterelle	184. сбить спесь, заткнуть рот, заставить быть поскромнее	426. calomnier à dire d'expert разг.	426. безудержно клеветать
185. se débattre (или disputer) de la chape à (или de) l'évêque	185. спорить о пустяках, спорит попустому	427. expression consacrée	427. ходячее выражение; словесный штамп
186. mettre son chapeau de travers	186. а)заломить шапку набекрень; б)принять вызывающий вид; с)заговорить угрожающим тоном	428. expression gauloise	428. старомодное, устарелое выражение
187. débiter son chapelet	187. выпустить весь заряд (упреков, оскорблений и т.п.)	429. cela dépasse toute expression	429. это невыразимо, для этого не подберешь слов

188. défiler (или dévider) son chapelet (тж. dévider son écheveau)	188. рассказать все по порядку; выложить, высказать все, что на сердце	430. faire l'exquis ирон.	430. очаровывать кого-л., рассыпаться в любезностях перед кем-л.
189. dire son chapelet	189. перебирать четки, читая молитвы	431. fables de nourrice	431. бабьи сплетни, бабушкины сказки
190. défiler un chapelet d'injures	190. отпустить поток ругательств	432. conter des fables разг.	432. рассказывать басни, небылицы
191. faire la petite chapelle разг.	191. собираться вместе, чтобы посплетничать, посудачить	433. être la fable du peuple (или du quartier, de tout le monde, de toute la ville)	433. быть всеобщим посмешищем; стать притчей во языцех
192. charretée d'injures разг.	192. град ругательств	434. façade verbale	434. словесная ширма, пышная фраза
193. appeler un chat un chat	193. называть вещи своими именами, резать правду-матку [J'appelle un chat un chat et Rolet un fripon-слова Буало о прокуроре парламента Роле-известном взяточнике]	435. c'est facile à dire	435. легко сказать
194. avoir un chat dans la gorge (или dans le gosier, разг. dans la gouttière)	194. охрипнуть, говорить хриплым голосом	436. facilité de parole	436. дар речи, красноречие
195. chat miaaleur ne fut jamais bon chasseur prov.	195. рассказчики не годятся в приказчики	437. il faut bien faire et laisser dire prov .	437. делай свое дело и не обращай внимание на то, что говорят другие
196. le rendre chaud comme braise разг.	196. а) немедленно отплатить за обиду, сразу отомстить; б) мгновенно ответить на обидные слова, отбрить	438. faire et dire sont deux choses prov.	438. говорить и делать- это разные вещи
197. il l'a chaud	197. он за словом в карман не полезет	439. faiseur de phrases	439. болтун, краснобай
198. je viens tout chaud vous dire... разг.	198. я должен немедленно, сейчас же, тут же сообщить	440. aller (droit) au fait	440. излагать факты, держаться сути дела
199. écurer son chaudron arpo	199. исповедоваться	441. cracher son fait разг.	441. выболтать

200. aboyer aux chaussees à qn	200. облаять, резко и несправедливо раскритиковать кого-л.	442. dire son fait à qn	442. высказать кому-л. всю правду; говорить с кем-л. начистоту; выложить все начистоту
201. rompre les chiens разг.	201. прервать некстати затеянный разговор	443. parler sans fard	443. говорить без прикрас, говорить, не прикрашивая действительность
202. on ne peut empêcher le chien d'aboyer ni le menteur de mentir prov.	202. не запретишь ни собаке лаять, ни лгуну лгать	444. dire des farces à qn	444. зубоскалить
203. parler chiffres	203. говорить языком цифр	445. accent des faubourgs	445. просторечие, некультурная речь
204. c'est du chinois	204. это тарабарщина, это абракадабра	446. ferme ça ! (тж. la ferme !, ferme ton bec ! тж. ta boîte !, ta gueule !, ta malle !, ton four à pain !) груб.	446. заткни глотку!, заткнись!
205. poser sa chique разг.	205. быть вынужденным молчать, держать язык за зубами	447. faire la fique à qn	447. высмеивать кого-л., смеяться, насмеяться, издеваться над кем-л.
206. dire le nom (или le mot) et la chose	206. называть вещи своими именами	448. quittons la figure !	448. давайте говорить начистоту!, давайте говорить без обиняков!
207. dire les choses comme elle sont	207. говорить всю правду	449. de fil en aiguille	449. мало-помалу, слово за слово
208. ébruiter la chose	208. проболтаться, выдать	450. passer qn au fil de la langue	450. перемывать чьи-л. косточки
209. parler de choses et d'autres	209. говорить о том и о сем	451. perdre le fil de ...	451. (по)терять нить (разговора, мыслей, рассуждений)
210. ce n'est pas une chose à dire разг	210. о таких вещах не говорят	452. reprendre le fil de ...	452. возобновить (разговор, спор и т.п.)
211. la chose parle d'elle-même	211. вещи говорят сами за себя; хороший товар сам себя хвалит	453. avoir le filet bien (mal) coupé разг.	453. иметь хорошо (плохо) подвешенный язык
212. parler chrétien разг.	212. говорить понятным языком	454. couper le filet à qn разг.	454. а)развязать язык кому-л.; б)вмешаться в разговор
213. circonsion des lèvres	213. воздержание от сквернословия	455. lâcher du fil арго	455. проговориться, выболтать тайну
214. ne pas prendre de cirlocutions	214. говорить без обиняков	456. faire finesse de...	456. скрытничать

215. parler en usant des circonvolutions	215. говорить обиняками, ходить вокруг да около	457. fleurs de l'éloquence	457. цветы красноречия
216. faire un long circuit de paroles	216. разглагольствовать	458. semer de fleurs	458. расхваливать, превозносить
217. parler clair (et net)	217. говорить прямо, без обиняков	459. chanter (или conter, dire) fleurette(s)	459. говорить комплименты, любезничать, ухаживать
218. cliquetis de mots	218. пустые, громкие фразы	460. flux de bouche	460. а)обильное слюноотделение; б)разг. уст. словоизвержение, болтливость
219. enfoncer le clou разг.	219. повторять, долбить одно и то же	461. jurer sa foi	461. дать честное слово, поклясться честью
220. river son clou à qn разг.	220. а)заткнуть кому-л. рот, оборвать, поставить на место; б)сказать кому-л. правду-матку	462. je n'ai pas foi dans son baume	462. я не верю его рассказам, его обещаниям
221. avoir le cœur sur la main (тж. avoir le cœur sur les lèvres)	221. быть искренним, откровенным; что на уме, то и на языке	463. vider le fond de son sac	463. все высказать начистоту
222. parler le cœur sur la main	222. говорить, положить руку на сердце	464. tenir sur les fonts du baptême (или sur les fonts baptismaux)	464. а)крестить; б)разг. перемывать косточки
223. conter (или donner) ses colles à qn (тж. raconter une colle) разг.	223. разводить турусы на колесах	465. dans toute la force du terme	465. в полном смысле слова
224. poser une colle школ. жарг.	224. задать трудный вопрос, поставить в тупик	466. formule lourde de sens	466. многозначительная формулировка
225. commères du quartier разг.	225. сплетницы, кумушки	467. avoir son franc-parler разг.	467. говорить открыто правду; резать правду-матку, не стесняться в выражениях
226. sans compliment	226. без лести; напрямик, без обиняков	468. français de vache espagnole	468. ломанный, исковерканный французский язык
227. avoir le compliment collant	227. так и сыпать комплиментами	469. le dire en bon français : je vous le dis en bon français	469. я вам ясно говорю; я вам русским языком говорю

228. dégainer son compliment à qn	228. выложить начистоту	470. parler le français comme une vache espagnole (или comme un Basque espagnol)	470. очень плохо говорить по-французски
229. faire un mauvais compliment	229. сказать что-л. неприятное	471. amuser la galerie (или la salle, le tapis) разг.	471. трепаться, пустозвонить, отешать галерку
230. rengainer son compliment разг.	230. не договорить, не досказать до конца	472. vous n'en avez pas les gants разг.	472. вы не первый мне это говорите; это не ваше изобретение; вы не первый это сделали
231. à sot compliment point de réponse prov.	231. на обидные слова лучший ответ молчание	473. garder qch pour soi	473. держать про себя, молчать; gardez cela pour vous храните это в тайне, держите это про себя
232. rendre bon compte	232. с)положительно высказаться, отозваться	474. frapper sans dire gare	474. ударить без предупреждения
233. battre comtois разг.	233. притворяться, лгать	475. gargariser qn de belles paroles (или promesses) (тж. gargariser qn de vaines promesses) разг.	475. льстить, наобещать с три короба
234. ce que l'on conçoit bien s'énonce clairement	234. чтобы ясно выразить, нужно хорошо понять (слова Буало)	476. agir en (или faire le) Gascon	476. хвастаться, бахвалиться
235. bavard comme une consierge (или comme le claquet d'un moulin, comme une crécelle, un merle, une pie)	235. болтливый как сорока	477. garde(-toi) d'un Gascon ou Normand, l'un hâble trop et l'autre ment prov.	477. берегись гасконца и нормандца, один хвастун, а другой враль
236. qui ne dit mot consent (qui se tait consent)	молчание – знак согласия	478. c'est du gaulois !	478. это абракадабра!

237. conte(s) bleu(s) (тж. conte jaune ; conte fait à plaisir ; conte de bonne, de bonne femme, de vieille femme ; conte à la cigogne, de la cigogne ; conte de la mère l'oie, de Peau d'âne, de vieille, de fée)	237. басни, (бабы) рассказы, небылицы, вздор	479. glisser comme chat sur braise(s)	479. а)вскользь упомянуть о чем-л.; б)избегать определенной темы; il a passé là-dessus comme chat sur braise разг. он вскользь упомянул об этом
238. contes d'enfant	238 Детский лепет (на лужайке)	480. avoir la gorge nouée	480. лишиться дара слова от волнения, чувствовать комок в горле
239. débiter ses contes sur qn	239. клеветать на кого-л., сплетничать о ком-л	481. (se) faire (или en faire) des gorges chaudes (или une gorge chaude)	481. потешаться, открыто насмехаться, высмеивать; зубоскалить
240. faire des contes à qn	240. рассказывать кому-л. небылицы	482. faire rentrer les mots (или les paroles) dans la gorge à (или de) qn разг.	482. заткнуть глотку, заставить замолчать
241. habiller son conte	241. завуалировать непристойность рассказа	483. mentir par la (или par sa) gorge разг.	483. нагло лгать, врать
242. conte ton conte разг	242. ври на здоровье	484. parler gras	484. а)картавить; б)говорить сальности
243. voilà un beau conte !(тж. voilà de beaux contes !)	243. выдумки! басни!	485. faire entendre (или faire sonner) son grelot прост.	485. заговорить, привлечь к себе внимание

ПРИЛОЖЕНИЕ II.
СУБЪЕКТИВНЫЙ ДИСКУРС С МАРКЕРАМИ СУБЪЕКТА
(СУБЪЕКТНЫМИ РЕПРЕЗЕНТАТИВАМИ)
РАЗНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Georges Brassens, 1966.

SUPPLIQUE POUR ÊTRE ENTERRÉ À LA PLAGE DE SÈTE

La camarde qui ne **m'a** jamais pardonné
D'avoir semé des fleurs dans les trous de son nez
Me poursuit d'un zèle imbécile
Alors **cerné de près** par les enterrements
J'ai cru bon de **remettre** à jour **mon** testament
De **me** payer un codicille

Trempe dans l'encre bleue du golfe du lion
Trempe, trempe ta plume **o mon vieux** tabellion
Et de ta plus belle écriture
Note ce qu'il faudrait qu'il advint **de mon corps**
Lorsque **mon âme** et lui ne seront plus d'accord
Que sur un seul point la rupture

Quand **mon âme** aura prit son vol a l'horizon
Vers celles de Gavroche et de Mimi Pinson
Celles des titis, des grisettes
Que vers le sol natal **mon corps** soit ramené
Dans un sleeping du «Paris-Méditerranée»
Terminus en gare de Sète

Mon caveau de famille, hélas n'est pas tout neuf
Vulgairement parlant il est plein comme un oeuf
Et d'ici que quelqu'un n'en sorte
Il risque de se faire tard et **je ne peux**
Dire à ces brave gens, «poussez vous donc un peu »
Place aux jeunes en quelque sorte

Juste au bord de la mer, à deux pas des flots bleus
Creusez si c'est possible un petit trou moelleux
Une bonne petite niche
Auprès de **mes amis d'enfance** les dauphins
Le long de cette grève ou le sable est si fin
Sur la plage de la corniche

C'est une plage ou même, à ses moments furieux
Neptune ne se prend jamais trop au sérieux

Ou quand un bateau fait naufrage
Le capitaine crie: « je suis le maître à bord
Sauve qui peut! le vin et le pastis d'abord
Chacun sa bonbonne et courage!»
Et c'est la que jadis, à quinze ans révolus
A l'âge ou s'amuser tout seul ne suffit plus
Je connus la prime amourette
Après d'une sirène, une femme-poisson
Je reçus de l'amour la première leçon
Avalai la première arête

Déférence gardée envers Paul Valéry
Moi l'humble troubadour sur lui **je renchéris**
Le bon maître **me** le pardonne
Et qu'au moins si ses vers valent **mieux que les miens**
Mon cimetière soit plus marin que le sien
Et n'en déplaise aux autochtones

Cette tombe en sandwich, entre le ciel et l'eau
Ne donnera pas une ombre triste au tableau
Mais un charme indéfinissable
Les baigneuses s'en serviront de paravent
Pour changer de tenue, et les petits enfants
Diront: Chouette un château de sable!

Est-ce trop demander? sur mon petit lopin
Plantez, **je vous en prie**, une espèce de pin
Pin parasol de préférence
Qui saura prémunir contre l'insolation
Les bons amis venus faire sur **ma concession**
D'affectueuses révérences

Et quand prenant **ma butte** en guise d'oreiller
Une ondine viendra gentiment sommeiller
Avec moins que rien de costume
J'en demande pardon par avance a Jésus
Si l'ombre de **ma croix** s'y couche un peu dessus
Pour un petit bonheur posthume

Pauvres rois, pharaons! pauvre Napoléon!
Pauvres grands disparus gisant au Panthéon
Pauvres cendres de conséquence!
Vous envierez un peu **l'éternel estivant**
Qui fait du pédalo sur la vague en rêvant
Qui passe sa mort en vacances